

Российская Академия Наук
Институт философии

**ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
КАК ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА**

Москва
2006

УДК 300.35
ББК 15.55
Ж 71

Ответственный редактор

доктор филос. наук *В.Н. Шевченко*

Рецензенты

доктор филос. наук *И.А. Гобозов*

доктор полит. наук *Е.А. Самарская*

Ж 76 **Жизнеспособность** Российского государства как философско-политическая проблема. — М. — 2006. — 152 с.

В монографии с философских позиций рассматривается одна из самых острых тем, которая обсуждается сегодня как в выступлениях государственных деятелей, политиков, так и в средствах массовой информации, публицистике. Поставлен вопрос о сущностных, онтологических основах российской государственности, в том числе о его духовных основах, знание которых дает возможность найти оптимальное политическое решение вопросов государственного устройства России. В книге рассмотрены различные пути и способы реформирования современного Российского государства, возможности и пределы его жизнеспособности на каждом из разбираемых в книге путей его реформирования и развития.

Предисловие¹

В настоящей монографии авторский коллектив сектора философских проблем политики продолжает разработку актуальных проблем, связанных с современным состоянием Российского государства в условиях растущей глобализации мира, его будущим в исторически обозримой перспективе. Напомню, что предыдущая работа, выполненная в секторе, называлась «Судьба государства в условиях глобализации». В центре внимания одной из самых острых и оживленных дискуссий, ведущихся в нашей стране в последние годы, находится реальная угроза распада, нависшая над Российским государством, возможности ее преодоления, создания для него таких условий, которые позволили бы говорить о нем как о жизнеспособном государстве. Все эти вопросы постоянно обсуждаются как в выступлениях государственных деятелей, политиков самых разных идейных ориентаций, так и в средствах массовой информации, публицистике. Особенность нынешней полемики вокруг исторических судеб Российского государства состоит в том, что в ней слишком много идеологических наслоений, но слишком мало того, что можно назвать научным поиском. Постановка вопроса о настоящем и будущем Российского государства не может быть ограничена кругом вопросов собственно идеологического и политического характера, тем более, вопросами административной реформы государственных институтов власти и управления. Научная дискуссия предполагает, прежде всего, сравнительный анализ философских, теоретических основ методологии исследования, используемой в различных работах, но здесь как раз достижения современной отечественной мысли выглядят достаточно скромными.

Авторский коллектив поставил перед собой задачу рассмотреть жизнеспособность Российского государства именно как философско-политическую проблему. Специфика такого подхода состоит в том, что, во-первых, необходимо выявить онтологические основы государства в совокупности внешних и внутренних факторов его существования и развития. Тем самым становится возможным содержательное определение критерия жизнеспособности, его основных аспектов.

Во-вторых, важно показать, каковы должны быть, исходя из конкретного понимания жизнеспособности государства, цели и приоритеты государственной власти, эффективного политического управления российским обществом, все еще балансирующего на грани рас-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного фонда. Проект № 05-03-03359а.

пада, бытия и небытия. Если сегодня действительно над государством и обществом нависла реальная угроза распада, то главной причиной может быть только серьезный конфликт между метафизической сущностью Российского государства и нынешним устройством институтов государственной власти, который и проявляет себя в неадекватных политических действиях власти, в принципиальной невозможности выработать и осуществлять стратегически верный курс.

Разумеется, авторы коллективного труда не могли пройти мимо и такой фундаментальной проблемы, как духовные основы жизнеспособного Российского государства. Делается попытка, и кажется весьма плодотворная, обоснования того вывода, что сегодня онтология социального бытия превращается в своего рода антропологию, что невозможно обсуждать проблематику Российского государства, не решив вопроса о сущности человека. Жизнеспособность государства напрямую связана с поддержанием духовно-нравственных основ жизни человека, важнейшего условия нормальной, здоровой жизни человека.

Наконец, в задачи авторского коллектива входил внимательный анализ как последних достижений зарубежной мысли, главным образом европейской мысли, так и политического опыта в сфере государственного управления, накопленного странами Востока, в первую очередь Китаем. При всем своеобразии взглядов каждого автора в главном они придерживаются сходных позиций. Это обстоятельство позволяет надеяться, что настоящая работа будет восприниматься читателями не просто сборником статей, а как коллективный труд, объединенный единой темой исследования, многоаспектным ее рассмотрением, результаты которого носят, как мне представляется, взаимодополняющий характер.

В. Н. Шевченко

Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема

Актуальность проблемы

Жизнеспособность Российского государства – это одновременно важнейшая теоретическая проблема и политическая задача сегодняшнего дня. Актуальность проблематики настолько очевидна, что не требует особых пояснений.

После ухода Ельцина с поста президента стал общепризнанным тот факт, что Российская Федерация в последние годы его правления находилась буквально на краю пропасти. Энергичные шаги нового президента помогли отвести непосредственную угрозу распада. Но вопрос не снят. Реальная угроза распада Российского государства остается. Государство по-прежнему находится в состоянии системного кризиса, хотя власть предпринимает энергичные попытки вывести страну из него.

Публикаций и выступлений в средствах массовой информации – огромное количество, которое растет с каждым днем, и охватить его единым взором просто невозможно. Об этом говорят и пишут государственные чиновники, политики, деятели культуры, публицисты в средствах массовой информации, сторонники самых различных идейных течений¹. Резкость полемических суждений вокруг нынешнего состояния Российского государства лишний раз подтверждает исключительную значимость проблемы. Исследования собственно научного, теоретического характера довольно немногочисленны, они нередко несут на себе заметный налет публицистики и также не лишены порой идеологической определенности².

В ходе анализа жизнеспособности современного Российского государства следует обратить внимание на две группы проблем. Одна из них связана с современной интерпретацией понятия жизнеспособности государства, другая – с выявлением культурно-исторической специфики российской государственности.

Проблема жизнеспособности

Сначала о первой проблеме. Она более понятна. Резкое обострение кризиса в государстве, способное вызвать распад государства, всегда сопровождается ослаблением порядка, социальных связей и отношений между людьми, нарастанием социального хаоса. В кризисной ситуации власть теряет контроль над ходом протекания социальных процессов, ростом стихийных и неорганизованных действий людей. При разрушении высокого уровня социальных отношений неизбежно актуализируются связи и отношения более низкого порядка, что означает возвращение к архаике, другими словами, к варваризации общества. Иначе говоря, в реальной жизни в больших масштабах появляется то, что, казалось, преодолено или оттеснено в маргинальные сферы длительным ходом исторического развития общества³. Задача любого государства и заключается в том, чтобы в обществе постоянно имел место высокий уровень социальной энергетики, но так, чтобы она носила не деструктивный, разрушающий, а созидательный характер. Государственная власть должна уметь оформлять этот поток социальной энергии, придавать ему определенную упорядоченность и, главное, – направленность. При изучении кризисных состояний особую важность приобретает понятие жизнеспособности. Жизнеспособность как таковая есть способность существовать, воспроизводиться и развиваться. Одной из первых работ на тему жизнеспособности нового Российского государства, выпущенной в середине 1990-х гг., стали материалы научной конференции, которая называлась «Жизнеспособность докоммунистической, коммунистической и посткоммунистической России»⁴. На конференции, в частности, обсуждался и теоретический смысл понятия жизнеспособности. С философской точки зрения, сказал А.С.Ахиезер, «жизнеспособность государства – это способность отвечать на все новые вызовы истории»⁵. Другими словами, это способность государства создавать условия для производства и воспроизводства общества как социального организма с учетом на обозримую, длительную перспективу. Жизнеспособное общество динамично развивается, нежизнеспособное общество не развивается, в лучшем случае, находится в застойном состоянии. В нем накапливаются элементы разложения, оно попадает в затяжное кризисное состояние, все более многочисленными становятся проявления социальной патологии.

Основная причина кризисов и распадов отдельных государств в прошлом и настоящем – это узкое видение правящей элитой исторического горизонта. Именно на это обстоятельство обращал внима-

ние Н.А.Бердяев, который считал причиной самоубийства предельно узкий горизонт самоубийцы, закрывающий для него все другие альтернативы поведения⁶. Не только люди, но и отдельные государства совершают самоубийства. Инстинкт самосохранения в такой ситуации рано или поздно побуждает общество к решительным действиям, направленным на предотвращение катастрофы, что вызывает социальные потрясения, восстания и революции. Среди разных аспектов критерия жизнеспособности государства, с нашей точки зрения, можно выделить четыре главных, фундаментальных аспекта. Первый критерий жизнеспособности – его духовно-идеологическая составляющая, а именно – наличие общенациональной стратегии развития, или, как сегодня обычно говорят, Проекта. Основная трудность в теоретическом плане связана с определением современной сущности общественного прогресса, направления дальнейшего поступательного развития общества, что позволило бы четко определять и поддерживать внутренние источники прогрессивного развития общества: экономические, идеологические, интеллектуальные.

Всякие рассуждения об общегосударственном, национальном Проекте предполагают наличие политического субъекта, способного сформулировать такой проект и взять на себя главную ответственность за его реализацию. Позитивное решение задачи осложняется в случае отсутствия общенационального согласия в обществе по базовым вопросам его устройства.

Социальный критерий жизнеспособности связан, прежде всего, с наличием или отсутствием социальной энергетики в обществе. Западное общество демонстрирует наглядный пример общества с мощной социальной направленностью на практический успех. Многим незападным обществам может не нравиться то, на решение каких конкретных дел направляется эта энергетика, но далеко не все из них обладают такой энергетикой. Нет ее, к сожалению, у нынешнего российского общества. Когда сегодня говорится о необходимости появления новой российской социальности, следует, прежде всего, обратить внимание на то, что социальные связи и отношения всегда есть обратная сторона социальной деятельности людей. Социальность есть порождение взаимодействия разнообразных конкретных практик. Третий аспект критерия жизнеспособности – человеческая составляющая. Он связан с наличием населения в стране, соразмерного Проекту. Демографическая катастрофа и амбициозный общественный Проект – вещи плохо совместимы. Состояние демографической ситуации тесно связано с проблемой связи поколений. Отчуждение между поколениями приводит не только к резкому ухудшению демо-

графической ситуации, но и к невозможности реализации полномасштабного Проекта, которая не может быть делом головы и рук только одного поколения. Раскол между поколениями есть одна из форм выражения социального раскола в обществе. Современное общество, как никогда ранее, стало обществом риска. Это означает, что любая социально-значимая деятельность, как правило, вероятностна по своей природе и далеко не всегда приводит к достижению поставленной цели. Определение допустимых рисков и предупреждение общества о грозящих опасностях — неотъемлемая сторона реализации Проектного замысла.

В самом общем виде жизнеспособное государство — это государство, способное контролировать все жизненно важные параметры общества как социального организма. Определение Проекта, иными словами, общенациональных, государственных интересов и национальной стратегии развития, определяет содержание критериев национальной безопасности, системное качество их совокупности. Без раскрытия сути этой причинной зависимости обсуждение проблем национальной безопасности в значительной мере лишается содержательности и сводится к констатации очевидных положений и выводов.

Главная философская проблема Российского государства

Обсуждаемая в настоящее время проблема будущего Российского государства не может быть ограничена кругом вопросов политического характера, и прежде всего, вопросами устройства государственных институтов власти и управления. Такой подход, несомненно, упрощает проблему Российского государства. Либеральная модель политической системы преподносится ее сторонниками в качестве универсальной модели. Несмотря на все неудачи и противодействия, реформирование государственных институтов власти должно продолжаться. Рационально конструируемая модель либерально-демократического устройства государственной власти, с их точки зрения, проста и понятна, а если возникают, по мнению либеральных авторов, проблемы с ее отладкой, то они в населении, в отсутствии денег, в произволе и коррупции чиновников, в чем угодно, но только не в самой модели.

Существующее многообразие во взглядах на природу Российского государства, к сожалению, не дает такого продуктивного решения, которое могло бы стать прочной основой общенационального согласия. Особенность современной ситуации состоит в том, что она еще не вы-

шла на уровень научной дискуссии. Есть много работ монологического характера, есть полемика относительно конечных выводов, но начинается дискуссия с сопоставления методологий исследований. Сегодня остро необходима современная философская методология анализа природы Российского государства, его настоящего и будущего.

За философским проектом будущего Российского государства, конечно, стоит определенное видение, определенная интерпретация исторического процесса. Любая интерпретация представляет собой выражение позиции, прямое или косвенное, определенного субъекта социально-исторического познания и практического действия. Можно создать любой самый привлекательный или самый рациональный проект устройства Российского государства и общества. Но без указания конкретного субъекта к каждому такому проекту можно относиться только с позиций веры, что делает невозможным любой научный дискурс.

Однако в условиях кризиса в общественном сознании могут существовать образы государства, которые не имеют четкой привязки к определенным социально-политическим силам. Причина тому отсутствие достаточно четких социальных размежеваний в обществе, оно плохо структурируется на социальные слои, классы, сословия или группы. В связи с этим понятен такой обостренный интерес в обществе к проблеме идентичности⁷.

В центре современных общеполитических дискуссий о российской идентичности находится вопрос о глубинной, сущностной природе Российского государства. В этом смысле борьба политических сил – это борьба образов государства, в которых каждая политическая сила находит свои духовные силы и обретает уверенность в своей правоте. В эту плоскость смещается сегодня фокус политической борьбы. Умение сформировать свое понимание государства и показать несостоятельность образов государства у политического соперника является сегодня главной интригой политической жизни. Но есть важное различие между такими интеллектуальными построениями, как национальные идеи или общественные проекты и идентичность. Обращение к проблеме идентичности может существенно помочь в решении вопроса о том, каковы возможные пути и средства выживания сегодняшней России как государства. Формирование идентичности предполагает наличие Другого или Других, без наличия которых процесс идентификации, как правило, невозможен. Коллективная идентичность есть, прежде всего, определенный способ восприятия и, главное, действий этноса, народа, государства, любой большой социальной массы или группы, выступающих в дан-

ном случае в качестве незримого коллектива единомышленников. Она складывается на протяжении длительного времени в некий обобщенный образ, с которым группа вырабатывает и соотносит свои оценки и стандарты, модели поведения. Другими словами, группа, соотнося себя с этим образом, понимает, узнает себя, свое место среди других групп, а главное, подчеркнем еще раз, группа действует. Идентичность есть обретение витальной силы, которая утверждает некое должное через последовательные поступки и действия в настоящем, поскольку идентичность как образ содержит в себе и стратегическую линию поведения, рассчитанную на историческую перспективу. В этом отношении интеллектуальное построение в виде национальной идеи может быть воспринято как коллективный образ, если на ее основе выстраивается некая коллективная идентичность. Но это далеко не всегда может иметь место. История русской идеи показывает это со всей убедительностью.

В сознании современного российского общества идут сложные процессы осмысления последствий гибели СССР, крупнейшей геополитической катастрофы XX в., распада единой идентичности советских людей. В последние годы начинает все более зримо срабатывать заложенная в глубинах коллективного бессознательного российской цивилизации потребность в сохранении государственности, в появлении у государства нового стратегического видения своего будущего. Проблема состоит в том, что в сознании общества сложилось несколько таких идентификаций, которые плохо совместимы друг с другом, а нередко одна из них просто отвергает право на существование остальных. Духовный кризис вызывает блокирование источников социальной энергии.

Методология анализа проблемы

Результаты дискуссий вокруг проблематики идентичности показывают, насколько важным становится сегодня выявление закономерностей формирования идентичности, обусловленности ее содержания, динамики изменений экономическими, культурно-историческими и другими факторами. Огромную значимость приобретают два методологических подхода: философский анализ сущностных особенностей Российского государства и анализ изменений его места и роли в мировой капиталистической системе в течение последних столетий. Сначала о первом методологическом подходе, утверждающем принципиальное различие между импер-

ским и либеральным типами государственности и показывающем, насколько и при каких условиях возможна трансформация одного типа государственности в другой.

Имперский и либеральный типы государственности

В последнее время теоретическая постановка вопроса о метафизических основаниях, метафизической сущности Российского государства встречает, по меньшей мере, непонимание. Либерально мыслящие авторы отвергают метафизику как нечто устаревшее, – и материалистические, марксистские трактовки, и платоно-гегелевский идеализм. Позитивистская установка либеральных ученых упрощает проблему государства, сводит ее к рациональному устройству институтов государственной власти. Тем не менее либерально-демократическое государство имеет также свою метафизику. Здесь нет возможности рассмотреть состоятельность одного из возможных вариантов исторической миссии США, созданных по рецептам тайного знания масонов для реализации их глобальной цели. Как пишет один из исследователей, «Соединенные Штаты несут в своем астро-генкоде программу тотальной трансформации человечества»⁸. Есть и другие подходы к пониманию метафизики либерального типа государственности.

История многих философских школ свидетельствует о том, какими огромными объяснительными возможностями обладает метафизический подход к природе государства, помогающий понять присущую государству историческую миссию, его особую уникальную роль во всемирно-историческом процессе.

Традиционное, добуржуазное государство имеет внерациональные (по меркам западной рациональности) основы своего возникновения. Империя представляет собой наиболее типичную форму традиционного добуржуазного государства. В последнее время резко возрос интерес к теоретическому анализу империи. Изучению имперской государственности в конкретно-научном плане посвящается в последнее время огромное количество работ историков, политологов, правоведов⁹. Интересно, что политологическая работа С.И. Каспэ начинается с характерной цитаты: «Изучение империй снова в моде»¹⁰.

Если говорить предельно кратко, то империя есть, прежде всего, многоэтническое государство, в котором доминирующую роль обычно играет государствообразующий этнос. Ей присущи такие черты, как имперская, общегосударственная культура, державная, т.е. суверен-

ная, авторитарная власть, опирающаяся на всесильную бюрократию; военная мощь, стремление к экспансии и пространственному расширению, направленное на достижение геополитической безопасности империи, на обеспечение самодостаточности, автохтонности развития, что порождает существенные различия в уровнях развития между центром империи и ее периферией, а также сословная структура общества. Россию XVIII – начала XX вв. нередко относят к разряду не вполне обычных империй, и это суждение имеет под собой серьезные основания, если учесть, что становление империи идет во время бурного развития капитализма в Европе.

С философской точки зрения империя представляет собой, прежде всего, органическое неразрывное единство природы-народа-государства-культуры, что впервые было осмыслено евразийцами. Основатель евразийства П. Н. Савицкий утверждал, что «Россия – Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум” – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. ландшафт. ...Причем “месторазвитие” (согласно сказанному выше) нужно понимать как категорию синтетическую, как понятие, обнимающее одновременно и социально-историческую среду, и занятую ею территорию»¹¹. Другими словами, месторазвитие есть способ хозяйственного освоения природного ареала, в котором живет и развивается империя, и которое определяет направленность, канал исторической эволюции империи, особую роль и место имперского государства во всемирно-историческом процессе. Государство призвано всем ходом истории воплотить в жизнь некий универсальный проект, значимость которого выходит далеко за рамки государства. Это условие, без которого не может существовать империя. Поэтому в сознании общества, в поисках им своей идентичности на первом месте всегда стоит стремление к пониманию этой особой роли государства¹².

Имперский тип социальной организации далек от совершенства, тем более от западных стандартов совершенства. Резко критически относятся к имперской государственности как либералы-западники, так и коммунисты (социалисты) классического (европейского) марксизма. Действительно, проблема взаимодействия имперской государственной власти и общества существует, и она носит весьма сложный характер. Это – господство целого над частью, господство бюрократии, а потому отсутствие действенных механизмов гражданского контроля, реальной оппозиции и многого другого. Автор весьма далек от апологетического принятия империи. Но этот исторический тип социальной организации не может быть преобразован в другой либеральный тип волевым путем. Нужно изучать и знать закономер-

ности функционирования и развития имперской модели общества, ее классические и неклассические формы, возможности и пределы ее эффективности и жизнеспособности применительно к конкретнo-исторической обстановке. Если понимать империю как некоторое органическое единство, то возникает самый главный вопрос: каковы принципиальные возможности трансформации имперской государственности в другой тип — либеральный тип. Ведь с либеральной точки все имперское, все его рецидивы должны быть решительно отвергнуты, а аппарат государственной власти должен стать инструментом в руках общества, а именно гражданского общества. С позиций либерального универсализма проблема кажется вполне разрешимой особенно с политологической точки зрения, когда, преднамеренно или нет, остаются без внимания экономические и природные условия, определяющие жизнеспособность империи.

Метафизики традиционного, имперского государства и либерального государства не просто различны, они противоположны. Либеральный тип государственности есть совершенно другой тип воспроизводства общественной жизни в ее совокупности. Постоянный индустриально-экономический прогресс возможен только за счет внешней экспансии и создания колониальных империй. (В геополитической терминологии — цивилизации моря и цивилизации суши.) Колониальная империя строится, по существу, на тех же принципах что и континентальная империя, за исключением, пожалуй, одного, но самого главного принципа. У нее совершенно иной тип хозяйственного отношения к природной среде. Наличие некапиталистической периферии и определяет, в конечном счете, жизнеспособность либерального типа государства и, соответственно, содержание критерия его жизнеспособности, а если брать более широко, центра капиталистической мировой системы.

Теперь мы обратимся к другому методологическому принципу. Почему ставится вопрос о жизнеспособности Российского государства, а не российского общества? Здоровое жизнеспособное общество есть, прежде всего, результат эффективного прямого или косвенного управления государственной властью существованием и развитием всех сфер жизнедеятельности общества. Тем более что перспектива превращения органов государственной власти в инструменты гражданского общества все больше становится проблематичной в условиях нынешней формы глобализации. По крайней мере, такое преобразование далеко не очевидно даже в условиях западного мира, который (особенно США) все дальше удаляется от этого, скорее всего, утопического идеала.

Специфика философско-политического подхода к решению проблемы жизнеспособности Российского государства состоит, во-первых, в том, чтобы определить его метафизические основы в совокупности внешних и внутренних условий существования и, тем самым, объективное содержание критерия жизнеспособности, его основных аспектов. Во-вторых, показать, как власть понимает эти условия, какие она ставит стратегические цели и принимает конкретные политические решения. Иными словами, насколько она действует оптимально, т.е. эффективно управляет государством, особенно с точки зрения длительных перспектив его развития в качестве здорового, а не патологически больного Российского государства, постоянно балансирующего на грани распада, бытия и небытия.

Распад, т.е. неуправляемая дезинтеграция государства, а такое не раз случалось в истории — только в XX в. Россия пережила две национальные катастрофы — означает, что государственная власть не просто совершала грубые ошибки, это всегда как-то поправимо, она действовала вопреки глубинной, метафизической природе государства. Поэтому, если сегодня говорят об угрозе распада, то причиной может быть только серьезный конфликт между метафизической сущностью государства и существующим государственным устройством, который наглядно проявляется в неадекватных политических действиях власти, в ее неспособности выработать и тем более осуществить стратегически верный курс на сколько-нибудь длительную перспективу.

Предмет настоящего исследования — современная Россия, которая вступила в начале 1990-х гг. на путь реставрации капитализма. Сложность изучения проблемы жизнеспособности Российского государства обусловлена растущим воздействием процессов глобализации на функции государства, на всю структуру государственного управления. Причем перемены на мировой арене принимают все более непредсказуемый характер. О судьбе государства в эпоху глобализации мы уже писали в ранее упоминавшейся работе. Неизбежно меняются функции государства, его устройство, но роль государства в обозримом будущем не только не уменьшается, но увеличивается. Особенно это верно в отношении Российского государства.

В научной литературе сложились в основном две противостоящие друг другу точки зрения в оценке общественно-экономического строя, который начал складываться в России после событий 1991—1993 гг. Радикал-реформаторы являются убежденными сторонниками реставрации капитализма в России, главную причину неудач в этом деле они видят в несовершенствах политической системы. Поэтому основное внимание в их работах уделяется проблемам дальнейшего

расширения политических свобод, демократии, выборам, разделению ветвей власти, становлению правового государства и гражданского общества, правовой защите частной собственности, бизнеса и т.д.¹³. В работах авторов левой ориентации говорится, прежде всего, о тех огромных потерях, которые понесла страна за годы реформ, направленных на реставрацию капитализма в России, его экономических, политических, «культурных» основ¹⁴. Если говорить о критерии жизнеспособности нынешнего Российского государства, то вопрос заключается в том, делает ли реставрация капитализма его более жизнеспособным или нет. Другими словами, при каком конкретном экономическом, политическом, социальном и культурном устройстве Россия как государство не придет к распаду, а будет иметь надежные перспективы в наступившем XXI в.

Методология анализа исторического пути развития Российского государства

Сегодня все очевиднее становится неуниверсальность цивилизационного подхода в решении проблем современного развития. Цивилизационный подход, который показал уже большие эвристические возможности, настолько овладел сегодня умами мыслящих людей, особенно в нашей стране, что они перестали обращать внимание на его очевидные слабости в научном плане, неисторизм, размытость базовых категорий, отсутствие общепринятой классификации цивилизаций. Действительный ответ в решении проблемы жизнеспособности государства следует искать в особенностях прежде всего, экономического развития страны, а не в степени отличия или схожести духовно-нравственных ценностей, культурных достижений, к примеру, западной и российской цивилизаций.

Решение вопроса о том, как отвечает культура общества на внешние воздействия, возможно лишь при применении стадияльно-формационного подхода, выдвигающего в центр внимания материальные факторы, экономическую детерминацию, в конечном счете, происходящих в обществе социальных, политических и иных изменений. Наиболее важной в методологическом плане для понимания перспектив развития Российского государства, его жизнеспособности остаются идеи К.Маркса, который впервые приступил к рассмотрению капитализма с двоякой точки зрения: и как общественного способа производства материальных благ, и как мировой экономической системы. «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий про-

изводства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства. Заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию»¹⁵.

Динамичное развитие капитализма в Европе привело к невиданному обострению классовой борьбы в первой половине XIX в. Закономерно, что в работах К.Маркса в центре внимания оказались противоречия в капиталистическом способе производства в странах Европы — между ушедшими вперед производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером труда и частнокапиталистическим присвоением продукта трудовой деятельности рабочего класса. К.Маркс указал в «Капитале» на противоречие между трудом и капиталом как на экономическую основу неизбежной социальной (коммунистической) революции в Европе¹⁶.

В начале XX в. Р.Люксембург написала работу «Накопление капитала», в которой подвергла критике ряд положений, сформулированных К.Марксом в «Капитале». В этой работе Р.Люксембург показала действие закона накопления, концентрации и централизации капитала, при котором «капиталистическое накопление как общественный процесс, с первого до последнего дня, развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии». По этой причине, как считает Р.Люксембург, «здесь именно духу теории Маркса будет вполне соответствовать отказ от предпосылок I тома «Капитала». Сам Маркс только поставил вопрос о накоплении совокупного капитала, но не ответил на него»¹⁷.

Когда в 1950-е гг. начался процесс деколонизации, на Западе была создана теория модернизации специально для стран «третьего» мира, вступавших на путь самостоятельного национального развития, которые стали называться развивающимися странами. Эта теория модернизации исходила из признания либеральной концепции общества и государства как универсальной, пригодной для всех стран и народов. Как заметил французский философ Р.Арон в 1960-е гг. XX в.: ничто не мешает этим странам, используя западный опыт и технологии двигаться по тому пути, что и Запад¹⁸.

К концу 1960-х гг. стало ясно, что либеральные рецепты оказались мало пригодными для строительства капитализма в бывших колониальных и зависимых странах. Изучение этой проблемы с цивили-

лизационной точки зрения показало тогда, что преградой для западного капитализма становятся традиции, огромные пласты культуры традиционного общества.

Известный американский ученый-экономист И.Валлерстайн, продолжая марксистскую традицию критики капитализма, создал в 70-е гг. XX в. школу миросистемного анализа, получившую широкое признание и дальнейшее развитие в трудах ряда зарубежных авторов¹⁹. Вместе с тем некоторые положения и выводы И.Валлерстайна были подвергнуты критике. В обобщенном виде они представлены в предисловии Б.Кагарлицкого к работе И.Валлерстайна «Анализ мировых систем», изданной на русском языке. В частности, ставится вопрос, насколько «капиталистической» является капиталистическая мирозкономика. С точки зрения И.Валлерстайна, которого интересовали преимущественно мировые экономические отношения, если система в целом является капиталистической, то и все, включенное в нее, — тоже капитализм. Однако в этой системе в подчиненном виде содержатся многочисленные элементы, фактически унаследованные от прошлого и живущие по иной логике. Природа этих некапиталистических структур и отношений никогда не была предметом конкретного анализа у Валлерстайна²⁰. Тем не менее концепция капиталистической миросистемы оказала большое влияние на изучение современных экономических тенденций, в частности, экономических последствий для развития бывших колониальных и зависимых стран, которые были включены в капиталистическую миросистему, прежде всего, с точки зрения действия закона накопления, концентрации и централизации капитала. На основе этой концепции можно во многом по-новому подойти и к решению проблемы жизнеспособности Российского государства, к пониманию провалов многочисленных реформ и общенациональных управленческих катастроф в предыдущие столетия и тех действий, которые могут обеспечить жизнеспособность Российскому государству на длительную исторически обозримую перспективу.

Для решения проблемы его жизнеспособности ключевое значение приобретает изучение особенностей многовекового развития России как периферийного государства мировой капиталистической системы. Этот вопрос не получил еще глубокого рассмотрения. Есть несколько работ²¹. Среди них одна из самых интересных — обширная монография Б.Кагарлицкого «Россия: Периферийная империя» (М., 2003), на ряд выводов и положений которой автор опирался в своем исследовании.

Капиталистическая миросистема складывается, пишет И. Валлерстайн, «в долгом XVI веке». Она существует уже свыше 500 лет и имеет свои естественные, иначе говоря, объективные законы развития. Капиталистическая миросистема есть историческая система. Это означает, что «она зародилась, развилась и однажды прекратит свое существование посредством дезинтеграции или фундаментальной трансформации»²².

Капиталистическая миросистема состоит из Центра, полупериферии и периферии. Она складывается на основе международного разделения труда, конкретный характер которого определяется странами Центра. По мере складывания разделения труда начинают действовать законы накопления, концентрации и централизации капитала. Центр — это группа западных стран, в которых сложился и получил развитие классический индустриальный капитализм. При этом одна из стран или группа стран Центра может некоторое время доминировать, а затем уступить свое место другой стране. Все это происходит в границах Центра. Центр имеет тенденцию к расширению, но оно имеет достаточно ограниченные масштабы.

В периферийных государствах складываются свои законы развития по сравнению с Центром. И. Валлерстайн особо выделял миры-империи, как полупериферии, которые пытаются отстаивать свою военно-политическую независимость, сражаются за свое особое место на мировой арене. Но постепенно в ходе истории эти миры-империи один за другим разрушаются под воздействием экономических факторов и переходят в разряд периферийных стран. Капиталистическая миросистема разрушила и такой мир-империя, как имперская Россия. Законы функционирования и развития центра и периферии, как частей единой системы, тесно взаимосвязаны, их конкретно-историческое содержание обуславливается сложившимся состоянием международного разделения труда. Действие этих законов вызывает существенно различные последствия для развития конкретного государства, принадлежащего центру или периферии. На характер и направление развития периферийной страны, принимаемых ею экономических, военных, политических и других решений внешнеэкономический фактор оказывает не просто огромное влияние, он становится определяющим фактором.

Воздействие внешнеэкономического фактора на развитие России всегда признавалось и сейчас признается, но суть вопроса — в степени воздействия этого фактора. По мере развития капиталистической миросистемы он приобретает все более доминирующий ха-

рактер, играет роль триггера, спускового крючка для развития одних внутренних процессов в обществе и роль блокиратора для протекания других внутренних процессов.

Капиталистическая мировая система и Российское государство: исторические этапы взаимодействия

Капиталистическая миросистема развивалась и продолжает развиваться поступательно, но не прямолинейно, а циклически. И здесь определяющую роль играют экономические циклы. Конкретное положение России в капиталистической миросистеме определялось и продолжает сегодня определяться состоянием и направленностью конкретного этапа развития миросистемы в целом.

В более широком историческом плане Россия прошла через четыре этапа отношений, и сегодня вполне отчетливо обнаруживает себя пятый этап. 1-й этап: XV–XVI вв. – вторая половина XVII в. – становление капиталистической миросистемы, вхождение в нее России, занятие Российским государством своего места на периферии системы; 2-й этап: XVIII в. – первая половина XIX в. – становление российской империи; 3-й этап: вторая половина XIX в. – 1917 г. – пореформенная Россия; 4-й этап: 1917 год – начало 90-х г. XX в. На протяжении трех четвертей XX века СССР (Россия) развивается по социалистическому пути и находится за пределами капиталистической миросистемы; 5-й этап – после 1991 г. страна (Российская Федерация) возвращается в капиталистическую миросистему, и в ней начинается реставрация периферийного капитализма.

Большой интерес представляет анализ того, как внешние экономические факторы не только влияли, но и определяли на протяжении всех этих пятисот лет траекторию, объективный путь развития страны, и как высшая государственная власть понимала характер этого влияния и действовала. Российское государство не один раз в своей истории переживало смутные времена, в частности управленческие катастрофы, дважды приводившие на протяжении XX в. к гибели государства, разрушению его практически до основания. Россия приобрела за эти столетия устойчиво циклический характер зависимого развития.

Россия на протяжении нескольких столетий стремилась стать капиталистической страной по западному образцу, но так и не смогла стать таковой вплоть до 1917 г. Некоторые либеральные авторы сегодня утверждают, что этому помешал приход к власти большеви-

ков. Обращение к анализу развития России как периферийной империи приводит совсем к другому выводу. Дело здесь не только в том, что экономика страны была в определяющей степени ориентирована на внешний рынок, зависела от него, поскольку была включена в международное капиталистическое разделение труда.

В течение всего времени развития западного капитализма действовал и продолжает действовать в настоящее время закон накопления, концентрации и централизации капитала. В ходе развития капитализма любой труд становится капиталистически производительным, все становится товаром, все обретает меновую стоимость. Поэтому понятие «накопление капитала» расширяет свой смысл. В него, наряду с финансово-денежным капиталом, начинают входить различные предметные, интеллектуальные, культурные богатства. Одним словом, капиталом становится все более значительная часть совокупного общественного продукта, при этом финансово-денежный капитал, разумеется, остается основой этого богатства. Дореволюционная Россия на протяжении ряда столетий как периферия находилась в растущей зависимости от Центра мировой капиталистической системы. Очередная попытка догнать ушедшие вперед западные страны приводила к появлению нового варианта или витка зависимости. Отсталость и периферия – это разные модели развития. Понятно, что реализация очередного этапа реформирования общества с целью догнать ушедшие вперед западные страны предполагает обширные поступления инвестиционного капитала, который страна может получить как через внешний рынок, так и в виде кредитов.

Европейским странам, как Центру капиталистической мировой системы, по мере развития требуются все в больших количествах товары сельского хозяйства, сырье, полуфабрикаты и т.д., на продажу которых и начинает ориентироваться отечественная бюрократия и торговый капитал. Чтобы получать хорошие валютные доходы, чтобы быть конкурентоспособными, отечественные производители, которые работают на внешний рынок, идут на максимальное понижение издержек производства. Это препятствует развитию внутреннего рынка, горизонтальных структур в обществе, развитию социальной сферы жизни, возникновению потребности в структурных политических реформах.

Здесь и находится самый общий ответ на вопрос о причинах социального, культурного и идейного раскола в российском обществе, который сопровождает его историю на протяжении последних столетий, начиная, по крайней мере, уже с XVIII в. Суть раскола заклю-

чается в том, что государственная бюрократия вместе с торговым капиталом работают, прежде всего, на внешний рынок, от удовлетворения его потребностей зависит их благополучие, их «европеизация». Основная часть населения остается глубоко укорененной в традиционные структуры и в традиционную жизнь. Иначе говоря, раскол можно объяснить через закономерности развития периферийного капитализма в России. Раскол — неустранимое явление в жизни страны, и встает вопрос, как возможно эффективно управлять расколотым российским обществом на протяжении столетий, а тем более, сегодня, в XXI в.

Что такое периферийный капитализм и в чем заключается его принципиальное отличие от капитализма центра? В центре в условиях победы промышленного капитализма имеет место господство рынка, вещные, товарно-денежные отношения становятся определяющими в отношениях между людьми. Идет интенсивное формирование новой полярной социальной структуры — буржуазного класса и класса лиц наемного труда. Происходит становление классового сознания, возникновение политических организаций, рост классовой борьбы против эксплуатации, за политические и социальные права в уже сложившемся либерально-демократическом, по существу, республиканском государстве. Доминирующим типом личности в обществе классического капитализма становится экономический человек, преследующий свои материальные интересы.

В истории российской экономической и политической элиты в основном постоянно соперничали две линии поведения. Одна часть элиты и торгового капитала стремится потеснить рыночных конкурентов с помощью политических союзов или военных действий и получить хорошую прибыль, заняв выгодные позиции в международном разделении труда. Эта часть элиты не испытывает особой озабоченности от периферийного положения страны. Другая часть элиты пытается сделать опору на промышленный капитал, и тогда возникает стремление, не всегда осознанное, избавиться от периферийного положения страны, войти в группу стран центра, пусть на положении отставшей страны. Вопрос в том, можно ли это было осуществить в ходе прошлой истории. Скорее всего, нет. Россия не просто отставала от Центра. Она не смогла стать частью Центра, прежде всего, именно в силу того, что центр всячески содействовал ее вхождению в мировую систему именно в качестве периферии и на своих условиях, делал все возможное, чтобы не допустить преобладания иных тенденций в развитии страны.

В условиях периферийного капитализма только часть общества, включенная во внешний рынок, приобретает капиталистические черты. Доминирует торгово-посреднический капитализм. Крестьяне, ремесленники, разные виды производителей поставляют свой товар на рынок, но действуют там часто вопреки логике капиталистического рынка. И во всей остальной жизни они продолжают жить по законам традиционного общества. Ориентированная на западные ценности часть общества: государственная бюрократия, купцы, люди, принадлежащие к привилегированным сословиям или обслуживающие их, — все они начинают перенимать черты западного образа жизни, на что тратят огромные деньги. Чем дальше развивается страна, тем больше долгов оказывается у нее. Европеизированная государственная бюрократия, правящая элита становятся внешним парадным фасадом государства, за которым скрываются огромные пласты архаики и традиционализма. Отсюда появление в сознании общества трех основных типов идентичности: либерально-западной, имперской и народной (массовой).

С методологической точки зрения необходимо принять во внимание факт выборочной модернизации, и, следовательно, выборочной европеизации страны. Отставание по сравнению с Западом (как с Другим) осознается правящей элитой, но сначала имперская Россия экономическое отставание, в общем, до середины XIX в. компенсировала, уравнивала на европейской арене своей военно-политической мощью. Это двойственное отношение к Западу находило отражение в самосознании элиты, но само существование элиты как нечто единого сохранялось. Имперская Россия есть особая часть Европы, имеющая государственное устройство в виде просвещенного абсолютизма.

Г.Федотов пишет о том типе русского европейца, о тех людях, «которые строили Империю, воевали, законодательствовали, насаждали просвещение. Это подлинные “птенцы гнезда Петрова” ... Их кульминация падает на век Александра, ... и между властью и культурой не было разрыва»²³. Но они строили именно империю, а не просто решали задачи государственной важности.

Характерный для России устойчивый идейный и социальный раскол многократно описан и исследован с фактической стороны. Хорошо известны слова того же Г.Федотова о том, что «Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества). ... Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой — национальной»²⁴.

Когда начинается становление настоящего капитализма как империализма с 70–80-х гг. XIX в., Российская самодержавная империя перестает справляться с растущим грузом проблем. Европейский либерализм стремительно разлагает и тело, и дух империи. Дело в том, что либерализм в незападном обществе, строго говоря, может быть, тем более в те времена, только колониальным либерализмом, т.е. либерализмом, находящимся в ходе своего становления под контролем настоящего либерализма метрополии или центра²⁵. Чем больших размеров становится капиталистический сектор в российской экономике, тем сильнее он начинает зависеть от иностранного капитала, а в значительной части является просто его собственностью. Страна все дальше отстает в своем экономическом развитии от европейских стран и постепенно теряет свою имперскую военно-политическую независимость. Правящая элита залезает в огромные долги, что приводит к невыгодной для страны смене союзников во времена Александра III и Николая II, но долги нужно было отрабатывать. Примеров сколько угодно, например, печальная судьба русского экспедиционного корпуса во Франции в годы Первой мировой войны.

Важный вывод, основательно аргументированный цифрами, статистическим материалом, дает О.Арин: «Развитие капитализма в России в его европейском варианте вело к ослаблению места и роли России в мире, к потере политической и экономической независимости и, в конечном счете, к уничтожению России как суверенного государства»²⁶. Потеря военно-политической самостоятельности российской монархией привела к резкому нарастанию явлений раскола в обществе, прежде всего, по линии отношения к государству.

Наиболее последовательные защитники монархической государственности объединились вокруг идей «черносотенства». В.Кожин пишет об идеологах черносотенства, которые, как он считает, понимали, «к чему приведет разрушение основных устоев русского бытия — то есть православия, самодержавия и народности. Чувствовали и пытались сопротивляться разрушительной работе»²⁷. Многочисленные попытки защитить российскую империю приводят в конце XIX в. к огромному росту русского национализма. П.А.Столыпин неоднократно подчеркивал особую роль русского народа в строительстве империи. «Мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность. Что мы утратили веру в русский народ. В его жизненные силы... Сознание русского народа выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах»²⁸.

Но ставка правящей элиты на русский национализм не помогла в то время спасти империю. Массовые антигосударственные настроения были обусловлены неспособностью власти принять действенные меры для снижения остроты социальных, политических, культурных проблем. Для народа элита представлялась в виде своего «внутреннего» Запада, тем Другим, которое стало главным Врагом, и борьба с ним переместилась в центр его самосознания, его негативной части идентичности. Народно-крестьянский утопизм в сочетании с российским мессианизмом и большевизмом как прочитанным на русский манер европейским марксизмом породило новую мощную положительную идентичность. Этот синтез не был случайностью. Случайной оказалась та историческая ситуация, сложившаяся в 1917 г., которая дала практическую возможность повернуть Россию на иную траекторию развития, поставить вопрос о социализме в практическую плоскость. О социализме говорила тогда вся Европа.

Известный теоретик либерализма Ф.Хайек в работе «Дорога к рабству» сокрушается о том, что к концу XIX в. доверие к основным принципам либерализма стало стремительно падать. «Социализм вытеснил либерализм и стал доктриной, которой придерживаются сегодня большинство прогрессивных деятелей»²⁹. Либерализм стал выглядеть как заброшенный путь. По разным причинам политические партии и деятели отказывались от идеологии либерализма. Есть немало попыток объявить идеи социализма виноватыми в том, что либерализм не нашел общего языка с имперским мышлением. Но здесь следствие выдается за причину. Социализм потому и победил, что российская имперская идентичность и западный либерализм — полнейшие антиподы.

Советскому Союзу удалось вырваться из капиталистической мир-росистемы и приступить к созданию альтернативной ей социалистической мировой системы. Сегодня вновь Россия оказалась зависимой и отсталой периферией мировой капиталистической системы. Почему так произошло? Неизбежность истории или роковая ошибка партийно-государственной власти? Эта проблема — предмет непре-кращающихся дискуссий на протяжении последних пятнадцати лет³⁰. В общих чертах, с моей точки зрения, ответ состоит в следующем. Во-первых, Запад начал втягивать СССР обратно в мировую капиталистическую систему примерно в начале 1970-х гг, когда в страну обильно потекли нефтедоллары и дешевые кредиты, которые власть использовала, прежде всего, для увеличения добычи нефти и газа вместо развития новых постиндустриальных «высоких» технологий. Более того, партийно-государственная элита фактически проигнорирова-

ла приход постиндустриального общества, охотно пошла на такую смену целей, поскольку ей удалось затормозить проведение абсолютно необходимых, но опасных для ее монопольного положения в обществе политических и социальных реформ³¹.

После начала реставрации основ капиталистического строя в новой России доминирующей становится идеология либерального универсализма. Когда говорится, что Россия вернулась в 1991 г. в мировую цивилизацию, то, конечно, имеется в виду ее возвращение в капиталистическую мировую систему – другого смысла здесь обнаружить нельзя. С точки зрения либерального универсализма новая Россия рассматривается как отбившаяся от капиталистического мира страна. Отсюда становится понятным появление буквально вала работ по модернизации российского общества, ставшего полигоном масштабного авантюрного эксперимента. Ускоренная модернизация российского общества по универсальному либеральному образцу к концу столетия потерпела полное фиаско, что признали как сами реформаторы, так и ученые³². Российскому государству грозил распад. Возникло много сомнений в том, можно ли вообще решить проблему «капитализации» России по рецептам неоллиберализма.

Господство идеологии либерального универсализма в России закончилось удивительно быстро. К концу 1990-х гг. становится очевидным, что бурное развитие процессов глобализации породило много новых вызовов и угроз. В обществе резко меняется отношение к государству. Радикальный либерализм отступает под натиском идеи державности. То неизменное, инвариантное, которое складывалось на протяжении последних столетий и которое радикальные либералы попытались игнорировать, становится востребованным жизнью, абсолютным необходимым для выживания государства. В первую очередь, это президентская вертикаль власти как вариант авторитарной власти, против установления которой резко выступили радикал-либералы.

Сегодня наибольшую опасность для жизнеспособности Российского государства представляет позиция именно радикальных либералов, которые считают, что необходимо идти дальше в реализации основных принципов открытого общества: либерализация торговли и цен, дерегулирование предпринимательской деятельности, дальнейшая приватизация государственной собственности, сбалансированный государственный бюджет за счет сокращения расходных статей, противодействие авторитарным тенденциям власти и т.д.

В полном согласии со своими зарубежными единомышленниками они говорят не просто о радикальных изменениях в функциях и роли Российского государства. Так, Л.Шевцова утверждает о необхо-

димости смены в России государственной матрицы, поскольку сохранение основ полутрадиционного государства не даст России возможности ответить на вызовы истории. По ее мнению, государство «может функционировать и дальше в той же парадигме самовывживания, но оно категорически не способно отвечать на новые вызовы. В этом государстве нет механизма ответа на потенциальные политические и экономические кризисы». Поэтому «мы (кто это мы – либералы?) нуждаемся в смене матрицы, а не в ремонте нашего государственного здания»³³.

Как пишут А.Ахизер, Н.Клямкин, И.Яковенко, российские либералы ясно осознают свою задачу, которая заключается в том, «чтобы либеральную тенденцию, давно развивавшуюся внутри российской авторитарной традиции, довести до преодоления самой этой традиции, а не в том, чтобы в очередной раз к ней прислониться»³⁴. Авторы говорят об исчерпанности нелиберальной государственной традиции, «ее нежизнеспособности в современном мире»³⁵. Иными словами, если что и мешает Российскому государству успешно развиваться, то это устаревшая конструкция институтов государственной власти. Одним словом, традиционные державные основы Российского государства – это несомненное зло, и весь вопрос в том, как от них избавиться. С моей точки зрения, такой вывод опасен именно потому, что практически он неосуществим, а теоретически остается не доказанным. Никакого механизма трансформации целостного организма имперского типа в либеральный тип не представлено. Более того, его не существует. Последовательное проведение либерального принципа в жизнь есть последовательное разрушение нынешнего не очень твердо стоящего на ногах Российского государства, особенно если принять во внимание его сегодняшние этнические проблемы. Многовековую матрицу воспроизводства целостного социального организма, каким является российская цивилизация, и сегодня изменить нельзя, тем более в условиях нынешнего варианта глобализации. Но сохранение ее в качестве основы вовсе не означает ее неизменности. Она может и должна вобрать в себя и либеральные, и демократические, и социалистические ценности. Вопрос в том, как конкретно они будут вмонтированы в современную конструкцию государственной власти, если при этом ставится целью повышение жизнеспособности государства. Авторы цитированной работы как политологи не поставили такого вопроса.

Строительство последовательно либерально(буржуазно)-демократического строя, может быть, и принесет стране пользу, если бы вдруг страна перестала быть периферией капиталистической миро-

системы, перестала быть на ее задворках, и стала частью Центра, т.е. вошла бы, скажем, в Европейский Союз на правах полноправного члена. Но вопрос здесь даже не в том, кто это позволит. Европе это абсолютно не выгодно, поскольку стоило бы для нее огромных, неподъемных даже для всего Европейского Союза денег. Но самое главное — стать России частью Центра капиталистической миросистемы не позволяет не только уровень экономического развития страны и невероятные масштабы бедности и нищеты, но и культурно-исторические особенности российского многоэтничного государства.

Восстановление идеи державности и недолгая практика ее реализации стали быстро воспроизводить в России ситуацию, во многом аналогичную той, которая была в имперской пореформенной России. Показательно, что практически все основные социально-политические силы поддерживают идею державности, которая сразу получила большой спектр интерпретаций. Во-первых, это государственная державность как либерал-консерватизм, изложенная в выступлениях первых лиц и официальных документах, представляющая собой соединение идеи державности, идеи сильного авторитарного государства с рядом либеральных идей.

Широкое распространение получила идея восстановления монархическо-православной империи. Это воззрение на державность может быть расположено справа от официальной точки зрения, оно имеет четко выраженную антизападническую направленность.

Российские коммунисты поддерживают идею державности. В работах Г.А. Зюганова дано обоснование этой позиции. «Империя — исторически и геополитически обусловленная форма развития Российского государства. ... Наряду с конкретным классовым и сословным содержанием это триединство (Самодержавие. Православие. Народность.) обладает и более широким культурно-историческим смыслом, доступным переводу на язык современной политической аналитики, — смыслом злободневным и поучительным. Он отражает существенные инварианты, пронизывающие собой различные и даже противоположные по своей форме периоды развития российской государственности»³⁶. В более широком плане можно охарактеризовать взгляды левой оппозиции как социал-державность. Необходимо выделить отдельно точку зрения радикально настроенной части населения, являющейся сторонниками русского национализма, которая поддерживает идею возрождения русского национального государства или русской империи.

И, наконец, есть некое объединяющее все эти различные позиции умонастроение как вера значительной массы населения в первое лицо, как в единственную силу, способную установить социальную

справедливость и порядок, сохранить Россию как державу, все это можно назвать современной версией российского традиционализма или неким «народным» инвариантом российской державности. Страна вновь воспроизвела все коллизии, идейные, социальные, культурные расколы, которые были свойственны российской империи.

Сначала о том, как понимает державность правящая элита. Сложившаяся к концу 1990-х гг. бюрократически-олигархическая властная элита стала активно использовать идеи либерального консерватизма, оттеснив радикальных реформаторов, которые перешли в оппозицию. Сторонники либерального консерватизма более трезво понимают опасности, нависшие над страной. России всерьез грозит историческое небытие, если она не остановит нарастание экономической деградации и социального хаоса. Однако свою социальную опору властная элита видит не в российском народе, что характерно для традиционного почвеннического сознания, а в нации. Европейски ориентированная часть общества, связанная с обслуживанием запросов внешнего рынка, и есть то, считают они, что можно назвать европейской нацией. На обособление этой части населения и направлено энергичное встраивание в жизнь общества элементов либеральной демократии. К нации постоянно апеллируют сторонники либерального консерватизма, тем самым выделяя ее и противопоставляя остальной части населения, народу, который по-прежнему является носителем не европейских, а традиционных начал³⁷.

Необходимость в строительстве либеральной империи, высказанная А. Чубайсом, представляет собой четко сложившееся понимание властной элитой своего будущего. На место несостоявшейся буржуазной демократии приходит сегодня либерально-сословное авторитарное общество, в котором реализация прав и свобод человека начинается не снизу, а сверху. Одним словом, это будет аккуратная либеральная «империйка» — выражение А. Бузгалина и А. Колганова³⁸, сословно-либеральное общество, прочно привязанное финансово-экономической зависимостью к Западу. Известно, что уже Екатерина II в «Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения» подчеркнула: «Россия есть европейская держава»³⁹.

Сегодняшнее восприятие российской и мировой действительности нашей отечественной бюрократией поражает своей комфортной позитивностью. Запад — это старший брат, который может похвалить, но чаще ругает за разные недоработки, перед ним приходится иногда оправдываться, но в целом приходится ладить. Идентификация правящей элиты с европейской цивилизацией все больше становится идеологией реформируемой России. Но все дело в том, что идет, как

и сто лет назад, выборочная европеизация страны, обусловленная потребностями Запада, в первую очередь и исключительно, иметь надежные поставки энергоносителей и природного сырья. Остальная часть страны скорее деградирует, прежде всего, в смысле экономического отставания, и соответственно, жизненных стандартов, но отнюдь не европеизируется. Богатое сословие «новых русских» имеет ежегодные доходы больше, чем бюджет государства. Многочисленная рать высших и средних чиновников, насквозь коррумпированная, сейчас живет больше на деньги от продажи нефти и газа, от внешне-торговых сделок, чем на государственную зарплату. Чиновники много занимаются взиманием налогов с населения, но чувства особой ответственности перед страной и ее народом не испытывают. Их благосостояние не зависит от того, как живут и работают миллионы люди. Отсюда их нежелание вмешиваться в экономику и отвечать за ее состояние. Либеральный консерватизм выступает теоретической основой того прагматического курса, который проводит нынешняя государственная власть. Сторонники либерального консерватизма видят в высших кругах государственной бюрократии и созданной ею партии власти главного субъекта проводимых в стране реформ и ратуют, несколько огрубляя, за создание государства либерально-сословной империи времен Екатерины Великой. Отсюда всплеск англофильства у определенной части либеральных консерваторов, аналогично тому, что имело место во времена Екатерины. Можно вспомнить об англофильских настроениях президента Петербургской академии наук Е. Дашковой⁴⁰. Вообще англофильские настроения имели широкое распространение в дореволюционной России.

Заявления о необходимости создания либеральной державы (империи), от кого бы они ни исходили, не лишены смысла. Государственная и при необходимости военная защита интересов сырьевых и энергетических монополий — это, прежде всего, защита финансового благополучия правящей бюрократическо-олигархической элиты. Она действительно стала все более активно защищать свои интересы, но вместе с тем намерена продолжать политический курс на экономическое сближение с Европейским Союзом, пытаясь весьма робко отдалиться от США.

Вместе с тем, сегодня уже можно говорить о том, каким становится периферийный капитализм в России как часть глобальной капиталистической миросистемы⁴¹. Политика либерального консерватизма направлена на достижение в обществе либеральных свобод «наверху» при сохранении фактического политического бесправия «внизу». Власть стала делать упор в последнее время на пропаганде

позитивного облика Россия как мощной энергетической, нефтегазовой сверхдержавы. Активно разворачивается выборочная модернизация, т.е. модернизация отраслей производства, работающих на удовлетворение потребностей западных стран. Несомненно, это шаг вперед в восстановлении промышленного потенциала страны, но он не устраняет главную беду нынешней России — быть крупномасштабным поставщиком на Запад энергоресурсов, сырья и природных ресурсов, по крайней мере в ближайшие 40–50 лет. Эту особенность ситуации, в которой очутилась сегодняшняя Россия, никто не оспаривает, и она давно стала неким общим местом в сознании общества⁴².

Новую волну реформ, проводимых правящей элитой, вряд ли можно рассматривать как аналог реформ 1990-х гг. Проводимые сегодня на практике дальнейшие ограничения государственных механизмов регулирования социального положения граждан и замены их на услуги, которые будут оказываться гражданам на основе рыночных механизмов, когда делается рыночно платным образование, медицина, культура, жилье, — имеют своей конечной целью оформление четких границ между различными социальными слоями. Другими словами, это придание всей государственной организации доступа населения к общественному богатству, по существу, сословной формы. Сословный механизм распределения социальных благ более соответствует как природе державного государства и авторитарной власти, так и ожиданиям основной или значительной части традиционного мыслящего народа.

Практика либерального консерватизма означает восстановление во все более широких масштабах авторитарных форм организации государственной жизни, создание четко действующих механизмов «управляемой» демократии, а в социальной сфере — новую форму сословной неравноправности в стране. Другие последствия этой практики — слабая социальная мобильность, качественное образование для избранных, отсутствие по этим причинам для лиц «низшего» сословия перспектив личностного развития, бедность и несправие, политическая апатия и однозначно прогнозируемые результаты очередных выборов в органы власти.

Ориентация правящей элиты на безусловное удовлетворение потребностей центра капиталистической мировой системы, чрезмерная открытость российской экономики, общества в целом препятствуют развитию сфер экономики, работающих на внутренний рынок, давно назревшим преобразованиям в социальной и политической сферах, ведут к стагнации уровня жизни значительной части населения, не вовлеченной в обслуживание внешнего рынка, де-

лают население беззащитным перед лицом информационной агрессии Запада. Периферийный капитализм всегда порождает и углубляет раскол в обществе.

Неизбежно в этих условиях деление общества, условно говоря, на «постисторическую» элиту, занятую социоконструированием перспектив развития периферийного капитализма, и «доисторическую», значительную часть населения, погруженную в «архаику» и традиционность и испытывающую эксплуатацию, глубокое отчуждение от власти и недоверие к государству. Так что столкновение европейской идентичности правящей элиты, считающей себя европейской нацией, с традиционализмом значительной части российского общества имеет под собой серьезные и пока неустранимые причины.

Авторитарная власть, вся государственная бюрократия ясно и однозначно идентифицирует себя с Европой. Однако европейское сознание не принимает заветного стремления элиты быть принятой в Европу. Российская элита искренне не понимает этого и сокрушается по поводу европейского высокомерия. В рецензии на книгу Н. Дэвиса «История Европы» (М., 2006) ее автор М. Москвин-Тарханов, председатель комиссии Мосгордумы, являющийся достойным представителем отечественной элиты, высказывает упреки британскому ученому. Отечественная правящая элита твердо убеждена в том, что россияне представляют собой европейскую нацию, а вот для британских интеллектуалов и современная Россия «не совсем европейская и даже совсем не европейская страна»⁴³.

В современной отечественной литературе высказано много сомнений по поводу того, составляют ли сегодня россияне или составят в обозримом будущем политическую, гражданскую нацию. По большому счету можно сказать, что этот замысел радикал-реформаторов полностью провалился, и он не мог не провалиться. Для его реализации не оказалось ни экономических, ни политических, ни культурных предпосылок. Собственно, поэтому и оказалась востребованной либерально-сословная сильная авторитарная власть. Европейцами у нас стала та часть населения (не более 20–25% работающего населения), которая обслуживает потребности западных стран, работает на внешний рынок или в иностранных фирмах на территории России, получает зарплату, многократно превышающую российскую, и упорно стремится следовать европейским стандартам качества жизни, их моральным ценностям.

Идентичность той части населения, которая не вовлечена в процессы европеизации и которая так или иначе испытывает чувство глубокой социальной несправедливости, выстраивается в виде трех раз-

личных образов. С их помощью население пытается осмыслить реальности сегодняшнего дня. Об одном из них мы говорили. Это ностальгия по ушедшему в прошлое монархически-православному государству, которая активно используется властью для повышения своего авторитета.

Две другие идентичности представляют особый интерес, поскольку они ориентированы на новые, альтернативные ныне существующей модели Российского государства. Первая из них – это левая, социалистическая идея, центральной мыслью которой выступает возвращение к социалистической государственности.

Вторая из них – это русское национальное сознание, которое выступает за сильную авторитарную государственную власть. Но ее можно рассматривать как особый тип русской империи или русского централизованного государства. Угроза деградации и распада России продолжает быть весьма вероятной. Ответ на этот вызов, формируемый в массовом сознании тех, кто не причисляет себя к элите и ее обслуживанию, выглядит как новый тип русского национализма. Я согласен с мнением автора книги «Русская история: новое прочтение» В.Д. Соловьев в том, что «происходит без преувеличения исторический переход русского народа к новой для него парадигме устройства и освоения мира – этнической. Кардинально меняется устройство русского взгляда на самое себя и на окружающий мир»⁴⁴. Автор этой книги далек от всякой политизации происходящих процессов. На самом деле, речь идет о восстановлении позитивной идентичности, о несколько запоздалом новом самоопределении русских после безвозвратной потери старой идентичности, складывавшейся на протяжении последних, по меньшей мере, 500 лет.

Это есть ответ на стремление радикально-либеральной части элиты проводить и далее в жизнь либеральные принципы, перестраивать всю систему государственной власти и управления по универсальным принципам либерализма. Это и ответ на поведение правящей элиты, не желающей более опираться на государствообразующий этнос – русский народ, не желающей больше патерналистски опекать народ, т.е. следовать принципам справедливости. В результате самоустранения государства от своих обязанностей народ вынужден сам искать средства для выживания. Что при этом получается, показывает нарастающая демографическая катастрофа в России. О какой жизнеспособности государства на длительную перспективу может идти речь? Решение демографической проблемы для России – основа для решения всех других проблем. Постоянное сокращение численности населения, его старение требуют разработки принципиально нового понимания экономики как экономики вырождения.

В этих условиях новый русский национализм имеет целью довести до конца идею политического единения всех русских и обеспечения при этом безопасности для всех других народов (этносов), живущих на будущей территории русского национального государства.

Проблема заключается в том, что идентичности, имеющие сегодня широкое распространение в различных слоях населения, провоцируют конфронтационные настроения, поступки и действия, и следовательно, насколько это возможно, в этой ситуации преодоление существующего раскола в обществе. Какой-то жизнеспособный синтез, безусловно, нужен, но пока его основания просматриваются с трудом. Сегодняшнее поведение правящей элиты в этом поиске синтеза не внушает особого оптимизма. Правящая элита с целью преодоления раскола и создания по сути единой государственной идеологии делает отдельные шаги. Одним из ключевых понятий новой государственной идеологии становится понятие патриотизма. Однако основная трудность для власти заключается в наполнении патриотизма конкретным содержанием. Пока это скорее патриотизм формы, чем содержания. Об этом свидетельствует полностью идеологическая оценка содержания праздника Победы, в котором не нашлось места ни советскому, ни Советскому Союзу, ни социализму, не говоря уже о табуированной партии и главнокомандующем. Патриотизм есть любовь к Родине, к Отечеству, это глубоко естественное чувство вбирает себя и любовь к малой родине, к тем местам, где ты родился, где жили или еще живут родители, а нередко и твои близкие и далекие предки. Гордиться своим патриотизмом, особенно, в России так же нелепо, как и своим этническим или сословным происхождением. Одним из важнейших условий преодоления нынешнего раскола в обществе выступает признание советского периода как закономерного звена в истории страны. Можно не любить советское, но нельзя стоять всякому вменяемому человеку на позициях пещерного антикоммунизма, недопустимо трактовать советский период как черную дыру, провал в истории страны и т.д. Державное государство всегда представляло и представляет сегодня единое нераздельное единство территории, народов, государства и культуры, социально-природный организм, живущий и развивающийся, с этой точки зрения, в определенном историей канале социоприродной эволюции. Сохранение этого организма и сегодня выступает условием жизнеспособности Российского государства.

Державное государство всегда в той или иной степени носит сакральный характер. В его коллективную идентичность встроена уверенность, глубокая убежденность в том, что государство возникло и

существует во имя достижения высокой трансцендентной цели. Сегодня это называется Общественным Проектом. США, Европа, Китай, Иран, исламский мир реализуют на исторической арене свои Проекты. Даже Соединенные Штаты Америки — оплот «демократии» в современном мире — живут уже какое столетие с твердой верой в свою историческую миссию — создание Нового Мира⁴⁵. Россия пока есть поле битвы чужих проектов. Но без проекта не может существовать ни одно державное государство, ни одна великая цивилизация. Если такой цели нет, то на судьбе Российского государства как державы можно поставить крест. Россия погибнет без такой цели, и на ее месте возникнет, как и мечтают некоторые радикал-реформаторы с начала 1990-х гг., несколько десятков небольших государств, которые будут находиться, легко предположить, в отношениях взаимной враждебности и подозрительности. Отсюда та парадоксальная ситуация, когда правящая элита постоянно говорит о национальной идее, национальном проекте, но он никак не находится, а вместо него появляются паллиативные, временные заместители проекта. Конечно, полномасштабного проекта и не может быть в условиях безусловной ориентации на запад в качестве периферийной страны, находящейся за границами центра капиталистической мировой системы.

В проблеме Общественного Проекта можно выделить три аспекта: историческая необходимость Проекта, его содержательная часть и, наконец, субъект создания и реализации Проекта, тот субъект, который будет способен отстаивать интересы России, когда начнутся весьма вероятные масштабные конфликты и столкновения в мире. Вот здесь Россию подстерегают наибольшие опасности, она может рухнуть, но могут открыться неведомые сегодня новые перспективы в ее развитии.

Что касается содержания проекта, то это должен быть не научно-технологический проект (вроде полета человека на Марс), не культурный, а социальный проект. Для него нужна, по замечанию А.С.Панарина, масштабная социальная идея и сильное социальное государство, чуткое к социальным запросам и правам большинства⁴⁶. При этом Проект должен быть ориентирован на мир, а не только на будущее российского общества. Мир сегодня фундаментально несправедливо устроен. Поэтому Общественный Проект должен, так или иначе, выразить эту мировую потребность в социальной справедливости как в самой России, так и в остальном мире, находящемся за пределами «золотого миллиарда». Проект для России не может не быть проектом нового общественного порядка для всего человечества.

Литература по общественным проектам огромна. Она охватывает более широкий круг проблем, чем литература по идентичности. Среди наиболее значительных интеллектуальных проектов – проект «Евразия» А.Дугина, проект «Третий Рим» М.Назарова и ряд других⁴⁷. В этой связи представляет интерес интеллектуальный проект «Россия как другая Европа», в которой делается попытка совместить развитие по своему собственному пути с постепенным воплощением в жизнь важнейших западных ценностей с учетом специфики и целей национального развития страны.

Жизнеспособность Российского государства и мировая капиталистическая система

Высокий уровень жизнеспособности Российского государства в долгосрочной перспективе может быть достигнут только в том случае, если государство покончит со своим периферийным положением в мировой капиталистической системе, которая несправедлива в своей основе. При всей своей бедности Россия остается за последние 15 лет одним из крупнейших финансовых доноров США, Запада в целом.

Стремление нынешней российской государственной власти, стоящей на позициях либерального консерватизма, занять сегодня сколько-нибудь достойное место в международном разделении труда выглядит оптимистичным, но мало реалистичным. Российские частные капиталы на протяжении всех пятнадцати лет реставрации капитализма продолжают уходить за границу в полном соответствии с законами накопления и концентрации капитала. Но уходят не только капиталы, идет мощнейшая перекачка на Запад всех видов национального, общественного богатства, и прежде всего, идет «утечка мозгов». Периферийный капитализм и достойное место на мировой арене – вещи несовместимые. Скорее всего, заявления о том, что Россия вновь станет в обозримом будущем великой державой, останутся благим пожеланием и идеологическим лозунгом, не подкрепленным серьезными расчетами. Произошла атрофия внутренних источников развития, безусловно доминирующими стали внешние источники. Отдельные регионы страны в основном ориентированы на региональное сотрудничество с близлежащими зарубежными странами. А потому так и не складывается сколько-нибудь единое экономическое пространство, единый общенациональный рынок.

Становится явным огромный просчет прежней, партийно-советской номенклатуры. Она устала строить социалистическое общество и захотела, оставаясь у власти, вернуть страну в мир капитализма, но сохранив при этом у страны статус мировой державы. А страна переместилась, увы! на задворки мировой капиталистической системы. Номенклатура не смогла в силу своей теоретической убогости правильно оценить тенденции развития человечества во второй половине XX в.

Действительно, на что может рассчитывать страна периферийного положения. Весь наш многовековой опыт «строительства» капитализма говорит о том, что страна не сможет сократить свое отставание и приблизиться к Западу. Периферийный капитализм — на каждом новом витке развития — это всегда зависимый, отсталый, уродливый капитализм. Но пока сегодня растут и плодятся самые радужные иллюзии у значительной части российского общества о грядущем светлом капиталистическом будущем. Должно пройти время, прежде чем на смену иллюзиям придет горькое разочарование. Преодоление периферийного положения России — вот где лежит решение проблемы жизнеспособности Российского государства на обозримую перспективу.

Что это означает для России? Выход из капиталистической миросистемы, из зоны действия закона накопления и концентрации капитала. Такой выход может стать отправной точкой для выработки национального пути развития на длительную перспективу. Можно и нужно торговать с миром капитализма, иметь от этого прибыль, но нельзя влезать в огромные долги, а все заработанные деньги должны идти в страну. Они должны работать на собственное развитие. Примером сегодня может служить здесь социалистический Китай, который, единственный из крупных державных государств, становится все более самостоятельной системой в мировом хозяйстве, полномасштабным субъектом процессов глобализации, оказывающим растущее прямое и косвенное воздействие на мировую политику и экономику⁴⁸. Ситуация аналогична той, которая складывалась и укреплялась в нашей стране в первые десятилетия советской власти. Но вопрос в том, насколько возможно вырваться сегодня из капиталистической миросистемы. Не есть ли это очередная утопическая версия особого пути России в сложившихся исторических условиях?

В возможном и желательном выходе России из капиталистической миросистемы решающую роль могут сыграть внешние факторы. Капиталистическая миросистема входит во все более серьезный кризис по мере дальнейшего углубления процессов глобализации. Как пишет И.Валлерстайн, «мы сейчас вступаем в новую эпоху, которую

я описал бы как период дезинтеграции капиталистической мироэкономики. ...После перехода от исторического капитализма к чему-то еще, скажем около 2050 г., мы можем оказаться в новой системе (или множестве систем), являющейся (являющихся) неэгалитарной и иерархической, или же можем оказаться в системе, которая отличается высоким уровнем равенства и демократии»⁴⁹. Другими словами, кризис по-разному может быть преодолен. Однако, несмотря на все разговоры о кризисе западный мир по-прежнему динамично развивается. США пытаются выстроить глобальную империю, современным эквивалентом сословного неравноправия выступают теперь уровни технологического развития различных регионов мира. США уходят далеко вперед по темпам экономического развития даже по сравнению с Европой. Есть другая весьма спорная концепция становления глобальной империи в современном мире, изложенная в книге М.Хардта и А.Негри «Империя». Согласно точке зрения авторов, новая империя есть «децентрализованный и детерриториализованный, т.е. лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постоянно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы». Вывод о том, что «ни Соединенные Штаты, ни, на самом деле, какое то ни было национальное государство на сегодняшний день не способны стать центром империалистического проекта», вызвал одну из самых бурных дискуссий⁵⁰.

У Российского государства есть три пути развития – периферийный капитализм, независимая держава в многополярном мире, основанном на иной модели глобализации, на принципах социальной справедливости, и русское национальное государство. В обществе идет борьба этих наиболее важных тенденций, за каждой из которых стоят определенные социальные слои и политические силы. Исход этой борьбы далек от завершения, и он в значительной мере зависит от внешних факторов. Но только один из этих путей открывает перед страной реальные возможности создания жизнеспособного государства на длительную перспективу. Весь этот комплекс проблем требует самостоятельного рассмотрения.

Примечания

¹ Российская государственность: состояние и перспективы. Анкета «Москвы» // Москва. 2001. № 1; 2002. № 1; 2004. № 2; *Медведев Д.* Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. 2005. № 13; *Мамот М.* Курс на закат. Почему распадется Российская Федерация // Прогнозис: Журн. о будущем.

2004. № 1; Российская государственность сегодня. Круглый стол «Фонда Либеральная миссия». 04.08.2004. <http://www.liberal.ru/fogum.asp>; Черчесов В. Неизвестные размышления о профессии // Комс. правда. 2005. 14 янв.; Бородин Л. Перспектива-развал? // Москва. 2006. № 1.
- 2 В одной из лучших работ последних лет «О стратегии российского развития» (Под ред. В.И.Толстых. М., 2003) группой авторов сделан вывод о том, что в стране построена «абсолютно нежизнеспособная экономическая и политическая системы» (С. 43). Величко А.М. Философия русской государственности. СПб., 2001.
- 3 См.: Кара-Мурза А.А. Новое варварство как проблема российской цивилизации. М., 1994; Мотрошилова Н.В. И снова о варварстве и цивилизации применительно к России // Человек, наука, цивилизация. М., 2004; Она же. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вопр. философии. 2006. № 2.
- 4 Жизнеспособность России. Материалы научной конференции /Под ред. А.Володина и др. М., 1996.
- 5 Ахизер А.С. // Жизнеспособность России. С. 43.
- 6 Бердяев Н.А. О самоубийстве. Психологический этюд // Психол. журн. 1992. № 1. С. 92.
- 7 Тренци Дм. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et contra. 2004. Т. 8. № 3; Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004.
- 8 Нойегард О. Полдень магов. М., 2004. С. 335.
- 9 Анализ большого числа современных работ, посвященных изучению феномена империи, дан в книге С.Каспэ «Империя и модернизация: общая модель и российская специфика» (М., 2001. Библиография содержит 201 публикацию). См. также: Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000; Российская империя в зарубежной историографии /Сост. П.Верт, П.С.Кобытов, А.И.Миллер. М., 2005. Литературу по изучению отечественными авторами российской империи см.: Смолин М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005. Большой интерес в теоретическом плане представляет работа Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система // Полис. 2001. № 3.
- 10 Каспэ С.И. Указ. соч. С. 5.
- 11 Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 283, 288. В настоящее время в отечественной науке сложилось целое направление — социоестественная история — по изучению процессов взаимодействия природной среды и конкретных обществ.
- 12 См. нашу работу: Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации М., 2005. Большой интерес представляют публикации авторов Новосибирской экономико-социологической школы, в которых обосновывается неустрашимое существование в мире двух принципиально различных типов экономик — рыночной и раздаточной. См., например, работы Кирдиной С.Г., особенно «Институциональные матрицы и развитие России». М., 2003 (2-е изд.).
- 13 Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М, 1995; Приватизация по-российски /Под ред. А.Чубайса. М., 1999; Мау В. Экономика и революция: уроки истории // Вопр. экономики. 2001. № 1.
- 14 Медведев Р.А. Капитализм в России? М., 1998; Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация капитализма в России. М., 2000; Антонов М. Капитализму в России не бывать. М., 2005.
- 15 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 428.

- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770–773. Историческая тенденция капиталистического накопления.
- ¹⁷ *Люксембург Р.* Накопление капитала. М., 1922. С. 22.
- ¹⁸ См.: Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 7.
- ¹⁹ *Wallerstein I.* The Capitalist World-Economy. Cambridge, 1979; *Он же.* Мирово-системный анализ. Социология и история // Время: Альманах совр. иссл. по теорет. истории, геополитике, макросоциологии, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск, 2000; *Он же.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- ²⁰ *Кагарлицкий Б.* Предисловие к книге Э.Валлерстайн «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире».
- ²¹ *Фурсов А.И.* Колокола истории. М., 1998; *Он же.* Мирово-системный анализ и его критики. М., 1996.
- ²² *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 95.
- ²³ *Федотов Г.* Письма о русской культуре // Русская идея /Сост. М.А.Маслин. М., 1992. С. 390.
- ²⁴ Там же. С. 419–420.
- ²⁵ *Саид Э.* Ориентализм. М., 2005.
- ²⁶ *Арин О.* Царская Россия: мифы и реальность. М., 1999. С. 59.
- ²⁷ *Кожин В.* Россия. Век XX-й. 1901–1939. М., 1999. С. 23.
- ²⁸ *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 128–129.
- ²⁹ *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 2005. С. 146, 149.
- ³⁰ *Козн С.* Можно ли было реформировать советскую систему? <http://www.nprj.ru/rg-poogen>; Исторические судьбы социализма. М., 2004.
- ³¹ *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Гл. XIV. Советский мир.
- ³² *Федотова В.Г.* Почему провалились реформы // Свободная мысль. 1999. № 10.
- ³³ *Шевцова Л.* Как Россия не справилась с логикой политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3.
- ³⁴ *Ахизер А.С., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало. М., 2005. С. 14–15.
- ³⁵ Там же. С. 17.
- ³⁶ *Зюганов Г.А.* Держава. М, 1994. С. 14, 16.
- ³⁷ См., например, *Тишков В.А.* Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Политический класс. 2005. № 5.
- ³⁸ *Бузгалин А., Колганов А.* «Серые» приходят в сумерках... // Альтернативы. 2006. № 1. С. 33.
- ³⁹ Соч. имп. Екатерины II. СПб., 1849. Т. 1. С. 4.
- ⁴⁰ *Дашкова Е.* Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 80.
- ⁴¹ *Кагарлицкий Б.* Закономерный тупик российского капитализма. <http://www.iprog.ru/gerotg>
- ⁴² О последствиях экономического отставания России см., например: *Делягин М.Г.* Мировой кризис. Общая картина глобализации. Ч. 5. Выводы для современной России; *Кургинян С.Э.* На два фронта. Концептуально-аналитический меморандум // Россия-XXI. 2002. № 3.
- ⁴³ *Москвин-Тарханов М.* «Скорее все-таки Азия» // Деловая газета «Взгляд». 2006. 26 апр.
- ⁴⁴ *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 287–288. См. также его статью: Рождение нации: исторический смысл нового русского национализма // Свободная мысль-XXI. 2005. № 6.

- ⁴⁵ См.: *Баталов Э.* Американская мечта или русская идея? М., 2001.
- ⁴⁶ *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. Гл. 4. Разд. 5.
- ⁴⁷ *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М., 2004. *Назаров М.* Вождю «Третьего Рима». М., 2004. *Федотова В.Г.* Модернизация «Другой» Европы. М., 1999.
- ⁴⁸ *Салицкий А.* Китайская экономика как субъект глобализации // Постиндустриальный мир и Россия /Отв. ред. В.Г.Хорос, В.А.Красильщиков. М., 2001.
- ⁴⁹ *Валлерстайн Э.* После либерализма. М., 2004. С. 228, 230.
- ⁵⁰ *Харди М., Негри А.* Империя. М., 2005. С. 12, 13. См. также дискуссию о книге «Империя», опубликованную в журнале «Альтернативы». 2005. № 4.

Духовность как основа жизнеспособности государства

1

Основной вектор развития России, несмотря на кажущуюся стабильность, остается глубоко негативным и разрушительным, что без преувеличения ставит ее перед выбором: жизнь или смерть. В условиях этой пограничной ситуации в глубинах народной жизни начинают развиваться неоднозначные процессы: с одной стороны, происходит деформация механизмов адаптации людей, их маргинализация, склонность к асоциальным, непредсказуемым поступкам. С другой — и это очень важно — все более заметным становится поворот к традиционным ценностям и ориентациям, возвращение к себе уважения, утраченного на исторических «ухабах».

В такой предельно сложной ситуации философия не может оставаться в стороне от стихийно формирующихся процессов и обязана включиться в их осмысление, используя адекватный понятийный аппарат. Однако проблема заключается в том, что, отказавшись от значительной части понятийного багажа советской эпохи, она не выработала нового. Причины этого лежат как в самой философии, так и вне нее.

Во-первых, философы давно отказались от всякой надежды влиять на ход политических и социальных событий. Еще Гегель, имея высочайшее мнение о ценности и достоинствах философии, считал, что философия всегда приходит слишком поздно, выразив эту мысль в известном выражении: «Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»¹. Данная тенденция сохраняется и сегодня. Во-вторых, наша философия, как и другие сферы науки, находится в упадке, она не востребована дезорганизованным обществом и государством, которым, в свою очередь, не может предложить новые

воодушевляющие идеи. «Философия, констатирует издатели Ad Marginem, во многом утрачивает сегодня свои притязания... Это связано с тем, что философия в 90-е гг. — и это было губительно для нее, — совершенно оказалась изолированной от поля социальных проблем»². Подобная констатация отражает общее состояние философии, сложившееся в результате общенаучного кризиса (паразировавшего в наибольшей степени общественные науки) и маргинализации научного сословия.

Если и наблюдаются какие-то попытки введения новых категорий для объяснения происходящих процессов, то они нацелены лишь на то, чтобы зафиксировать и укрепить в своем статусе негативные явления. Самая заметная и наиболее разработанная из них — категория «раскол» (А.С.Ахиезер), характеризующая несовместимость смысловых полей разных социокультурных групп. При этом раскол трактуется как имманентное, сущностное свойство Российского государства, которое воспроизводится в каждом историческом цикле. Последовательное проведение данного принципа до его логического конца ведет в лучшем случае в тупик, выход из которого последователи Ахиезера видят «в глобализации нашего внутреннего развития»³. К каким последствиям это может привести, показано, в частности, в работе «Судьба России в условиях глобализации» (М., 2005). Не добавляет оптимизма и анализ социальных процессов в стране через призму такой категории, как «травма» (П.Штомпка), которая включает в себя синдром недоверия, мрачный взгляд на будущее, ностальгию по прошлому, политическую апатию и т.д.⁴. Эта критичность, при всей ее справедливости, в условиях острейшего дефицита конструктивных теорий и действий лишь консервирует ситуацию. Поэтому первостепенная задача в этих условиях заключается в том, чтобы найти способы нейтрализовать и преодолеть эти негативные явления.

Представляется, что давно назрела необходимость сделать следующий шаг, т.е. перейти от справедливых и тревожных описаний проблем страны, обобщенных в категориях «раскол», «травма» и т.д., к иному понятийному аппарату, способному выявить и мобилизовать глубинные потенциалы России, раскрыть возможности ее возрождения. Сознывая, что решение этой жизненно важной задачи упирается в раздробленность, размытость мировоззренческих, идеологических, философских основ политики, все же представляется целесообразным выдвинуть в центр внимания непривычную для современной отечественной политической философии категорию «жизнеспособность государства». При этом следует подчеркнуть, что речь идет

именно о «жизнеспособности», а не об «эффективности», упоминание о которой часто встречается как в выступлениях политиков, так и в публикациях.

Категория «эффективность» неприемлема для нашего анализа потому, что, будучи заимствованной из естественно-научного аппарата для характеристики отношений в неравновесных системах, она не может быть применена к такой сложной системе, как государство⁵. Правда, существует понятие «экономическая эффективность», означающее, что суммарные результаты больше, чем суммарные затраты⁶. Это понятие может быть использовано в анализе деятельности отдельного предприятия или даже экономики в целом. Когда же речь идет о многомерном и разномерном государстве, включающем не только экономику, но и многие другие сферы – термин «эффективность», по меньшей мере, кажется недоразумением. В лучшем случае он может претендовать на роль метафоры. «Эффективность» обедняет государство, не отражает всей полноты его жизни, которая слишком сложна и полна бесконечных скрытых возможностей, так что экономический фактор (что бы там ни говорилось) завтра может потерять свое значение по сравнению с идеологическим или нравственным фактором в организации общества.

Применительно к общественно-политическим сферам «эффективность» – довольно ограниченное, узкотехнологизированное, прикладное понятие, отражающее сиюминутность, кратковременность процесса, не выявляющее долговременные последствия и не связывающее прошлое, настоящее и будущее. Свое применение оно может находить лишь в очень ограниченных временных и пространственных пределах. Так, например, если сравнивать Индию с колонизовавшей ее Англией, то с точки зрения критерия эффективности приоритет, конечно, принадлежит английским колонизаторам – циничным, безнравственным и безжалостным хищникам. А с точки зрения «жизнеспособности», преимущество продемонстрировал и продолжает демонстрировать индийский народ. То есть категория «жизнеспособность» содержит в себе некое важное интегрирующее начало, которое вытекает из осознания того факта, что мир может развиваться в ином направлении, не совпадающим со старым порядком развития.

Обращение к категории «эффективность» сигнализирует об изменении аксиологического отношения к человеку в результате крупных социально-экономических преобразований, проникнутых духом наживы и хищничества. Категория «эффективности», содержащая отчасти разумный прагматический аспект в своей интенции, означает выживание любой ценой. Поэтому она более уместна в обществе,

живущем по социал-дарвинизму, где борьба за существование возводится в ранг абсолютного и всеобщего закона жизни. Отсюда вытекает и установка на всеопределяющую роль хозяйства в человеческой жизни, ставшая преобладающей в современном глобализированном мире, в котором основные моральные ценности заменены ценностью эффективности.

Тема «жизнеспособности государства» выходит за эти узкие технико-механицистские рамки. Она не только проливает свет на многие события современности, но и дает критерии для оценки деятельности государства, указывает на иные перспективы его существования.

Обычно под жизнеспособностью государства понимают способность государства обеспечить нормальное развитие всех сфер жизни государства — экономической, социальной, культурной и т.д. Но при этом вряд ли стоит впадать в излишние иллюзии, которым иногда подвержены экономисты, социологи, юристы. Ведущим мотивом многих публикаций по экономическим вопросам является тезис о том, что разрешение всех социальных проблем возможно лишь на основе материальной заинтересованности. Магистральный путь развития государства видится на пути оживления собственнических инстинктов, которые будто бы смогут активизировать экономическое развитие. Однако тот источник мотивации, который лежит в «свободном предпринимательстве» может иметь значение только для владельцев частной собственности. Частная собственность действительно снимает многие проблемы. Но не все в обществе могут быть собственниками. К тому же непосредственная мотивация к труду даже среди частных собственников, как показывает исторический опыт других стран, снижается от поколения к поколению по мере накопления наследственного багажа.

Помимо иллюзий экономического порядка распространены иллюзии юридические, правовые. Их носители убеждены в том, что решение экономических проблем, да и всех социальных вопросов, возможно посредством политико-правовых актов, юридических гарантий. Однако многие принятые законы часто не оправдывают возложенных на них надежд. И дело здесь не в том, что не все продумано, не все учтено и не все сбалансировано, хотя и такое явление весьма распространено. Законы в обществе не действуют тогда, когда нравственность падает, ибо юридические законы — это вторичная, производная система от своего фундамента — общечеловеческой морали, берущей свое начало в христианских заповедях. И если эта базисная мораль разрушена, то юридические нормы падают в пустоту, ибо без фундамента всякое построение обречено на неудачу. Недаром у нас так много сетований на низкую эффективность правовой системы.

Все эти иллюзии возникают, когда упускается самое главное — качество человека, т.е. совокупность его физических и духовных характеристик. Сегодня для многих стала очевидной истина: любая процветающая экономика — высоконравственное явление. Не случайно на Западе нет сколько-нибудь значительного научного или теологического труда, где бы ни рассматривались вопросы морали. И наоборот. Любые размышления о морали содержат в себе указание на связь моральных норм с принципами хозяйствования и условиями материальной жизни людей. Другими словами, нравственность оказывается важнейшим компонентом экономической деятельности, а основой экономического развития выступает человек. Даже такой важный фактор, как наличие или отсутствие природных ресурсов, может только ускорять или замедлять экономическое развитие, но не определять его. Италия и Япония, например, обделенные природными ресурсами, смогли продемонстрировать наивысшие темпы роста среди развитых стран. Настолько же красноречив противоположный пример Англии, которой повезло намного больше в смысле природных ресурсов — и природный газ, и каменный уголь, и нефть были в ее распоряжении, однако она не смогла удержать своего прежнего места в мировой экономике: наследие колониального прошлого оказывало свое разлагающее воздействие и не способствовало укреплению жизнеспособности государства. Жизнеспособность — это сложное социально-нравственное явление, имеющее глубокие корни в культуре той или иной страны. Данные последних зарубежных исследований подтверждают огромное влияние культуры на психику и поведение человека во всех сферах деятельности и, прежде всего, в экономике.

Поэтому представляется, что постановка проблемы жизнеспособности государства затрагивает, прежде всего, философско-политические проблемы первостепенной важности, побуждает обратиться к вечным, **фундаментальным** вопросам бытия, напоминает об их нерешенности, о необходимости поисков ответов на них. А для этого нужно оглянуться назад, на пройденный путь и вместе с тем попытаться заглянуть вперед, понять, что нас ждет, если оставаться на том уровне нравственного и научного багажа, который был накоплен за последние десятилетия и который, так или иначе, определяет мировоззрение и поведение нашего народа. Это ставит перед философией и общественными науками в принципе совершенно новые, нетрадиционные задачи.

Естественно, возникает вопрос, на какой общетеоретической и методологической основе можно подойти к этой достаточно сложной и разноаспектной теме? В обществоведении сегодня в результате

обвального кризиса марксизма, начавшегося в 1980-е гг., имеет место большая расплывчатость общетеоретических ориентиров, установка, парадигм. Однако кризис марксизма вовсе не означает, что его можно квалифицировать как полнейшее заблуждение. Многие его положения выдержали испытание временем и сохранили свое значение как научные аксиомы. Тем не менее масштаб, глубина, глобальность происходящих процессов требуют для их изучения новых подходов на основе новой интегрированной отрасли знания. В качестве таковой некоторые ученые называют социогенетику⁷. Как интегрирующая наука социогенетика включает в себя широкий спектр обобщающих и частных отраслей знания, способных охватить все многообразие темы «жизнеспособность государства». Общая теория нацелена на исследование закономерностей, механизмов изменчивости и наследственности в развитии Российского государства. Частные – на генетику экономических отношений, социально-политическую генетику, генетику духовной сферы и многое другое. Совокупность социогенетических наук могла бы выявить систему внутренних связей и зависимостей в функционировании государства, глубину кризисов и возможность выхода из них, а в итоге решить проблему жизнеспособности государства. Выяснить, за счет каких ключевых факторов Российское государство сохраняло свою жизнеспособность на протяжении веков, имеются ли они сейчас, подверглись эрозии, либо вовсе уничтожены.

Анализ проблемы в таком ракурсе мог бы дать много поучительного для выявления главных факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства. А Российское государство на протяжении всей своей тысячелетней истории показало себя как очень жизнеспособное. Об этом свидетельствуют и успешные военные действия по отражению многочисленных иностранных завоеваний (татаро-монголы, Польша, Швеция, Франция, Германия), и беспримерное увеличение территории страны и численности ее населения, которого не знала ни одна страна в мире. «Если пятьсот лет тому назад, – пишет И. Солоневич, – “Россия” – это были пятьсот тысяч квадратных километров, на которых жило два миллиона русских людей, а к настоящему времени (1973 г. – *Р.С.*) – это двадцать миллионов кв. км, на которых живут двести миллионов людей...»⁸.

Для объяснения этого роста было выдвинуто несколько историко-политических теорий. *Первая* теория объясняла успехи государства тем, что русскому народу посчастливилось усесться на равнине, которая ничем не препятствовала ему растекаться по разным направлениям от его исходного пункта. Однако эта теория не дает ответа на

очень простой вопрос: почему на той же территории не удалось «растекаться» другим народам. Кроме того, она упускает из виду еще одно обстоятельство: если русская равнина не ставила препятствий к растеканию русского племени, то она же не ставила препятствий и для иностранных нашествий. *Вторая* теория — это теория призвания варягов (расистская в своих крайних интерпретациях), которая исходит из того, что германцы своим творческим гением оплодотворили пассивные славянские племена и создали русскую государственность. Но эта теория также не могла ответить на простой вопрос: почему же государственно-одаренная германская раса на своей собственной территории в создании собственного государственного единства лет на четыреста отстала от России? *Третья* теория все успехи связывала с деятельностью правительства — царей. В действительности, как отмечает Солоневич, Россия творила царей, а не цари Россию. За тысячу лет у нас были удачные монархи и были неудачные, но страна росла и ширилась при всех них. Решает страна. Правительство помогает (Александр I), портит (Петр I), или отсутствует вовсе (Смутное время), но решает не оно: решает народ⁹.

Если попытаться выявить, что же лежало в основе жизнеспособности России, то можно обнаружить два ключевых фактора, оказавших решающее влияние на ее жизнеспособность, — внешний и внутренний.

Внешний — это централизация страны. В России при ее огромных, необъятных пространствах, многоэтническом составе, неодинаковых по климатическим и прочим условиям регионах другого способа существования просто быть не может. К. Леонтьев считал, что именно централизация и обеспечивала тысячелетнее существование страны. А вот ослабление централизации, сопровождающееся созданием национально-государственных образований внутри России, показало свою явную нежизнеспособность. Появление непонятного феномена «государства внутри государства» порождает проблемы коренных и «некоренных» народов, проблемы границ, статуса образований и т.д., ведет к хаосу и вооруженным конфликтам. Кроме того, практически невозможно создание национальной государственности для всех народов, и уже поэтому этот подход ведет в тупик. Взгляд же на проблему с точки зрения наполнения требования национальных прав реальным содержанием — экономическим, культурным, религиозным — мог бы решить многие кажущиеся сейчас неразрешимыми проблемы.

Внутренний, и самый главный, — дух народа, сложившийся под влиянием способов его существования, народа, объединенного не только общностью истории и географии, но и общностью известных психологических черт. В поле зрения исследователя могут находить-

я любые аспекты жизнеспособности государства, нашедшие отражение в его общей политике, частных задачах или структуре и характере общественных учреждений. Но при этом мы никогда не должны забывать, что именно дух народа в решающей степени предопределял и государственное построение, и внутреннюю жизнь и участие в мировой жизни.

Об этом свидетельствует весь исторический опыт России. Всякий раз, когда она оказывалась на грани гибели из-за внутренних распрей отдельных политических групп во имя их особых интересов, которые приводили страну к тягчайшим бедствиям, спасение приходило из одного источника — духа народа. Эта неосязаемая и неуловимая субстанция каким-то чудесным образом заставляла всех забывать свои особые интересы во имя общего национального интереса, превращала разрозненные политические группы в единую политическую рать, пробуждая сознание общей связи, вне которой нет для государства спасения. Тогда Россия как целое ставилась выше своих особых интересов, личных или групповых, классовых или партийных. Свое воплощение дух народа находит главным образом в национально-государственной идеологии, которая возобновляет связь с прошлым и возвращает народ на его историческую дорогу. Творцы глобализации, безусловно, знают о мощи и громадных возможностях народного духа, именно поэтому против него и ведется основная борьба.

Даже такой белгий взгляд на предмет исследования с точки зрения социогенетики дает определенные ориентиры и направление исследования. Разумеется, решить задачу выявления всех условий жизнеспособности государства — это сложная задача, реализация которой дело не очень близкого будущего. Более доступное сегодня направление исследования — развитие некоторых частных (конкретных) социогенетических наук, т.е. выявление общих закономерностей наследственности в отдельных сферах жизнедеятельности государства: науке, образовании, культуре, нравственности, идеологии и религии, составляющих его духовную основу. Поскольку это наиболее сложный и многогранный объект исследования, то в полной мере осветить его здесь не представляется возможным. Поэтому в данной статье речь пойдет лишь о некоторых процессах в духовной сфере, которые сегодня почти всецело определяются фундаментальной наукой.

Представление о государстве, его сущности, условиях *жизнеспособности* является составным элементом картины мира, включающей также и систему взглядов на Вселенную, природу, на самого человека. Однако сегодня многие исследователи уже не сомневаются в том, что современное понимание мира, природы, реальности и человека

является поверхностным, неверным и неполным. Это в полной мере относится к представлению об универсальном принципе жизни как таковой, который является ключевым в теме «жизнеспособность государства». Непонимание, игнорирование данного принципа современной самоуверенной цивилизацией приводит к роковым последствиям, выражающимся в деградации человека и окружающей среды.

Вместе с тем можно констатировать, что в отечественной философии уже обозначился серьезный интерес к проблеме жизни, проявившийся в анализе ряда аксиологических подходов к ней, основанных на различных мировоззренческих программах¹⁰ и создающих определенную базу для исследования проблемы жизнеспособности государства. В сущности, есть два подхода к решению проблем государства: 1) с точки зрения материальной (приоритетной) — классовая борьба, национальные интересы и т.д. и 2) с точки зрения духовной, идеологической. Тема «жизнеспособности государства» меняет местами эти позиции, позволяя рассматривать духовную сторону не просто как некую надстройку над экономическим базисом, не являющуюся главным, определяющим фактором, а как нечто фундаментальное, от чего зависит жизнь и сущность государства, а также материальная основа его существования. Да и в самом марксизме решению всех практических вопросов предшествовала идеология. Как-то все вдруг забыли, что в основе возникновения советского государства, т.е. «государства нового типа», лежало марксистское мировоззрение, определявшее все параметры устройства государственной жизни. Из этого следует, что всяким концепциям устройства государственной жизни должно предшествовать обсуждение и решение метафизических, мировоззренческих вопросов, вытекающих из понимания жизни как наиболее емкого и многомерного понятия, и соответственно, — выбора вариантов жизни.

Несмотря на то, что «жизнь», являющаяся во всем объеме ее содержания сложной и многогранной проблемой, заняла свое место в современной отечественной философии, широким общественным сознанием России она по-прежнему воспринимается либо в обыденном, либо в чисто биологическом смысле. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что философия всегда оперирует «размытыми» понятиями, предполагающими неоднозначные подходы и решения, а также то, что в советский период проблема жизни оставалась за пределами внимания исследователей.

Представляется, что сегодня назрела необходимость сосредоточить внимание на изначально высоком, строгом и сакральном смысле слова «жизнь», как она рассматривалась в большинстве философ-

ских и религиозных учениях, где слово «жизнь» означает жизнь чистую, нравственную, которая и составляет истинное счастье и достоинство человека. Этот смысл отличается от понимания, сложившегося в обыденном языке, в котором слово «жизнь» означает любое существование, в том числе — безнравственное и преступное.

Если принимать во внимание лишь обыденное понимание «жизни», то тогда логично брать за идеал для всех, за образец для подражания западную модель бытия (как и поступает абсолютное большинство политологов и экономистов), в частности образ жизни в Америке, ибо жизнь в Америке кажется наиболее комфортной в материальном отношении и потому привлекательной, а государство — «эффективным». Но, следуя по пути, избранным американским обществом, никогда не избавиться от множества пороков: лжи, насилия, эксплуатации, коррупции, нищеты. Ставшее доминантным как на Западе, так и в России общество потребления есть, как отмечают многие исследователи, конечная стадия в развитии нынешней цивилизации, ибо оно вырождается в толпу расчеловеченных индивидов. А это база для расцвета антиморали: войны, жестокости, СПИДа, голода, утраты нравственных ценностей. Сегодня уже никто не сомневается, что деградация человека и общества идет полным ходом. Вызов бездуховности достиг такого накала, что наше время все больше напоминает закат эры динозавров, когда они, разорив и опустошив землю, начали вымирать.

Казалось бы, в этой ситуации следовало бы найти иной способ жить, понять, что самая важная и неотложная задача — воспитание нравственного, внутренне гармоничного человека. Но вопрос об этом даже не стоит. В советское время ставилась подобная задача, однако в целом так и не была решена. Оказалось, что на пути решения этой проблемы, как тогда, так и теперь стоит главное препятствие — **миропонимание** людей, которое лежит в основе идеологии.

Упрощенно подойдя к сложному понятию идеологии, власти конституционно провозгласили отказ от идеологии¹¹. Вместе с коммунистической идеологией, вынужденно впитавшей в себя и традиционную духовность, массы и правящие круги утратили, ничего не получив взамен, основные мировоззренческие представления, а также основополагающие моральные и духовные ценности. В результате наши граждане оказались участниками небывалого эксперимента, которое человечество за тысячелетия своего существования еще никогда не ставило в таком масштабе, — *жизнь без моральных ценностей и духовных ориентиров.*

Но как могут граждане воспринимать мир, не имея никакого жизненного эталона перед собой, не имея никакого нравственного и государственного идеала? Ведь идеология (в широком, а не в узко партийном смысле) — это функция от идеала, т.е. представления о наиболее развитом, совершенном, идеальном состоянии общества, человека; это своего рода компас или маяк. Жить, не понимая, в чем сущность, смысл и цель жизни, не может ни человек, ни общество. У Сент-Экзюпери есть замечательная фраза на этот счет: «Кораблю, который не знает, в какую гавань он держит путь, никакой ветер не будет попутным». Эта идея плавания, не имеющего никакой иной цели, кроме самого плавания, наглядно выражена в очень ярком символе — «корабле дураков», который встречается в средневековой иконографии. Он отражает смысл, противоположный пониманию пути как *перехода, развития, спасения*. В изображениях «корабля дураков» часто встречается обнаженная женщина, стакан вина и другие символы земной похоти¹². Данный символ как ни один другой отражает суть нашего общества, из которого не только уходят понятия цели, чести, совести, справедливости, любви к Родине, но становится проблемой и само его существование.

2

Обществу жизненно необходимо миропонимание, являющееся итогом накапливаемой веками мудрости, включающее в качестве нерасчлененного единства научные, философские, религиозные представления, принимающее мир как основу для совершенствования, а не для радикального переделывания в соответствии с неким проектом. Стержнем же всякого миропонимания является представление о «жизни», взятое не в обыденном, а в метафизическом и научном смысле.

Обсуждение проблемы «жизни» открывает новые перспективы и в то же время представляет собой, как это обычно бывает, хорошо забытое старое. Концепция жизни имеет долгую историю, она разрабатывалась как в рамках философии, так и в пределах экспериментальной математической физики, существуя в виде отдельных фрагментов. Но наиболее полно всеохватывающее понятие «жизнь», как известно, было разработано в конце XIX — начале XX вв. таким философским течением, как «философия жизни». Однако, несмотря на то, что «жизнь» — одна из основных тем философского размышления, долгое время она оставалась прерогативой не столько философии, сколько теологии и естествознания.

Вмешательство эмпиризма привело к тому, что официальная наука разделилась надвое между *последователями классической науки с одной стороны, и эмпиристами и картезианцами* — с другой. При этом все эмпиристы, особенно их радикальное крыло, именуемое себя логическими позитивистами, утверждают, будто жизнь есть результат действия механических принципов. Последняя позиция сегодня представлена кабинетными доктринами тех, кто сводит жизнь к продукту молекулярной биологии. Влияние эмпиристской школы и ее последователей в огромной степени затормозило те достижения, которые могли бы свершиться.

Основанная на постулатах и аксиомах локального видения законов природы, позитивистская механистическая картина мира и ныне остается господствующим мировоззрением, несмотря на то, что механицизм давно осужден классиками науки как тупиковое направление познания, а в науке сделаны опровергающие его важнейшие открытия¹³. Механистический подход привел к возникновению ряда парадоксов и противоречий, к возможности замалчивания важнейших и интереснейших вопросов о сущности и смысле жизни, о специфике живой природы. В значительной степени по этой причине и научные свидетельства, на которые, например, ссылается Вернадский, говоря о принципе жизни как таковой, разбросаны в ряде публикаций в виде отдельных фрагментов.

Наука, которая долгие годы жестко отделяла животный мир от растительного и уж тем более от царства минералов, в последние десятилетия начала менять свою позицию и не в последнюю очередь под влиянием единодушно отмечаемого многими авторами краха позитивистско-материалистической парадигмы, более столетия господствовавшей в науке. Происходит формирование новой картины мира, основаниями которой выступают системный подход, синергетика, теории физического вакуума как некоей первоосновы, стоящей за разделением на материальную и духовную субстанции. Кроме того, ученые пришли к теории всеобщего информационного поля, которым, по их мнению, обладает как живая, так и неживая природа¹⁴.

Укрепляется мнение о том, что все окружающее нас является живым не в примитивно-азбучном, а в самом прямом смысле этого слова. Чудесная животворная субстанция разлита везде и во всем — минералы, горные породы, планеты, звезды и сама Вселенная. У этого мнения есть великие предшественники. Достаточно вспомнить теорию К. Циолковского о «разумности» каждого отдельного атома. Современные исследования, проводимые как за рубежом, так и в России, подтверждают мысли русского гения. В книге японского учено-

го Масару Емото «Послания, исходящие из воды» (2002), переведенной на десятки языков, подчеркивается, что материя сама по себе — далеко не главное. Гораздо важнее пронизывающий ее дух, который, как это ни покажется невероятным, в определенных случаях способен продемонстрировать свое присутствие поразительным и ярко выраженным способом. Это происходит в самом обычном веществе — воде. А отечественный ученый Н.Н.Сочеванов нечто подобное обозначил термином «информация», полагая, что «информационная составляющая объективно присуща для всех разновидностей систем, начиная от микробов, всего живого мира и кончая неорганической жизнью... Информационное поле при этом вездесуще»¹⁵.

Не углубляясь в эту достаточно специфическую и отдельную тему, в целом можно констатировать, что имеют место две различные, включающие друг друга, картины мира: 1) переживание мира как «живого организма» и 2) материалистичско-механистическое представление о мире как об «огромном механизме» и бездушной машине. В истории отечественной мысли первая картина связана главным образом с представлением «русского космизма», в основу которого положены идеи единства Земли и Космоса, о многослойной, одухотворенной Вселенной, о человеке как существе не только земном, но и космическом, связанным с миром не только материальными, но и информационными потоками. Важно отметить, что на современном этапе эта картина мира обретает второе дыхание. Другая, — представленная «академическим мышлением» (т.е. чисто умозрительным, рациональным, западным по происхождению), — является сравнительно недавним порождением механистического видения мира¹⁶.

Можно сказать, что в области познания человечество находится у поворотной черты. Оно прошло и до конца исчерпало путь, связанный с сугубо механистическим видением мира: «...Изучение глубинных структур косной и живой материи отнюдь не приближает нас к пониманию основ микро- и макромира. Мы по-прежнему не знаем природу электромагнитных полей, гравитации, ядерного взаимодействия, хотя научились пользоваться ими на практике»¹⁷. Зияющие бездны незнания обнаружались в современных науках о жизни, о Земле, Вселенной, человеке и обществе. На эти еще неисследованные тайны природы обращает внимание французский мыслитель Сатпрем: «Когда птицы летят из Арктики к лагунам Цейлона, им не нужно “думать” о маршруте своего полета; в каждую секунду они там, где должны быть, ...потому что карта мира летит вместе с ними, внутри них, или, наоборот, они летят внутри живой географии мира. Мы называем это словом “инстинкт”, которое лишь прикрывает наше

неведение; инстинкт мира — это то, чем является мир на самом деле, во всей полноте, без стен и барьеров»¹⁸. Кризис фундаментальной науки некоторые исследователи объясняют тем, что «вся она построена на неверном изначальном послыле. Мы считали материю первичной, а на самом деле она лишь следствие, производное информационных процессов»¹⁹. Кризисом науки объясняется и нынешний расцвет оккультизма, который начал проникать уже в науку. «Двадцатый век показал, — отмечает крупнейший ученый XX в. А.А.Любищев, — что мракобесие и догматизм уживаются с материализмом еще лучше, чем с идеализмом»²⁰.

Наметившиеся новые подходы в науке все более укрепляют представления о многослойности, многоуровневости и многопространственности мира. Как полагают некоторые авторы, понятийная схема, которая могла бы вместить в себя содержание нового видения мира, связана с развитием русского космизма как фундаментального мировоззрения современной эпохи. Если современная наука говорит о «размытости границ» между живым и неживым, то в русском космизме нет проблемы живого и неживого, ибо весь Мир, Космос является живым Организмом. Жизнь — не только планетное, но и космическое явление. Концепция ноосферы, созданная Вернадским, — один из элементов методологического основания научной теории единства человека с Вселенной, становление которой происходит в борьбе с антропогеоцентризмом²¹.

Если не понять сути жизни, не открыть новых страниц в понимании тех элементов, на которые обратил внимание отечественный космизм, но которые в последующей отечественной истории были уничтожены, а на Западе не восприняты, то у человечества останется мало шансов на выживание. Выжить можно, лишь понимая сущность жизни и феномен самого человека. Между тем кризис науки более всего проявляет себя в главном — в оценке сущности человека, осознании его жизни и существования. Можно только согласиться с Фроммом, который считал, что существование человека — не есть что-то само собой разумеющееся, это проблема; не ответ, но вопрос. При этом, что парадоксально, единственно возможным ответом являются лишь новые вопросы²².

3

Понимание и оценка самой сущности жизни и человека менялись на протяжении веков. В античный и средневековый период отношение к человеку и государству определялось, исходя из идейно-

религиозных оснований. В христианской культуре призвание человека как образа Божьего, наделенного свободой, достоинством, состояло в «обождении» не только самого себя, но и всего мира. Эта оценка подверглась коренному пересмотру в Новое время.

Новое время породило комплекс идей и ощущений относительно мира и человека, который А.К.Якимович описал под названием «антропология недоверия», подразумевающие недоверие к высокому предназначению человека. «Человек неумен и нравственно сомнителен, и следует создать новый порядок жизни, порядок справедливый и свободный (то есть “строить светлое будущее”), основываясь на самой дрянности этого самого человека. Вот какие причуды и гротески, — пишет автор, — поигрывают на заднем плане новой свободной мысли, иногда выступая на всеобщее обозрение, а иногда укрываясь в тени моральных категорий»²³. То есть идеалы гуманизма и Просвещения создаются не из возвышенных помыслов и благородных дел, а вырастают из темной материи реальных страстей человека и самых неблагоприятных его поступков. Это отразилось и на понимании государства, которое «теряет ореол вдохновителя и созидателя, предназначенного для реализации сущности собственного высокого предназначения и столь же божественного высокого предназначения человека, и превращается в институт, структуру, элемент социальной системы»²⁴.

В предыдущие эпохи считалось, что культура есть культура, варварство есть варварство, а религиозные, философские, традиционнопатриархальные и ремесленно-канонические установления вполне надежно проводили границу между ними. С наступлением же Нового времени «постоянно предполагается, что в основе культуры, законов, власти, общества и морали лежит дикарская, скотская, нечеловеческая, докультурная субстанция, или ошибка природы, или случайность»²⁵. Эта новая теория человека особенно ярко отразилась в искусстве и литературе. Под влиянием «антропологии недоверия» художник Нового времени «начинает пускать в ход запретные смыслы и образы, оперировать с преступлением, бессмыслицей, безумием, иррациональным сновидением, дикостью и прочими, исключенными из культуры вещами, причем оперировать без тех высших легитимаций, которые имеются в стабильных, традиционных культурах»²⁶. «Заигрывать с дьяволом — это своего рода специальность этой эпохи. Иначе не просветишься, не достигнешь свободы и справедливости, не осчастливишь человечество новым справедливым устройством общества»²⁷.

При этом важно подчеркнуть, что вопрос о происхождении и сущности человека, а также его месте в мире по-прежнему остается открытым: вразумительного его понимания до сих пор нет. И это не-

смотря на то, что он является одним из основных в истории философской и общественно-политической мысли. У Канта вопрос «что такое человек?» формулируется даже как основной вопрос философии. Все, что наука длительное время давала на этот счет и в течение более сотни лет через сферу образования внедряла в массовое сознание, оказалось достаточно сомнительным. Речь идет, прежде всего, о теории эволюции, теории происхождения человека. Теория эволюции, как свидетельствуют новейшие исследования, не является частично верной или ложной. Само ее возникновение было связано с потребностью быть принятой в качестве общей мировой философии жизни, объясняющей человека и мир. Научная гипотеза играла в ней второстепенную роль.

Получается, сущность человека нельзя объяснить, не объяснив самого мира. В результате онтология превращается в своего рода антропологию, расширяющую свои привычные пределы, простираясь на все социально-историческое пространство, на весь смысловой универсум. Вопрос о соотношении антропологии и онтологии становится важным мировоззренческим вопросом. Поэтому невозможно обсуждать проблему жизнеспособности государства, не решив предварительно этого вопроса, не выяснив, в чем заключается сущность человека и в каком отношении он находится к миру.

В советское время установилось понимание человека как биосоциально-духовного существа. Но главный акцент ставился все же на трактовке человека как производного от общества, как его продукта. Поэтому анализ проблем человека был нацелен на выявление в основном его социальной сущности. Но жизнь упрямо доказывала: формировать личность с требуемыми социально полезными качествами никак не удается.

Сегодня большая часть ученых продолжает определять человека как биосоциальное существо, т.е. сущность человека трактуют как единство его биологического и социального начал. Правда, в 1990-е гг. «социального человека» начал сменять «человек виртуальный», у которого предполагается актуализация одной лишь возможности — нацеленность на информацию и коммуникацию, с оставлением в стороне других смыслов и функций человека. Однако концепция «виртуального человека» — это не что иное, как новейшая попытка увести от понимания подлинной сущности человека. В целом и тот, и другой подходы представляются односторонними. Новые исторические условия и обстоятельства дают серьезный повод для сомнений во всемогуществе науки объяснить сущность человека. Можно сказать, что современная наука пока не готова ни осмыслить, ни объяснить истинную сущность человека, который постепенно становится сам себе врагом.

Ошибочность сформированных официальной наукой представлений о сущности человека сегодня оборачивается угрозой его выживанию, что вызывает необходимость их немедленного пересмотра. Только полнота и объективность представлений о человеке может быть основанием для создания плодотворных общественных теорий, в том числе и теории жизнеспособного государства. В связи с этим было бы чрезвычайно важно установить верные изначальные понятия о человеке, как они складывались в науке, традиционной культуре и миропонимании.

Отдельные ученые уже прямо высказываются в данном направлении. Так, Д.Е.Мелехов пишет: «...по мере освобождения от примитивного механистически-материалистического мышления (“психика – функция мозга, такая же, как выделение желчи – функция печени”) возникает признание духовных ценностей, духовных основ личности, не сводимых к физико-химическим процессам»²⁸. Е.В.Ермакова утверждает, что «в теоретической мысли человечества широко утвердилось положение, согласно которому человек есть существо духовное. Это позволило выйти на анализ таких вопросов, как духовная жизнь человека, духовная культура личности»²⁹.

Исходя из этих соображений, в круг актуальнейших задач общественных (и естественных) наук было бы целесообразно включить выявление и переосмысление на новом уровне природы и механизмов функционирования духовно-нравственной сферы человека, находящейся как бы над его биологической организацией, т.е. сферы, где формируются персональные ценностные установки, актуализируемые и реализуемые волевым усилием.

4

Современная Россия, вооруженная всем аппаратом западной науки, прошла равнодушно мимо самой темы духовности, не заметив, что отношением к этой теме, в конце концов, определяется судьба России. Представляется совсем неслучайным, что отнюдь не обществоведы, а, казалось бы, далекие от темы духовности представители медицины, правоохранительных органов серьезно развили данный вопрос в правильном направлении. И в этом есть своя закономерность, которую очень точно подметил И.Солоневич: «Если вы хотите прочесть чтобы то ни было разумное и о России и о Европе, вы должны обратиться к людям любой профессии. Химик Менделеев, математик Шпенглер, писатель Л.Толстой, поэт М.Лермонтов, путанный

человек В.Розанов... всякие такие люди, более или менее случайно взявшиеся за общественно-исторические темы, пишут умные вещи о прошлом и дают более или менее правильные прогнозы будущего. Разница между профессорами общественных наук и всеми этими случайно пишущими людьми заключается в том, что профессора знают только теории и только цитаты. Остальные люди знают действительность и знают жизнь»³⁰.

Таковыми людьми, хорошо знающими действительность и ее влияние на человека, как раз и являются медицинские работники, которые ищут возможности влиять на индивидуальное поведение человека и способ его жизни, обуславливающие большинство причин заболеваний. Именно они, в отличие от погруженных в абстрактные теории обществоведов, ближе соприкасаясь с жизнью, остро осознали необходимость создания фундаментальных основ общей теории здоровья, т.е. теории *жизнеспособности* человека. А это прямо перекликается с вопросом о *жизнеспособности государства*, ибо жизнеспособное государство состоит из жизнеспособных людей.

Таковыми людьми, сталкивающимися в своей повседневной практике с последствиями духовного обнищания общества, являются и работники правоохранительных органов. Генеральный прокурор РФ В.В.Устинов в своем докладе 30 января 2006 г. на XIV Международных Рождественских образовательных чтениях в Государственном Кремлевском Дворце отметил, что «забвение именно духовности — главный источник наших бед и нашей слабости. Иначе не понять, почему Россия — крупнейшая по численности населения и территории европейская страна, обладающая практически неисчислимыми природными, людскими, интеллектуальными ресурсами, пребывает в таком жалком состоянии»³¹. «Не мной сказано, — продолжает Устинов: «если у общества утрачено понятие греха и стыда, то порядок в нем может поддерживать только полицейский». Но и сам «полицейский» появляется не из пробирки. Он плоть от плоти того самого общества, у которого нет понятия греха и совести. Отсюда и «оборотни», мздоимство, злоупотребления и другие прегрешения»³².

Если вести речь не просто о человеке, а именно о *жизнеспособном* человеке, то сегодня не только можно, но и нужно расширить представления о его сущности, обоснованно включив в них сферу идеальных ценностей, т.е. духовно-нравственную, надтелесную сферу. Россия столкнулась в последние годы с неожиданным и весьма нежелательным феноменом, не поддающимся однозначному толкованию, но почему-то считающимся результатом научно-технической революции, а не той идеологии, которой она была инициирована и

на фоне которой развивалась. Речь идет о заимствованной у Запада идеологии прагматизма, не предполагающей возвращения к истокам духовной традиции. Это привело, в конечном счете, к катастрофическому оскудению духовности и нравственности, что выразилось в стремлении человека вооружиться в жизни преимущественно порочными ценностями, т.е. в его бездумной готовности следовать губительным путем.

Здесь и лежит корень всех проблем. Конечно, реальная практика функционирования СМИ и т.н. неправительственных некоммерческих организаций дает основание предполагать, что существует инициированная из-за рубежа целенаправленная политика по духовному разложению народа. Но дело не только в этом. Сам народ (если не весь, то очень многие его представители) как будто охотно участвует в реализации этих планов. И все больше авторов начинают констатировать многочисленные факты явного проявления порочных склонностей людей, которые отражаются на их стиле, способе жизни. Собственно, такое всегда было в истории, но сегодня масштаб этого явления совершенно другой. Самое первое и очевидное объяснение — то, что в обществе нет духовности, что духовность заменена материальностью. Жизнь без цели, ценностей и идеалов — это по большому счету нечеловеческое (можно сказать — скотское) существование, которое толкает на преступления, самоубийство, пьянство и прочее.

Человек, как уже отмечалось, воплощает в себе три ипостаси: биологическую, социальную и духовную. Последовательное разрушение третьего элемента, в каких бы уголках мира это ни происходило, ведет к таким последствиям, которые позволили французскому писателю Сатпрему заявить, что «на Земле слишком много нелюдей. Может быть, это козлы, крысы или кролики, но это не люди. У них может быть наука, демократия, религия, но это не люди. Это сверхсложные пищеварительные тракты. Нет более фальшивого вида. Крыса — это то, что она есть, ни на что другое она не претендует. Человек — не то, что он есть... Человек и ложь неразделимы. Это говорит о том, что мы пока еще не люди... Наша ложь взрывается у нас на глазах. В этом суть всего происходящего»³³.

Долгое игнорирование обществоведами понятий «жизнь», «жизнеспособность государства» привело к неразработанности и сопряженного с ними понятия «духовность». Речь идет о понятии, определение которого является прямой прерогативой обществоведов. Но после того как последовательно рухнули две большие идеологемы духовности — дореволюционно-православная и советско-интеллигентская образовались большие завалы из обломков разных представ-

лений о «духовности». В зависимости от своих субъективных предпочтений из этих завалов авторы извлекают разные элементы, поэтому можно встретить, например, такое определение духовности: «нищенство духа (“блаженны нищие духом”); вовлеченность в религиозные отправления; склонность бравировать нищетой, телесной неопрятностью, житейской беспомощностью; слепая неприязнь к оригинальности, социальному и экономическому успеху, интеллекту, науке и технике»³⁴. Однако здравый смысл подсказывает: не это одиозное содержание «духовности» дало возможность ей обрести популярность в публицистической риторике России последних лет. И не этим содержанием руководствуются представители медицины, а также правоохранительных органов, когда пишут о главенствующей роли духовности.

Чтобы обрести определенную ясность в данном вопросе, обратимся вначале к справочно-энциклопедической литературе. Если ранее в таком популярном издании, как «Философский энциклопедический словарь» (1983) статьи с названием «Духовность» просто не было, то сейчас наблюдается определенный прогресс. Так, «Современный философский словарь», хотя и не раскрывает его полностью, но дает некоторые общие подходы, трактуя «духовность» как: 1) нематериальность, бесплотность; 2) одухотворенность; наполненность духом творчества, творящим духом; 3) процесс гармоничного развития духовных способностей человека³⁵. В «Новой философской энциклопедии» (2000) статьи с названием «Духовность» по-прежнему нет, зато есть близкое по смыслу содержание в статье «Дух». Под ним понимается: «1) высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преобразования действительности; открывающая возможность дополнить природную основу индивидуального и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей..; 2) идеальная, правящая миром сила, к которой человек может быть активно и пассивно причастен»³⁶.

В целом в литературе выделяют два основных подхода, которые в той или иной интерпретации встречаются в разных изданиях, — светско-материалистический и религиозно-философский.

В качестве примеров *светско-материалистического подхода* можно привести следующие определения.

«Духовность выражает, прежде всего, нравственные, справедливые начала общественной жизни, свободу мысли, моральные нормы поведения человека в обществе, примат добра над злом. Она несводима к вере в Бога или монарха. Это уважение различных точек зре-

ния, мнений, религиозных конфессий...»³⁷. Источником духовности является здесь мировоззрение человека, философские и научные знания, которые определяют отношение к окружающему миру. Отсюда, однако, вовсе не вытекает, что человек обязан следовать этому в своей повседневной жизни.

Иногда вместо понятия «духовность» используется понятие «духовная жизнь», под которой понимают тягу к вершинам культуры: чтение книг, посещение театра, совершенствование своих творческих способностей, т.е. культурные потребности человека представляются как духовные³⁸. Тем самым ставится знак равенства между духовностью и культурным уровнем человека, или удовлетворением его культурных запросов, под которыми следует понимать скорее образованность человека, широту его познаний. Несостоятельность этого подхода легко обнаруживается в поведении и образе жизни самих работников культуры, искусства, литературы, средств массовой информации. Многие из них, будучи «культурными», демонстрируют свою безнравственность, считая ее «профессиональной» нормой. Поэт и прозаик Татьяна Бек говорит даже о хищных инстинктах творческих работников³⁹. Неприемлемость такого понимания духовности очевидна как для представителей медицины, так любой другой общественной сферы.

Естественно-научная интерпретация определяет духовность как психическое состояние, организующее психические процессы (мышления, внимания, памяти и др.), которые обеспечивают способность сознания работать с идеальными образами ценностей. Результат проявления этой способности проявляется в виде сформированного персонального набора ценностных ориентаций. Здесь обнаруживается явное смешение понятий «психическое», «душевное», «духовное». Эту тенденцию отражает и психологическая литература, где под душой принято понимать психику человека.

С общих позиций философии и психологии духовность человека определяется «в общем плане как собственно человеческий, глубоко личностный способ отражения и освоения действительности, детерминированный ориентацией познания и деятельности человека на общественные ценности»⁴⁰. Недостаточность и неадекватность этого определения в современной ситуации становятся все более очевидными.

Религиозно-философский подход исходит из того, что духовность — это, прежде всего, признание двуединства мира: мира вещественных («физических») ценностей и мира иных ценностей — духовных, более значительных и значимых. «Двоякая организация человека — духовная и телесная — делает его причастным двум мирам — миру ви-

димому, материальному, плотскому и миру идеальному, незримому, духовному. Как существо духовное человек стремится преодолеть границы мира материального и устремиться к миру сверхчувственному, умопостигаемому. В этой устремленности к нематериальному проявляется удивительное свойство, отсутствующее у всех других живых существ и дарованное только человеку, духовность. Духовность имеет свои особые формы бытия, свои особые измерения, среди которых следует выделять духовную свободу, духовную ответственность и духовное достоинство»⁴¹.

Отсутствие в обществе единой точки зрения на природу этого явления приводит к тому, что ни в медицине, ни в сфере образования, ни обиходе нет единого понимания духовности человека. Положение запутывает еще и то обстоятельство, что человек в силу своего атеистического мировоззрения может и не признавать Высшего начала (Бога), но в результате традиционного воспитания часто следует идеальным ценностям (в религиозном смысле), воплощающим духовность.

Таким образом, складывается очень странная, парадоксальная ситуация: с одной стороны, как будто наметилась явная заинтересованность в использовании категории духовности в различных сферах общества: образовании, правоохранительных органах, культуре, особенно — в здравоохранении и медицине. С другой стороны, отсутствует единое понимание того, что она собой выражает. В результате на сегодняшний день духовность не предложена на официальном уровне, она не признана реально функционирующей ни в отдельном человеке, ни в обществе. А из-за отсутствия общепризнанного обоснования духовности эта категория продолжает подвергаться различного рода интерпретациям.

И все же, несмотря на многочисленные интерпретации, есть смутное, интуитивно улавливаемое, но все-таки истинное понимание духовности, которую ищут, на которую уповают, связывают свои надежды. Особенно ясно она осознается в экстремальных случаях — во время войны, перед лицом смерти. Об этом свидетельствуют, например, надписи на памятниках солдатам Великой Отечественной войны, которые гласят: «Павшим воинам, стоявшим насмерть во имя жизни». Можно не сомневаться, что эта фраза не подвергнется множеству интерпретаций и большинством нормальных людей героическая смерть воинов во имя свободы и независимости Родины будет воспринята как высшее проявление духовности.

В повседневной, обыденной жизни духовность проявляется мало, поэтому всегда нужны были герои, ибо подражание героическому — это возвращение к ощущению смысла существования, а значит, истин-

ному пониманию жизни и духа народа. «Вот почему каждый живой (выделено мной. — Р.С.) народ имеет и чтит, как умеет, своих святых и своих героев. Они те праведники, ради которых существует сырой материал этнографической массы, в них осуществляется миссия народа»⁴². Не случайно выживают в конечном счете лишь те государства, где рождаются герои, подражание которым способствует как личному духовному развитию человека, так и развитию общества в целом.

В России же проводится сознательная дегероизация. На любом российском канале дегероизации уделяют так много внимания, что скоро не останется не только в советской, но и в русской истории ни одной заметной личности, достойной уважения и памяти потомков. Низвергнуты не только бывшие герои, но замалчиваются и проявления героизма, случившиеся в наши дни. Сейчас в прессе очень мало можно найти положительных, вдохновляющих примеров. Это свидетельствует либо о полной моральной деградации общества, либо о стремлении определенных политических сил окончательно убить веру в добро, справедливость и тем самым направить общественное сознание в сторону полной пассивности, безнадежности и безверия. В таких условиях задача по духовному возрождению общества или определенной его сферы (здравоохранение, медицина) выглядит, увы, трудновыполнимой.

Общественная атмосфера потребительского общества, каковым стало и российское общество, не позволяет думать, оценивать, сравнивать, прогнозировать, поэтому за человека решают производители товаров и услуг, делая его бездумным потребителем. И чем дальше человек уходит обществом по пути деградации, тем длиннее его путь к осознанию как самой потребности, так и способов духовно-нравственного возрождения, и тем сложнее и болезненнее этот процесс. Следовательно, само общество, государство, власть — прямо или косвенно — делают духовность человека невыгодной и невостребованной его способностью.

5

Судя по всему, настало время перефокусировать мысль, «зацикленную» на экономических факторах, на область сознания, духовности, еще недостаточно изученных, но, несомненно, таящих в себе большие возможности. Как показали исследования, формирование личного взгляда на духовность и нравственность у людей не столько происходит в сфере образования или на основе готовых ценностных

идей, предлагаемых властными или некоторыми общественными структурами, сколько формируется на персонально-психологической основе в процессе обретения жизненного опыта. Это значит, что привести людей в духовном плане к единому знаменателю никакой, даже самой авторитарной власти, не удастся. Примером тому является система марксистского просвещения в СССР, которая была всеобщей. А сколько людей на деле восприняли ее в качестве фундаментальной ценности, сделав стержнем своего духовного мира? Развал СССР и последующие события показали, что таких людей было слишком мало.

Из этого опыта также следует, что в выборе, например, такой ключевой ценностной ориентации, как признание Бога реальностью, которая определяет способность обнаруживать в себе и востребовать духовно-нравственные качества собственной личности, люди занимают одну из двух диаметрально противоположных позиций.

Первая, доминирующая в обществе позиция — позиция нигилиста, атеиста, которой ближе понятие «нравственность» или «мораль» (классовая, партийная, профессиональная). Его поступки, поведение, способ жизни обуславливаются определенного рода идейностью, которой человек вооружился или сделал вид, что принял ее. Вместе с тем в России широко распространен сегодня своеобразный тип православного атеиста, т.е. личности, которая принимает, осознанно или неосознанно, этические начала православия, однако не принимает собственно теологические постулаты, полагая, что данная этическая концепция осуществима без обращения к теме Высшего существа. Такая личность считает, что сам человек, не под страхом расплаты в ином мире, а исключительно в силу своих человеческих качеств способен соответствовать гуманистическим нравственным ценностям.

Вторая позиция — позиция человека, верящего Богу, т.е. верящего Его Слову и принимающего к исполнению Его Закон — вне зависимости от того, соблюдает ли он обряды, культуры, принимает ли участие в таинствах и т.п. Странник этой позиции придерживается понятия «духовность». Он выбирает способ поведения, осознаваемый не через общепринятые в обществе стандарты, а через собственную духовно-нравственную сущность — на основе потребности к различению добра и зла, регулируемой психологическим механизмом совести. Поскольку жизнью такого человека управляет совесть, то его поведение в обществе становится истинно нравственным. Обретение устремленности жить и трудиться по совести с полным основанием можно было бы считать духовно-нравственным возрождением человека, возрождением от состояния бездуховности и безнравственности. Однако с материальных позиций, которые доминируют в общест-

ве, поступать и жить по совести невыгодно — и это главная причина того положения, что большинство людей не хотят жить и трудиться по совести.

Таким образом, проблема востребования человеческой совести как неотъемлемой части духовности — актуальная на всем протяжении истории — приобретает особую остроту в современном российском обществе. Во все времена и во многих культурах наиболее успешно ее решала религия⁴³. Другие способы ее решения, например, партийно-идеологические оказались малоэффективными. В связи с этим перед обществом встает задача и переосмысления роли религии.

Существенный вклад в ее решение внес академик Л.Н. Митрохин, который выступал против поверхностного объяснения причин возникновения религии (из-за страха перед грозными явлениями природы и попыток воздействовать на них при помощи религиозного культа), а также против объявления религии архаической формой культуры. Ученый исходил из понимания религии как одного из исторически закономерных способов решения фундаментальных проблем существования и предназначения человека. Поскольку человек, в отличие от животного, вынужден жить в культуре, то он может это сделать, «лишь вписав опыт своей быстротечной жизни в вечность, лишь ощущая «прислоненность» к неумирающим мирам. Именно христианство впервые в популярной и широкодоступной форме выразило эту скрытую интуицию человеческой истории. А в этом и состоит основная функция духовной культуры, которая обеспечивает преемственность живого, личностного опыта человечеству»⁴⁴. Глубокое и вдумчивое отношение к феномену религии позволили Л.Н. Митрохину понять, что человечество подошло к такому этапу, когда его самосознание не может ограничиваться абсолютизацией земного опыта «овладения» природой. Слишком многое говорит о том, что настало время это признать, ибо, несомненно, одно: происхождение религии сложнее, чем мы думаем.

В России многие люди вновь приходят к осознанию и пониманию значительной роли религии в обществе. Со стороны ученых и общественных деятелей также меняется сегодня отношение к религии и соответственно — к пониманию духовности. Показательны в этом отношении выступления ряда известных ученых и общественных деятелей в журнале «Фома», таких как декан факультета политологии МГИМО МИД А.Салмин, профессор МГИМО А.Зубков, профессор Ю.Вяземский, писатель, поэт Мария Галина, депутат ГД К.Затулин и другие⁴⁵. По мнению Ю.Вяземского, «религия является тем, что отличает человека от животного и фактически образует культуру.

Если мы обратимся к древним пластам религии, то увидим, что оттуда все вытекает — в том числе и право, и экономика. Она все в нашей жизни предопределила и продолжает предопределять. Созаем мы это или не осознаем, оторвались мы или не оторвались»⁴⁶.

Эта новая «тенденция в обществе свидетельствует о том, что происходит некий поворот, который осуществляется не только под влиянием политических и социокультурных процессов в стране, но, видимо, является частью более широкого процесса, наблюдаемого и в России, и в западных странах. Сегодня многие западные исследователи приходят к выводу о том, что традиционные, религиозные ценности играют важную роль в определении путей социального развития (А.Тойнби, С.Хантингтон). Американский ученый Ф.Фукуяма, обратив внимание на огромную роль религии в прошлых культурных возрождениях, выражает надежду, что она и сегодня сможет играть аналогичную роль в духовно-нравственном оздоровлении общества, которое впало в состояние, названное им «Великим разрывом». Это состояние нашло свое выражение в распаде семей, внебрачной рождаемости, росте уровня преступности, алкоголизма, наркомании, распространения азартных игр, проституции, социальной разобщенности и т.д. Он полагает, что «люди вернуться к религиозной традиции не обязательно потому, что они согласны с истиной откровения, но именно из-за того, что отсутствие сообщества и мимолетность социальных связей в мире заставляют их желать обрести религиозную и культурную традицию... Мы не стали настолько современными и светскими, что можем обойтись без религии»⁴⁷.

Фукуяма замечает признаки того, что «Великий разрыв» начинает изживать себя, и что уже начался процесс обновления норм. В начале 1990-х гг. значительно замедлился рост преступности, разводов, внебрачной рождаемости и недоверия. Это наводит ученого на мысль, что «культурный период постоянно усиливающегося индивидуализма подходит к концу и что, по крайней мере, некоторые из норм, уничтоженных во время Великого разрыва, восстанавливаются»⁴⁸. «Следует ожидать, что консервативная тенденция движения к более строгим нормам сохранится»⁴⁹.

6

Таким образом, можно наблюдать интересное явление, имеющее непосредственное отношение к теме жизнеспособности государства. А именно: на ранних этапах истории жизнеспособность обществен-

ного организма, качество «социума», позволяющее выживать в неблагоприятных условиях, достигалось с помощью жестких регламентации, наказаний, обычаев, традиций, системы запретов, вытекающих из установлений той или иной религии. Позже, с появлением частной собственности, разрыв с прошлыми традициями и обычаями как узлами, связующими общество, побуждал к поискам новых принципов организации морального единства внутри общества. В результате трансформации социального порядка и власти в пределах европейского контекста в XVIII–XIX вв. сформировалось гражданское общество. Его жизнеспособность в решающей степени была обусловлена тем, что оно интегрировало в себе целый комплекс ценностей и норм, которые придавали ему этическое измерение. Соответственно возрастал удельный вес морали, выдвигавший общие нормы и предписания, которые индивид, личность использовал применительно к собственному жизненному опыту. Однако в XX столетии в развитии гражданского общества выявился целый ряд кризисных тенденций. Небывалая коррупция, криминализация не только общества, но и самих органов правопорядка, прогрессирующая аномия актуализируют вопрос о возвращении к религии, традиции. Человечество вновь, на другом уровне осознания и понимания приходит к тому, с чего начинало свое движение в истории – к религии.

Иные многочисленные способы вернуть в общество нормы и ценности, необходимые для восстановления жизнеспособности государства, оказались отвергнуты самой жизнью, поскольку в их основе всегда обнаруживались ложь и насилие. Современная Россия – с ее псевдорыночной экономикой, с ее всепоглощающим культом денег как единственно значимой ценностью – даже не озабочена проблемами, о которых пишет Фукуяма, предпочитая существовать фактически без употребления морали, совести. Очевидно, усвоив свое происхождение от обезьяны, молодое поколение считает, что оно имеет полное право быть бездуховным и безнравственным. Задачу формирования духовности, системы нравственных норм и совести у молодого поколения пока не ставит и система образования, в рамках которой по-прежнему продолжает формироваться врач, педагог, юрист, руководитель и даже законодатель, создающий государственные образовательные стандарты. Если взять сферу экономики, то здесь роль духовно-нравственной сферы проявляет себя еще более красноречиво⁵⁰.

Однако для изменения общественной атмосферы над человеком все же должна быть некая власть. Но власть, не навязанная ему социальными условиями, окружением, т.е. не временная и чуждая, а та,

которую он избирает сам и которую в состоянии любить. В истории России примером такого государственного образования, близкого к общенародному и процветавшему больше полтысячи лет, была Новгородская республика, не отрицавшая, между прочим, частную собственность и участие заморских капиталов. Поэтому слова Черчилля, принятые чуть ли не за аксиому, что нынешняя демократия хоть и плоха, но лучшего человечество ничего не придумало, которые любят повторять сторонники существующей формы демократии, не соответствует историческим фактам. К тому же идея народного государства — наиболее нравственного из всех — никогда не исчезала у нас. Именно народовластие позволит устранить равнодушие людей к устройству и жизни государства, найти правильный путь для укрепления его жизнеспособности.

Внутреннее состояние людей, их миропонимание, их нравственность, их духовность в целом влияют на жизнеспособность государства. Если в обществе иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет его от смерти, ибо с гнилым дуплом дерево не стоит. Разрушаются духовные основы — и приходит власть, не отражающая ни смысл существования, ни интересы общества в целом. Должна быть иная сила, способная противостоять всему, что негативно влияет на жизнеспособность государства. У России есть такая сила и мощный ресурс — ее духовность, которая до сих пор не востребована, не понята в своей глубинной сущности, не оценена, и как следствие — почти отсутствуют попытки ее актуализации и активации.

Духовное возрождение человека заключается в радикальном изменении ценностных ориентаций, определяющих уже новый характер человека, новый способ его жизни и новое мировоззрение.

Поскольку духовность граждан составляет основу безопасности и жизнеспособности государства, то следует активно формировать духовную часть, пытаясь направить энергию, интеллект людей на взаимосохранение, взаимовыручку, совместную деятельность и т.д., т.е. формировать такую общественную жизнь, когда каждый ясно понимает стоящую цель и ощущает свою личную причастность к ней. «Сегодня нужно не просто вести речь о воспитании. Сегодня важно в каждом воспитать гражданина, который понимает и принимает цель своего государства. Если этого нет, нет и гражданина»⁵¹, — пишет В.В.Устинов.

Возможно, у России, которая прошла через различные искушения и беды, испытал на себе различные общественно-политические теории и доктрины, как это ни покажется странным, появился счаст-

ливый шанс — перейти к новому пониманию и новому созиданию человека, а значит, обрести новую судьбу. Осознание роли духовных детерминант человеческого бытия, духовного генезиса экономики, техники, политики является главным открытием современности, прямо обращенного к нам, столько раз пытающимся переделать мир, но забывающим о его внутренних духовных источниках.

Об этом свидетельствует и весь мировой опыт. Так, в западной цивилизации, отвергшей духовной путь, сформировалась развитая проектная культура, ориентированная на научно-технический прогресс. Однако при этом сохраняла свое значение и *каноническая культура*, уходящая своими корнями в религию, в освященную веками традицию. Поэтому, несмотря на все буржуазные революции, Реформацию и т.д. кардинального слома традиции не было. А генетический код западной цивилизации при всей односторонности ее развития оставался неразрушенным.

В восточной цивилизации преимущественное развитие получила *каноническая культура*. Поэтому ее историческое движение предстает как относительно сплошная линия, в отличие от скачкообразного развития на Западе. В конфуцианстве, например, реализация регламентов и рекомендаций превращалась в жесткий стереотип, оказывающий свое автоматическое действие на человека чуть ли не с колыбели. Это обеспечивало не только стабильность общества и государства, устойчивость основных социальных, национальных и политических традиций, но и историческую преемственность, а также способствовало быстрой регенерации основ цивилизации в случае каких-либо катаклизмов и войн. Все это создавало прочный интеграционный фундамент и обеспечивало, в конечном счете, жизнеспособность государства. Вне духовных традиций, в основе которых лежат ценности, добытые и завещанные коллективным опытом человечества, как показывает исторический опыт, человечество не может создать ничего устойчивого и надежного.

Таким образом, физическое выздоровление человека и государства, восстановление их жизнеспособности начинается на духовном уровне. Никто не может заставить человека принять ту или иную религию. Между тем существуют незыблемые на все времена критерии нравственности и морали, предав забвению, либо переступив через которые, человечество наносит себе непоправимый урон.

В XXI в. Россия сможет физически выжить и тем самым обеспечить физическое выживание других союзных цивилизаций лишь в том случае, если станет **жизнеспособной** Великой Державой. При этом следует подчеркнуть, что «великость» заключается не столько в гео-

графических площадях, не столько в экономике, сколько во внутреннем пространстве человеческого духа. Создание мощного, самодостаточного жизнеспособного государства, озабоченного интересами и благом своего народа, и есть **национальная идея России**. Она должна стать краеугольным камнем новой мировоззренческой парадигмы.

Примечания

- ¹ Гегель. Соч. Т. VIII. М.—Л., 1934. С. 17.
- ² Независимая газета. Экслибрис. 2002. 19 сент.
- ³ См.: *Пригожин А.* Россия: критика исторического опыта. «Круглый стол ученых» // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 143.
- ⁴ См.: *Штомпка П.* Социальные изменения как травма. Статья первая // Полис. 2001. № 7; *Он же.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Полис. 2002. № 2.
- ⁵ См.: Современный философский словарь. М., 1998. С. 1042.
- ⁶ Политическая энциклопедия. М.—Л., 1999, С. 656.
- ⁷ См.: *Яковец Ю.* Социогенетика: становление интегрированной отрасли знаний // Общественные науки и современность. 1993. № 4.
- ⁸ *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 155–156.
- ⁹ Там же. С. 154–155.
- ¹⁰ См.: Жизнь как ценность. М., 2000.
- ¹¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 13, п. 2.
- ¹² См.: *Яковлева А.* Корабль дураков // Континент. 2003. № 5. С. 12.
- ¹³ Так, еще в 1937 г. Нобелевская премия была присуждена Дж.Томсону за теоретическое обоснование представления о мире в виде трехсущностной волны.
- ¹⁴ *Юзвизин И.И.* Информациология. М., 1996; *Плыкин В.Д.* «В начале было слово...», или След на воде. Ижевск, 1997.
- ¹⁵ *Ажажа В.Г., Белимов Г.С.* К вопросу об информационной первооснове микро- и макромиров Вселенной // Филос. науки. 2001. № 1. С. 126.
- ¹⁶ См.: Космопланетарный феномен человека. М., 1996. С. 25.
- ¹⁷ *Ажажа В.Г., Белимов Г.С.* Указ. соч. С. 125.
- ¹⁸ *Сатпрем.* Разум клеток. СПб., 2003. С. 51
- ¹⁹ *Ажажа В.Г., Белимов Г.С.* Указ. соч. С. 130.
- ²⁰ *Любичев А.А.* Линии Демокрита и Платона в истории культуры. М., 1997. С. 308.
- ²¹ См.: Космопланетарный феномен человека. М., 1996. С. 31.
- ²² *Фромм Э.* Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 205.
- ²³ *Якимович А.К.* Художники Нового времени // Вопр. философии. 2005. № 3. С. 76–77.
- ²⁴ *Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Государство в современном мире. С. 23.
- ²⁵ *Якимович А.К.* Указ. соч. С. 77.
- ²⁶ Там же. С. 73.
- ²⁷ Там же. С. 80.
- ²⁸ Цит. по: *Андрущакевич А.А., Трошин В.Д., Зайцев Р.М.* Духовность в медицине. Нижний Новгород, 2004. С. 18.
- ²⁹ Там же. С. 37.

- 30 *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 120.
- 31 *Устинов В.В.* Утверждение духовности — основа возрождения России // Русский вестник. 2006. № 5. С. 2.
- 32 Там же.
- 33 *Сатпрем.* Указ. соч. С. 231.
- 34 *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика — психология — прогнозирование). М., 2004. С. 313.
- 35 *Пивоваров Д.В.* Духовность // Современный философский словарь Панпринт. М., 1998. С. 266.
- 36 *Доброхотов А.Л.* Дух // Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 706.
- 37 *Осинов Г.В.* Идеи для России // Российские вести. 1996. 19 июля.
- 38 См.: *Литцук В.А., Мосткова Е.В.* Технология повышения личного здоровья. М., 1999.
- 39 См.: *Бек Т.* Независимая газета. 2005. 15 марта.
- 40 *Петрова Н.И.* Развитие духовности личности через диалогизация личности // Духовный мир человека: проблемы и перспективы. Тез. докл. Регион. науч. конф. Нижний Новгород, 2000. С. 55–57.
- 41 *Маслова Е.Б.* О духовных измерениях человеческой жизни // Там же. С. 60–62.
- 42 *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 181.
- 43 Характерным примером является ситуация на Аравийском полуострове еще до появления пророка Мухаммеда: «Люди испытывали друг к другу недоверие и неприязнь... Арабы настолько свыклись с убийством и смертью, что кого-то убить или погибнуть самому не представлялось чем-то особенным. ...Жилища арабов одновременно служили и питейными домами. Тех, кто не употреблял спиртного, высмеивали. Достоинство человека измерялось количеством спиртного, которое он мог выпить... Одним из достоинств считалось пристрастие к азартным играм... Одним из средств обогащения служило воровство. Они уже не знали, что такое сочувствие и совесть... Одним из обычных и всеобщих дел среди арабов были блуд и проституция... Ислам произвел реальное историческое чудо, действительную системную революцию. Народ Аравийского полуострова — по сравнению с которыми многие животные выглядели более человеческими, кардинально изменился буквально за десять-пятнадцать лет... Исчезли убийства, разбой и грабежи. Люди забыли, что такое воровство. Ключевыми ценностями в мусульманском обществе стали богобоязненность, справедливость, совесть, скромность, стыд, милосердие, чистоплотность, честность».
- 44 *Митрохин Л.Н.* В.С.Степин и проблемы философии культуры // Вопр. философии. 2004. № 9. С. 77.
- 45 См.: Приглашение к разговору // Фома. 2005. № 1.
- 46 Там же. С. 7.
- 47 *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2004. С. 379.
- 48 Там же. С. 369.
- 49 Там же. С. 371.
- 50 В концентрированном виде это видно на примере такой нормы, действующей в экономике, как показатель разрыва в доходах между 10% самых богатых людей и 10% самых бедных. В экономике принято считать научно обоснованной нормой 2–3-кратный разрыв в доходах в качестве идеального условия предотвращения кризисов и революций. Такой показатель лежал в основе «Шведского чуда» в конце 1960-х гг.

В современной России, по официальным данным, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными в России измеряется 15 разами. Однако наблюдаемый всеми распад экономики из-за крайней разбалансировки сферы распределения и производства соответствует не 15-кратному разрыву в доходах, а, исходя из анализа, — 100-кратному. Об этом свидетельствует и тот факт, что Россия поднялась на третье место в мире по числу долларовых миллиардеров (их уже 27, по некоторым данным — 30), а само государство опустилось на 142-ое место по уровню жизни. Стократный разрыв в доходах означает, что разбалансировка системы настолько критична, что возникает угроза не просто распада системы, а распада скоростного.

⁵¹ Устинов В.В. Указ. соч. С. 2.

Современное государство: опыт Запада и современные проблемы России

Кризисные периоды в истории России всегда выдвигали на первый план проблемы сохранения единства страны. Смутные времена не только разрушали экономическую базу государства, нарушали социально-культурные основы бытия, но приводили к реальному распаду и территориальному переделу страны — иными словами, ставили народ и государство на грань выживания. Именно поэтому центральной проблемой национальной политической мысли всегда была проблема государства, сформулированная в роковом экзистенциальном ключе — «быть или не быть» государству, или, что воспринималось как тождественное, — быть или не быть России, быть или не быть российскому народу, российскому этносу.

Разрушительная природа российских модернизаций, всегда происходивших сверху и потому насильственных для общества и народа, неизбежно (по крайней мере, на начальном этапе) приводила к разрушению основ существования, хаосу общественной жизни. Реакцией на такой ход событий становилось стремление теоретической мысли спасти ситуацию, и потому центральной темой ее исследований становился поиск «скреп» бытия государства, его сохранения.

«Охранительная» тенденция присуща всем разнородным (и часто идеологически антагонистическим) течениям русской мысли. Вполне логичной она выглядит для представителей консервативных направлений, которые изначально настроены оградить государство от распада, уничтожения, гибели. Консервативные воззрения в России выражались либо в желании отстраниться от Европы и обратиться к «старым устоям», к временам и принципам, когда государство «держалось» крепкой властью, нравственной силой и православной

верой, как это наглядно представлено славянофильством, и пришедшем ему на смену почвенничеством. В других случаях они принимали вид поиска новых источников, способных восстановить единство бытия народа и государства. Таков был пространственный, геополитический принцип евразийцев, которые исходили из понимания России как «срединной земли», одной из осевых структур мира, не подлежащих распаду без угрозы для существования всего человечества. Объединительную цель преследовало и русское течение социального христианства, которое считало фундаментальным началом русской жизни этическое традицию русского православия.

Либеральные направления (за исключением экстремальных его проявлений, которые на деле смыкались с разрушительными теориями и действиями русского радикализма) в условиях России также отступали от западного классического образца, принимая «охранительную» форму, известную как «либеральный консерватизм» и «консервативный либерализм». Главным постулатом такого рода течений был лозунг «сохранять, улучшая»¹, который в реальной политике превращался в кредо «либеральные меры и сильная власть»².

Сегодня на исходе последней (по времени) радикальной смены парадигмы развития России – «перестройки» 90-х гг. XX века, которая проходила под лозунгами радикального либерализма, снова возникла ситуация, когда Россия оказалась «у роковой черты» и когда встал вопрос о жизнеспособности российского организма в целом.

В этой ситуации мы вновь попадаем в двойственное положение. С одной стороны, необходимо опираться на традиционные ценности русского понимания государства – единство и порядок. Один из известных русских теоретиков государства Н.В.Устрялов сформулировал их так: «Государство, являясь одной из высших форм человеческого общежития и представляя собой исторический союз единства и порядка, стремится осуществить общий интерес входящих в него людей. Чем крепче у последних сознание общности этого интереса, тем сильнее, жизнеспособнее государство»³. С другой стороны, нужно не упустить случая воспринять передовой европейский опыт в созидаании такого единства, чтобы в очередной раз не опоздать с реформами и вместо осуществления своевременных и адекватных изменений не оказаться на малоперспективной дороге «модернизации» по печально известным рецептам МВФ.

В современной действительности проблема консолидации общества предстает как очень важная и многогранная проблема не только в кризисной России, но и в развитых западных демократиях. Для обустроенных европейских государств идея солидарности – знакомая и

в достаточной степени освоенная проблема, которая находится под пристальным и неослабным вниманием на протяжении всего существования государства всеобщего благоденствия. К настоящему времени теоретическая ее разработка прошла уже определенный исторический путь.

Современные модели солидарности

Классическая концепция солидарности общества предполагала создание гражданского пространства — «духа гражданственности», который проявляется в формировании у населения чувства принадлежности к одному и тому же социальному универсуму. В качестве условия и фундамента для достижения объединяющего эффекта предусматривалось обязательное наличие фактора национального государства, по инициативе и при поддержке которого осуществляется данный процесс. Традиционно созидание гражданского пространства происходило через т.н. повседневную гражданственность — службу в армии, школьное обучение, соседскую взаимопомощь.

В современном обществе, однако, все эти формы гражданской жизни переживают кризис. К патриотическому воспитанию в школах и феномену соседской взаимопомощи в урбанизированном мире относятся скептически. Служба в армии, как один из ведущих социальных институтов, позволявших в наибольшей мере ощутить свою слитность с национальным телом, утратила свою привлекательность. Давно ушли в прошлое те времена, когда было распространено представление о гражданственности в духе армейского братства. До недавнего времени, правда, встречались попытки укрепления национальной солидарности через введение системы всеобщего призыва в армию. Такая обязательная и формально всеобщая воинская повинность существовала, например, в бывшем СССР, что не удивительно, ибо социальная организация страны базировалась, во многом, на традиционных ценностях. Однако, как свидетельствуют исследователи, использование института армии и воинская повинность не так давно рассматривались как средства усиления патриотического и солидаристского настроения в США — форпосте современной демократии⁴. Подобные попытки свидетельствуют о фундаментальной важности функций солидарности для любого общества. И то, что схожие инициативы имеют место в новой России, объясняется тем, что в ней сегодня разрушены практически все *социальные* основы солидарности. В критических условиях российского сообщества обсуждаются пред-

ложения о введении *всеобщей* воинской повинности ценой снижения общего срока службы, что весьма симптоматично: страна стоит перед трагическим императивом созидания интегрированного гражданского пространства, в то время как новых социальных механизмов, приемлемых для его реализации, в ней нет.

Однако реакция общества, отрицательно относящегося к подобного рода нововведениям и требующего перехода этого государственного института на профессиональное основание, тоже показательна. Самоидентификация индивидов с государством в обществе, где господствуют или хотя бы декларируются либеральные ценности, основывается больше на соображениях личной выгоды, чем на стимулах служения и, при необходимости, жертвенности. И потому все более очевидной становится приоритетность поиска средств организации социального пространства не через классические — «прямые» непосредственные способы интеграции, а через косвенные — социальные. В перспективе трансформации государственности это означает только одно — повышение значимости достижений «**социального** государства».

Сегодня в развитых западноевропейских странах отмечается подъем интереса к теме солидарности и пересмотр роли государства в консолидации общества, что связано с очередной, второй волной кризиса социального государства. Первая имела место в 1970-х гг. и была вызвана обострением проблем финансирования и ростом бюрократизации. Вторая датируется 90-ми гг. XX в., когда, по данным европейских ученых, «под вопрос были поставлены организационные принципы общественной солидарности и сама концепция социальных прав, что перевело проблему государства в философскую плоскость... После того, как в 1980-е годы произошло резкое углубление социальных различий, — пишет в своей книге научный директор Высшей школы социальных исследований во Франции Пьер Розанваллон, — государственное вмешательство стало вновь представляться вполне законным и оправданным. Идеология, сводившая роль государства до минимального предела, вышла из моды. С тех пор повсюду была признана незаменимость роли государства всеобщего благосостояния в деле поддержания сплоченности общества. Поэтому речь идет о переосмыслении государственных функций ради того, чтобы государство и впредь могло успешно выполнять эту роль. Иначе говоря, непременным условием выживания государства всеобщего благосостояния является подведение под него нового интеллектуально- и нравственного фундамента»⁵.

Кризис социального государства на Западе проистекает прежде всего из того факта, что возможности прежних методов опеки и социальных выплат резко сузились, рост бюджетных государственных

расходов достиг предела, а традиционная политика перераспределения национального дохода оказалась неэффективной. В ходе дискуссий, наметивших пути преодоления кризисных тенденций, было выдвинуто предложение о «смене парадигм» — о переходе от «государства социальной помощи», патерналистского по сути, к «государству инвестиций», стимулирующему развитие человеческого и социального капитала (через развитие систем образования, повышение квалификации и переобучения)⁶.

Такая эволюция воззрений на место и роль современного государства в обществе важна для России, которая находится на пороге созидания новой государственности и стремится вобрать в себя последние достижения цивилизованного мира в этой области. Однако еще более актуальным для нее оказывается открытие западными социологами двух принципиально разных концепций достижения общественной солидарности — американской и европейской.

Европейская схема базируется на идее социальных рисков и их преодоления, исходя из понятия *взаимопомощи*. Следствием такого подхода к действительности стала разветвленная и многоликая система социального страхования, которая стремится уравновесить активизацию индивидуальной ответственности и инициативы индивида, с одной стороны, и выравнивание непреодолимых природных различий между гражданами, с другой. Наличие данной дилеммы было обнаружено еще во времена Французской революции, что поставило перед обществом социальную задачу относительно того, «как на практике согласовать *принцип солидарности* (по которому общество имеет обязательства перед своими членами) с *принципом личной ответственности* (в соответствии с которым каждый индивид является хозяином своей судьбы и отвечает за себя сам)»⁷. Указанная дилемма нашла первое удачное разрешение в создании государства всеобщего благоденствия. В нем основой ответственности государства перед своими гражданами стала идея справедливости, которая прошла путь от классической интерпретации (согласно которой справедливость понималась как соответствие этическим или политическим нормам) до «договорной» (которая апеллировала к идее страхования рисков и компенсации ущерба).

В рамках либерально-рыночной социальной парадигмы государство всеобщего благоденствия, таким образом, нашло базовое понятие — «риск». С одной стороны, оно воспринималось как относительно объективное, существующее независимо от мнений, а с другой, — как «рациональное», которое можно было перевести в денежный эквивалент. Понятие «риска» стало фундаментом концепции страхова-

ния, которая предстала в качестве «невидимой руки» государства — инварианта рыночного механизма. К тому же, концепция «риска» выполняла функцию защиты и взаимопомощи и, таким образом, способствовала реализации справедливости. Она породила единение, солидарность, не покушаясь на свободу воли людей. Казалось, рецепт сопряжения ответственности государства и индивидуальной свободы найден.

Однако изменение объективных реалий постсовременного общества, и в частности, колоссально возросшие масштабы рисков самого разного происхождения (социальных, таких как массовая безработица, демографический конфликт поколений; природных, таких, как риск катастроф — наводнений, землетрясений, цунами и т.п.; техногенных и экологических) сокрушили парадигму страхования как основу солидарности. Возникла ситуация, когда практически все население оказалось за пределами страхового поля и когда традиционные механизмы компенсации стали неэффективными. Классическая интерпретация социального риска обесмыслилась, значение социальной незащищенности изменилось, — место понятия риска заняла неустойчивость и рост неопределенности. Все это вкуче привело к тому, что концепция солидарности, которая базировалась на стирании индивидуальных различий через социальное страхование, была обречена на исчезновение.

Возникла необходимость поиска нового механизма реализации солидарности, главной задачей которой сегодня является ***интеграция людей в общество***, т.к. большинство населения оказывается в состоянии маргинализации в широком смысле слова. Исключенными из общества становятся не безработные, как ранее, а работающие, которые получают столь низкий доход, что их практически можно считать неимущими. Пауперизм современного типа стал таким же массовым явлением, как это было в начале XX в., правда, ныне он включает в себя не только пролетариат. «Сегодня, хотя экономическая нестабильность, связанная с неустойчивостью занятости, остается весьма серьезной проблемой, ситуация изменилась ввиду появления новых причин незащищенности: роста преступности в городах, распада семей, международных конфликтов и т.п. И здесь, прежде всего, требуется вмешательство государства как такового, а не государства всеобщего благоденствия. Между социальной защитой и личной безопасностью возникает новый вид связей, устанавливающий и новый тип взаимоотношений между отдельными гражданами и государством. Система социального обеспечения уже не представляется больше двигателем социального прогресса.

В наше время она покрывает лишь часть того пространства, которое мы называем социальной сферой»⁸ — описывает положение дел французский социолог.

В европейской модели идея государства, таким образом, вновь напрямую соединяется с идеей солидарности. Вопреки ожиданиям либералов с уходом с социальной и политической сцены классической разновидности социального государства, государства всеобщего благоденствия, роль и значимость идеи государства вовсе не умаляется. Как показывает реальность, эта роль и значимость, напротив, неизмеримо возрастают. Государство предстает единственным механизмом, способным найти и воплотить в жизнь новую концепцию солидарности, реализовать реинтеграцию общества.

Американская модель социального государства базируется на отличной от европейской идейной основе — на философии *возмещения убытков*. Сдвиги в социальной сфере достигаются не в результате усиления взаимных связей внутри общества, а благодаря возведению в превосходную степень либеральной индивидуалистической логики. Расширенное толкование концепции возмещения ущерба является в таком случае заменой политики взаимопомощи.

В обществе, где широкое распространение получает механизм возмещения ущерба, центральной фигурой социального взаимодействия выступает фигура *жертвы*, а не гражданина. Претендовать на компенсацию в таком обществе индивидуум может, только добившись признания себя жертвой. Возникает тенденция к бесконечному расширению этой категории, стремление применить это понятие в отношении целых групп населения. Поскольку нельзя надеяться на многое, будучи просто бедным и обездоленным, нужно представить себя жертвой, чтобы добиться улучшения своего положения. Статус жертв стремятся получить не только те, кому нанесен ущерб в настоящем, но и жертвы несправедливости, допущенной в прошлом. «Об этом свидетельствуют постоянные ссылки представителей чернокожего населения на времена рабства, имевшие место в XIX веке, а также непрестанные напоминания об угрозе геноцида ... Раны и страдания прошлых лет тоже становятся своего рода капиталом, а театрализация несчастья — пусковым механизмом требований восстановления справедливости», — пишет П. Розанваллон⁹. Превращение американского общества в общество всеобщего возмещения убытков исследователи называют «виктимизацией» (от французского «*victime*» — жертва). Такое государство формируется вместо традиционного государства всеобщего благоденствия. Оно, считает Розанваллон, есть «эрзац государства всеобщего благосостояния с фигу-

рой жертвы в центре»¹⁰. Исследователи новых социальных процессов такого рода утверждают, что постоянное обращение к риторике виктимизации в конечном счете ослабляет инициативу индивидов и жизнеспособность общества, т.к. люди все больше полагаются на общество и все меньше — на собственные попытки изменить положение дел¹¹. Понятия риска или истинного восприятия несчастья в нем профанируется. В любом «несчастном случае» находится виновный — либо человек, либо «система».

В таком государстве толерантность выступает более важной ценностью, чем солидарность, а непредвзятость более предпочтительной, чем равенство. «Хорошим обществом» считается то, где допускается мирное сосуществование различий, а не то, которое обеспечивает социальную интеграцию людей. Именно в таком ключе предлагается решать проблему жизнеспособности американского общества, о чем свидетельствует один из последних трудов Джона Ролза «Политический либерализм»¹². В этой работе проявляется четко выраженный отход от прежде сформулированной им теории справедливости. Главным и принципиальным для него становится разрешение вопроса об условиях жизнеспособности морально и религиозно разобщенного многокультурного американского общества. Он пишет: «Важно понять, как может существовать справедливое и свободное общество, состоящее из равноправных граждан, если оно глубочайшим образом разделено в религиозном, философском и моральном плане»¹³.

Осознание разницы между двумя моделями социального государства — европейской и американской — чрезвычайно актуально для современной России. В нашем обществе незаметно внедряются американские образцы как примеры для подражания, несмотря на то, что они радикально противоположны российскому национальному характеру. Для последнего намного предпочтительнее строить государство по европейскому образцу на основе взвешенного сочетания государственного страхования риска и личной ответственности гражданина, нежели формировать общество всеобщей «виктимизации», которое в России способно только усилить иждивенчество и пассивность, и без того являющиеся постоянными препятствиями для движения и прогресса. Близость российскому менталитету европейской модели объясняется также тем, что исходной точкой ее создания была идея взаимопомощи. Такой подход максимально схож с российской философской традицией, национальной психологией и ментальностью, освещенных идеями коммунитарности и соборности. Одновременно усвоение европейской модели солидарности позволяет говорить о путях реализации демократической идеи в полном объеме, ибо

ставит в центр обновления идеи государства всеобщего благодеяния фигуру гражданина, а не жертвы. Важность формирования ценности гражданственности в России на фоне сетований по поводу отсутствия в ней гражданского общества не нуждается в комментариях.

Наконец, учитывая своеобразие климатических и природных условий страны, которая территориально полностью лежит в зоне «риска», следует признать, что обе европейские идеи — идея социального государства и идея солидарности на основе взаимопомощи и интеграции людей в общество — являются естественными для России формами уменьшения «врожденной» неопределенности и риска.

В современной ситуации идея реализации солидарности, и шире — социальных прав есть симптом новых глубоких онтологических запросов к государству. В Советском Союзе основанием солидарности общества было социальное равенство низких потребностей. Советское государство функционировало как механизм возмещения и представляло собой «государство всеобщей компенсации», обязуясь уравнивать временные дисфункции. Социальные права в нем были не более чем правами быть на буксире. Данный тип социального государства привел к минимизации уровня потребностей ради уравнивания социального положения граждан, к т.н. «равенству в нищете»¹⁴.

В западном обществе, напротив, основой солидарности социального государства в XX в. была иерархизированность общества. Наличие в нем статусных различий, а равно соответствий в статусе, было заложено традицией, и потому иерархия общества не столько разделяла, сколько органически связывала людей. Общественная иерархия воспринималась как целостность, а не как разрыв. На исходе столетия рост маргинализации населения привел к разрушению прежнего типа общественной солидарности, ибо значительная часть народа оказалась не интегрированной в общество.

Российская «постперестроечная» трансформация общественно-го режима совершенно не учитывала значимость и кардинальный характер этих процессов западного общества. Российские реформаторы надеялись, что воссоздание иерархии в российском обществе естественным образом приведет к демократической солидарности по цивилизованному европейскому образцу. Было упущено из виду одно небольшое, но, как оказалось, важнейшее обстоятельство — то, что этот тип солидарности сегодня практически ушел в прошлое даже в самых развитых индустриальных странах Запада. Непонимание реальных социальных механизмов привело к тому, что сходные негативные процессы (масштабная маргинализация населения, общий рост социальной незащищенности и неустойчивости в обществе)

ускоренными темпами и в краткий период времени восторжествовали в социальном поле новой России. Коммунистический тип государственной солидарности был разрушен, а новый оказался уставшим. Таким образом, ныне наша страна, так же как и остальные страны Запада, оказалась перед проблемой создания новой концепции солидарности в обществе. Главной задачей здесь стало уже не выравнивание возможностей или позиций (как это было в западном и советском вариантах традиционного государства всеобщего благосостояния — хотя и в разных масштабах), а проблема *реинтеграции в общество*.

Проблема эта воспринимается сегодня как самая актуальная на Западе, но именно ее просмотрели наши либералы, когда акцентировали и абсолютизировали принцип личной ответственности. Действительно, этот принцип был стержневым в индивидуалистической концепции общественной жизни, и именно он составлял суть классического либерализма. Однако, возведенный в абсолют, как это произошло сегодня в России, он «разорвал» общество, уничтожил в нем основание для единения и солидарности, тогда как именно принцип солидарности, согласно которому общество в лице государства имеет обязательства перед своими членами, и творит общество как таковое.

Разница между европейской и американской моделями консолидации общества имеет еще одно, принципиально важное проявление. Концепция «виктимизации» как приоритетная доктрина солидарности является своеобразной теорией «внутреннего пользования», которая нуждается в дополнительном — внешнем подкреплении. И потому американское старание объединить нацию принимает ярко выраженный мобилизационный оттенок. Для достижения слитности многонациональной, многоконфессиональной страны постулируется наличие «внешней угрозы», а сплочения нации добиваются, исходя из концепции «врага». Ситуация разобщенности в обществе обостряется в результате акцентирования либеральных принципов с его индивидуализацией социального пространства. Преодоление распада общества и обретение чувства общности естественным образом проявляется в минуты большой опасности — во время наводнений, ураганов или нападения врага. Эксплуатируя подобные «пограничные» реакции, американская модель единения нации приобретает милитаристский оттенок. «Нам необходим моральный эквивалент войны», — заключил еще в начале века Уильям Джемс, сетуя по поводу распространения эгоистических настроений и ослабления гражданских чувств в обществе того времени. Только при этом условии, считал он, Америка вновь сможет обрести силу и единство.

Похоже, эта установка стала программной для политики американского государства. Современные американские государственные деятели исполняют эти заветы не только в переносном смысле, но и в прямом. Для сплочения общества, очевидно, уже недостаточны даже такие разновидности «театрализации несчастий» и такие «моральные эквиваленты» прямых военных действий, как «войны против бедности», против безработицы, а также инициативы по оказанию «гуманитарной помощи». И потому США переходят к непосредственным военным вмешательствам. Американская идея государства оформляется как агрессивно-наступательная в международной политике. События последних лет: войны в Югославии, Ираке, угрозы Ирану всего лишь вехи развития этой концепции государственности.

В связи с этим следует более внимательно подойти к разграничению понятий солидарности и сплоченности, поскольку до сих пор в контексте объединения нации они воспринимались и употреблялись как синонимы. Однако американская матрица создания единства нации наглядно свидетельствует о том, что агрессивно-имперская политика США требует разведения по крайней мере трех близких по смыслу концептов — «солидарности», «сплоченности» и «консенсуса».

Консенсус — категория операциональная, восходящая к области выборных технологий. Под консенсусом понимается выработка общего мнения в отношении конкретных социальных проблем, включенных в широкий процесс принятия решений. Солидарность акцентирует духовно-эмоциональную, психологическую, *нравственную* сторону объединения людей. Она рождается как результат накала человеческих переживаний по поводу одного единичного или совокупности социальных затруднений. Что касается сплоченности, то это понятие несет на себе яркий *мобилизационный* отпечаток, и тем самым оказывается в эпицентре социального действия. Она есть «материальный» ответ, реакция социального организма в ситуации крушения, краха, острого кризиса. Она ведет к собиранию силы и концентрации ее в целях противостояния и преодоления создавшегося разрушительного для организма положения. Она рождает, в конечном счете, действие, целенаправленное социальное действие. Но именно действие — социальное действие — и есть главная составляющая любого стремления выжить, особенно в экстремальной ситуации. Социальный кризис и есть такая широкомасштабная экстремальная ситуация. И для преодоления ее мало «объединения умов» — консенсуса и недостаточно испытывать чувства — солидарность, — необходим энергичный ответ разрушительному вызову — сплоченность.

Имперский характер современных американских акций может вызывать естественные ассоциации с имперскими интенциями российской истории. Однако, несмотря на общее — «имперское» начало, смыслы российского и американского феноменов не имеют никакого сущностного сходства.

Действительно, в прошлом России прослеживается чередование двух теоретически противоположных, но практически рядоположенных явлений — центростремительной тенденции к формированию национально-сплоченного, национально-целостного государства и тенденции, в определенном отношении, центробежной — к преобразованию в Империю, которая объединяла разнородные в национально-этническом смысле территории.

Эту ситуацию отметил и прекрасно иллюстрировал русский философ-политолог П.Б.Струве. «При Петре, — пишет он, — национальная консолидация вчерне... почти закончилась, и начался процесс построения Империи...». И далее он поясняет: «Самый яркий и законченный тип образования единого национального государства представляет в истории великих европейских народов создание французского государства. К этому типу приближается процесс образования московского государства, поскольку оно, это образование, держалось в пределах территорий, освоенных великорусским племенем, и состояло в присоединении к Москве двинских областей, Новгорода, Вятки, Пскова, Твери, Рязани. Тут чисто русские государства, и при том государства великорусские объединились в некое единое политическое целое, с единым национальным составом. Тут не было еще Империи. На имперский путь Москва встала, когда она стала присоединять татарские государства»¹⁵. Ситуация собирания русской земли, сменившаяся имперской тенденцией, повторилась после 1917 г.

Что касается современной России, то «имперская тенденция» ее развития коренным образом отлична от американской. Если США используют концепт «внешнего врага» для внутренней консолидации территориально оформившейся нации, то Россия в своей «имперской фазе» занята «собираанием земель», т.е. восстановлением уже некогда существовавшего единого социально-экономического пространства. Но даже и первоначальный этап «колонизации» свободных, т.е. государственно неоформленных территорий в ней, не исходил из концепции «врага», которого следует покорить. Колонизационная стадия ее развития разворачивалась на основе проникновения русской нации в другие национальности. Это не был процесс завоевания, или господства в собственном смысле слова. Российское государство изначально формировалось за счет свободного и практически беспрепятст-

венного присоединения неосвоенных территорий на Востоке — колонизации в первоначальном смысле слова. Более того, именно занятость и густонаселенность западных территорий и «ничейность» восточных и определили географический вектор русских колонизаторских устремлений. Это были главным образом — Сибирь и Дальний Восток. Процесс этот не принимал вид обычного процесса ассимиляции, хотя она происходила сплошь и рядом. При расширении русского государства на Восток русские не вытесняли и не подчиняли местное население механически и агрессивно, а напротив, легко перенимали его привычки и обычаи, вживались в новую среду, одновременно приобщая жителей к своей культуре. Это означало, что русское имперское «миссионерство» носило симбиотический характер.

Такое проникновение представляло собой формирование единой нации на основе цементирующей, сплачивающей силы, энергии русской нации. Скрепление Российской Империи цементом преобладающей русской национальности в разные исторические периоды не мешало процессу образования многоплеменной и многокультурной страны. «Рядом с процессом сложения огромной, многоплеменной и многокультурной Российской Империи происходил и процесс скрепления и сплочения этой империи цементом преобладающей национальности, русской, давно уже переросшей племенные рамки, т.н. великорусского племени», — писал П.Б.Струве¹⁶.

Сплоченность как *мобилизационный* фактор жизнеспособности Российского государства выходила на первый план в остро кризисные периоды его развития — в период угрозы самому существованию государства. Так, сплоченность нации была востребована в период Первой Отечественной войны — с Наполеоном и Второй Отечественной войны — с фашизмом. Надо признать, что эта ситуация «*оборонительной*» мобилизационной сплоченности — не специфически российской, она — общечеловеческая. В мирное время в любом обществе всегда есть люди, которые отказываются принять даже основные фундаментальные ценности проекта, объединяющего общество. Важно другое — в какой период жизни общества отрицаются фундаментальные ценности — в период стабилизации или обострения. В ситуации кризиса это означает, при строгом рассуждении, не отрицание конкретного стиля или образа жизни, а отрицание самого существования данной коллективности. Как пишет по этому поводу Ж.Бурдо: «Когда разражается драма, я уже больше не являюсь социалистом, христианским демократом, либералом и прогрессистом. Я — француз... или я никто»¹⁷.

К этому следует добавить еще одно обстоятельство. В основании западноевропейского образца имперского развития лежала и лежит до сих пор (но уже в основании американского) идея однолинейного прогресса. В романо-германском мышлении эволюция виделась в перспективе одного-единственного всемирно-исторического вектора судьбы человечества как единого целого. Различные государства «выстраивались» иерархически в движении к одной-единственной конечной цели. Одни из них были или считались более «продвинутыми», другие — менее. Эталон, образец, модель, таким образом, уже были заданы, известны и «освоены» самым развитым государством, принимающим на себя роль верховного водителя народов. Это государство превращалось в распространителя, в «миссионера» заранее сконструированной культурной модели. Однако такая картина мира допускает и иницирует произвольно-волевое моделирование «миссионера» для выполнения политической задачи в конкретном государственном пространстве — в современном варианте, в частности, на территории стран так называемой «периферийной демократии». Особенностью данного образца имперской политики являлось и ныне является то, что вектор ее никогда не совпадал и не совпадает с естественными территориальными границами государства-миссионера. Такова была империя Карла Великого, Римская империя, империя Наполеона. Таковы современные имперские инвективы США.

В мире XIX — начала XX в. подобная имперская политика называлась колониальной, т.к. предполагала достаточно грубое прямое вмешательство материальной силы, прежде всего, военной. В «цивилизованном» мире конца XX — начала XXI в., несмотря на присутствие военного вмешательства (которое принимает форму краткосрочного массивного шокового удара), она представляется как экспорт единственно верной «культурной модели» в рамках программ распространения «идей демократии».

Российская аутентичная имперская модель качественно иная как по замыслу, так и по воплощению. Прежде всего, она в основе своей не «рационально-сконструированная», а наследственная. В XVII в., когда Московское царство еще не было империей, национальная идея Москвы как наследницы Византии и оплота христианства в борьбе с восточным язычеством и западной еретической культурой выразилась в государственной концепции Московского государства. «Мы есть Третий Рим, два Рима падоша, а четвертому не быти». Как результат, православно-вселенское государство строилось по образцу и подобию византийского восточного царства. Именно о таком положении дел Г.В.Вернадский писал: «Византий-

ское наследство вооружило русский народ для создания мировой державы строем идей»¹⁸. Продвижение границ московского государства вглубь евразийского материка являлось, по его мнению, «осознанием своего месторазвития».

Сущность византийской культуры определялась сочетанием самых разнородных направлений, шедших из Палестины, Сирии, Персии, Малой Азии — с Востока, из Европы — с Запада и даже из Африки — с Юга. Византийский «симфонизм», будучи унаследован Россией как принцип, трансформировался в государственно-культурную задачу русского объединительного племени. Наследуя византийскую государственную концепцию «христианской империи», Россия предполагала не захват чужих земель, а расширение собственного культурного пространства *до естественных границ*. По мнению современных авторов, органичность этих границ подкрепляется тем паразитическим фактом, что они, в конечном счете, совпали с границами монгольской империи. «Идея о сомнительности существования ига длиною в три столетия заставляет заключить, что на самом деле имел место процесс создания плодотворного и устойчивого геополитического синтеза. Империя Чингисхана продемонстрировала реальное единство евразийского пространства, которое Российская империя только исторически восстановила. Российская имперская интенция, таким образом, являлась естественным геополитическим вектором, обеспечивающим большую устойчивость и реальное единство Евразии, что существенно отличает российскую имперскую традицию от западной»¹⁹, — подчеркивает исследователь Т.Н.Очирова.

Создание «активного» социального государства

Анализируя изменения современного мира, западные авторы приходят к выводу о необходимости создания «активного государства всеобщего благоденствия»²⁰, которое должно стать заменой изжившей себя модели пассивного его варианта, воплощенной в формуле страхования социальных рисков.

Обращение к государству как к основе и фундаменту новой интеграции общества вовсе не равнозначно возвышению государства над обществом, превращению его в «государство-владельца», в государство тоталитарного типа. Результаты нового государственного строительства зависят от тех, кто его созидает, от реформаторов, и потому актуальным остается старый спор о рационализации баланса между идеей государства господствующего и государства как активного и

разумного защитника. Центральной в этом споре является глубинная проблема пределов государственного вмешательства. В современном контексте она решается, в частности, на пути размежевания таких понятий, как государственная регламентация и государственное регулирование. Сторонники такого размежевания исходят прежде всего из критики как дирижистских концепций политического действия, так и либеральных теорий самоуправления. «Пора признать, — пишет крупнейший современный французский исследователь механизмов реформирования М.Крозье, — что эпоха политических “проектов” общества — социалистических или либеральных — это эпоха фантазмагорий. Она прошла»²¹. Пришло время «десакрализировать» роль государства, сделав его «более скромным», но одновременно более активным и инициативным. Требования, казалось бы, взаимоисключающие. Однако более глубокий анализ показывает, что они обусловлены стремлением противостоять, с одной стороны, «технократической модели» реформирования общества, с другой, неолиберальной.

Значение термина «технократический» претерпело за последние годы в западной мысли определенную эволюцию. У Крозье этот термин превращается в собирательное понятие, под которым он подразумевает веру в возможность «количественной рационализации» действительности без учета «человеческого жизненного пространства». При таком реформировании игнорируются качественные характеристики, на которых фактически зиждятся человеческие системы. «На бумаге все кажется возможным, но прекрасная количественная гармония разбивается тут же о сложности жизни, суть которой — качественного характера»²².

Альтернативный технократическому, — неолиберальный проект — проект осуществления реформ, полагающийся на саморегулирующую роль рынка, точно так же далек от реальности, как и первый, поскольку не учитывает (да и просто не признает) качественно иных типов регуляции в системе социальных взаимоотношений, которые не основаны на «чистых» законах рынка и не могут быть реализованы его механизмами.

Первая, технократическая модель не нуждается в иллюстрации, т.к. все мы хорошо помним жесткую советскую модель манипулирования человеческим материалом. Вторая же, неолиберальная модель также находит прекрасное подтверждение в нашей действительности, но уже в более поздний экспериментальный период «перестройки», когда наши реформаторы-неолибералы поступали в соответствии с такой же прямой, как и «технократическая», «несоциальной» логикой грубого перекраивания «человеческой ткани» общества.

Категорией, которая позволяет наилучшим образом осознать разницу между прежними «технократическими» моделями изменения общества и новыми «человекоцентричными», является рынок. В научной, особенно экономической литературе, да и в общественном сознании, широко распространилось мнение о том, что рыночные механизмы есть механизмы автоматического регулирования экономики или других сфер жизни. На самом деле, пишет Крозье, это представление относится к абстракции чистого мышления. Ибо на практике важны не механизмы функционирования однажды установленного рынка, а средства учреждения конкретных рынков, т.к. последние чрезвычайно разнообразны и находятся в процессе постоянного становления. «Рынок в действительности, — пишет он, — не есть некое естественное состояние, которое могут якобы “замутить” и нарушить там или сям внешние злонамеренные или ошибочные вмешательства; рынок — это очень тонкое человеческое сооружение (“человеческий конструкт”), которое требует для своего возникновения, утверждения и развития огромных коллективных усилий»²³.

В функционировании механизмов рынка следует различать, наряду с автоматическими механизмами регуляции их деятельности и другие, которые кристаллизуются в определенные правила. Последние же всегда устанавливаются людьми, правда, в разных ситуациях — на разном уровне. В одних случаях — с помощью общественной власти (государства), в других — через традицию, в третьих — почти бессознательно.

Помимо автоматических регуляций, регуляций-правил, существует еще понятие, обозначаемое термином «регламентация». Именно последнее связывается с внешним, как правило, государственным властным вмешательством в деятельность организаций, принимающим форму указов или декретов. Разбирая отрицательные стороны воздействия этих форм власти, Крозье прекрасно показал, насколько дисфункционально их действие. Оно превращает социальный ансамбль в «бюрократическое общество», страдающее от «бюрократического ритма развития»²⁴.

Однако ситуация коренным образом меняется, когда общество и власть принимают концепцию «постепенных, постоянных и ответственных» изменений в современных сложных обществах. Тогда государственные, общественные регламентации переходят из разряда принудительных в разряд посреднических, вслушивающихся в социологические законы функционирования «человеческой ткани» общества, и поэтому берут на себя роль помощников.

Вмешательство общественных властей тогда выполняет, во-первых, функцию легализации тех правил, которые породила инициатива лидеров, создавших «правила» функционирования конкретного рынка. Во-вторых, регламентации выполняют роль поддержки инициатив снизу, но ни в коем случае не подменяют их, ибо первенство всегда остается за «человеческими», социальными, а вовсе не за экономическими или юридическими аспектами деятельности. Регуляции, о которых говорит Крозье и которые являются единственными, способствующими успеху создания рынка, — всегда социальные. «Не существует универсального рынка, а существует только множество запутанных рынков, где сложность элементов переговоров между действующими лицами создает структуры власти и механизмы регулирования, недоступные для всякого технологического вмешательства»²⁵.

Всеобщий характер этих явлений, по мнению Крозье, подтверждается анализом создания американского рынка, который представлен в работах американских экономистов XIX века²⁶. Обычно принято восхищаться этим развитием, пишет французский ученый, не подозревая о том количестве усилий, которые нужно было приложить, чтобы постепенно создать большой континентальный рынок, добившийся такого успеха²⁷. Американские исследователи, подчеркивает он, показали, что речь идет здесь именно об искусственно создаваемом механизме, а вовсе не о географической или культурной данности.

Образование американского рынка стало возможным благодаря постоянным усилиям общественных властей, которые, с одной стороны, стимулировали «переговорные» отношения между конкретными социальными актерами, а с другой стороны, создали систему легальных юридических норм с обязательным, и следовательно, принудительным характером их соблюдения.

Однако даже в этих случаях одних регламентационных усилий, исходящих от властей сверху, в авторитарной форме, в виде указов или декретов, совершенно недостаточно. Они призваны только поддерживать и усиливать медленное становление промежуточных человеческих сетей взаимодействия, который фактически и создают рынок. В этом и состоит «скромная» роль современного государства в качестве посредника.

Показывая возможные успехи установления такого рынка, Крозье приводит конкретный пример из области французского экономического рынка, а именно рынка по продаже артишоков и цветной капусты в Сен-Поль-де-Лионе, провинция Бретань.

Рынок ранних овощей Северной Бретани до конца 1950-х гг. был одним из рынков, который контролировали сильные парижские посредники. Производители терпели убытки. В начале 1960-х гг. бретон-

цы, изучив конкретные особенности своего рынка, оттеснили комиссионеров. При этом они создали сложный механизм работы этого рынка, приближенный к идеалу рационального рынка. Это был продукт кропотливой интеллектуальной и организационной работы, т.е. индивидуальный «человеческий конструкт». Чтобы легализовать созданный рыночный механизм и обеспечить необратимость его функционирования, понадобилось вмешательство государственных регламентаций. Этот опыт подтвердил, что сам рынок автоматически не создается — он нуждается как в инициативе снизу, так и в поддержке государства. Характерно также то, что попытки государства механически распространить эту модель на другие регионы потерпели неудачу. Причина проста: общественные власти считали, что речь идет о введении экономической автоматической модели. Они не учли того, что каждый случай специфичен и неповторим. Таким образом, этот жизненный опыт наглядно показал, что прямое и грубое государственное вмешательство портит все дело, но без участия государства также ничего невозможно сделать.

Современный этап развития цивилизованных государств — этап перехода от старого типа мышления о реформах к новому. Неожиданна и одновременно убедительна мысль о том, что проблема реформирования современного общества — это прежде всего проблема изменения самих реформаторов. Можно декларировать новые социальные цели, достигнуть которые намеревается реформатор, однако его приверженность старой логике реформирования приводит к тому, что за «фасадной демократией» сохраняется и даже усиливается логика действия традиционной бюрократической модели.

Разница между радикальным либерализмом США и умеренным европейским подходом объясняется особенностью становления классического либерализма Старого Света, который вынужден был освобождаться от феодально-сословных институтов осторожно, постепенно, стремясь не допустить обширных и мощных революционных процессов снизу. Консервативная Европа страшилась хаоса и разрушения социального механизма. Но именно такое стремление реально изменить общество, а не потрясти его и не взорвать, и есть подлинно либеральная идеология освобождения²⁸.

Следуя плодотворному опыту Европы, сегодня в России на первый план вышел принцип личной ответственности, в соответствии с которым каждый индивид является хозяином своей судьбы и отвечает за себя сам. Но этот принцип разрушил единство общества, атомизировал его. Нам предстоит решить сложную задачу создания общества, в котором при максимально возможном сохранении прин-

ципа личной ответственности начал бы вновь действовать принцип солидарности, согласно которому общество имеет обязательства перед своими членами. Реализацию таких обязательств может взять на себя только государство. И потому очевидной становится необходимость восстановления функций «социального государства».

В нашей российской практике следует остерегаться двух крайностей – крайности революционных переворотов, которые создают только горы обломков, с одной стороны, и крайности упования на саморегулирование социальных систем, с другой. Организации, которые не изменяются, чахнут; системы же, предоставленные самим себе с расчетом на самоорганизацию, вырождаются иначе – они становятся настолько запутанными и сложными, что исчезает всякая возможность ими управлять.

Двойственный характер современного государства

Сегодня для России, помимо идеи консолидации общества, крайне актуальной становится проблема выработки нового проекта существования, сопряженного с идеей права. Однако в классической ситуации европейского Запада за фасадом идеи права вырисовывался культурный идеал конкретного коллективного сообщества, т.е. выбор проекта существования общества, по замыслу, должен был опираться на знание нравов, национального характера, склонностей народа – «духа нации», что с необходимостью должно было возвращаться лояльностью, поддержкой проекта общества со стороны народа. В современной российской действительности модель государства не рождается из глубин национального духа, а привнесена извне в качестве готового образца западного государства. В таком случае вряд ли можно говорить о ее соответствии ожиданиям нации.

Слепое копирование отдельных элементов успешно развивавшихся западных обществ сегодня в России, очевидно, обернулось плохо управляемым конгломератом разнокалиберных механизмов, которые не создают ни органического целого, ни перспектив развития. И потому главным фактором жизнеспособности Российского государства становится проектирование новой государственности, соответствующей как современности, так и ее историческому «национальному духу».

Воплощение в действительность государства как идеи права в реальной политической жизни, однако, наталкивается на стремление отдельных индивидов или слоев населения персонифицировать

власть. В сущности, этот дуализм современного государственного состояния есть отражение двойственности его восприятия — как идеи и как функции. Первое порождает эволюцию государства, его восходящее развитие. Оно реализуется в позитивных смыслах его существования — в интенции рационализации социума, максимизации идеи «общего блага» и «общего интереса». Позитивный институциональный смысл государства достигает своей кульминации в «социальном государстве», где оно становится гарантом и синонимом социальных завоеваний трудящихся, противовесом иррациональной стихии рынка. Второе представляет инволюцию государства, его нисходящее развитие, вырождение. Оно состоит в желании прагматического использования института государства в целях обогащения одних и обеднения других. Проявлениями второго смысла становятся репрессивные аспекты государственного бытия, его полицейский характер, негативные явления бюрократизации. Указанный дуализм обнаруживает себя как на материальном, так и на ментальном уровнях, как в историческом времени, так и в современной реальности.

Исторические этапы развития государственности свидетельствуют о постепенной концентрации в рамках государства сначала физической силы (армия, полиция, финансы), затем культурного капитала, и наконец, сосредоточении власти как авторитета. Соединение всех этих факторов создает предпосылки автономии государства, его частичной независимости от экономических структур общества в целом и гражданского общества в частности. Однако автономность государственной формы политической власти по отношению к обществу оказывается двуликой. С одной стороны, именно автономность дает возможность подняться над социальными конфликтами. Это — прогрессивный фактор, т.е. проявление позитивного развития, эволюции. С другой стороны, автономия подрывается изнутри — государственной бюрократией, которая заинтересована в том, чтобы обратить властную волю, нацеленную на общее благо, на пользу своему частному сословному интересу. Таково одно из проявлений инволюции государства, — как описывает этот процесс известный французский политический ученый Пьер Бурдьё²⁹.

Инволюция государства возникает не только во времени, исторически. Она наблюдается в феномене «раздвоения, расщепления государства» в сегодняшней — монохронной реальности, когда в одной и той же стране оно, с одной стороны, обеспечивает социальные гарантии для привилегированной, достаточно обеспеченной части общества, а с другой стороны, проявляет свою репрессивную, полицейскую природу по отношению к основной массе народа. И то, и

другое – симптомы инволюции государства. Такова, констатирует П. Бурдьё, ситуация в современных США, которые иницируют тот же процесс в европейских странах. Так, штат Калифорния, который считается в США одним из самых богатых, предстает как рай всевозможных свобод и местонахождение самого престижного университета мира, но в то же время тюремный бюджет этого штата с 1944 г. превышает бюджет всех его учебных заведений вместе взятых³⁰.

Влияние американской модели переносится в европейские страны, в частности, в современную Францию, где государство оставляет целый ряд территорий социального действия, что провоцирует резкое ухудшение положения населения. В качестве примера Бурдьё указывает на неолиберальную политику в области жилищного строительства, которая носит симптоматичное название «помощь человеку». Результатом ее стала социальная сегрегация, породившая проблемы огромного количества иммигрантов, которые образовали в стране обширные зоны нищеты.

Сходные процессы общего ухудшения жизни трудящихся в результате реализации различных неолиберальных проектов (которые суть – «инволюция государства») имеют место и в других странах. Всюду растет число людей, получающих статус временно занятых, по сравнению с постоянно занятыми. Процесс этот, опять же, был иницирован в США, где в последнее время резко увеличилось количество мало оплачиваемых работников, занятых лишь частично. Целью такой политики называют искусственное снижение общего уровня безработицы. Социологические опросы свидетельствуют, что американский средний класс, оказавшись перед угрозой масштабной безработицы, почувствовал себя крайне уязвленным. Оказалось, что для индивида в работе важна не только величина зарплаты, но и защищенность. Ситуация осложняется тем, что во всех странах число временно занятых особенно велико среди молодежи, следствием чего явился рост деликвентного поведения. О потерях в области культуры и говорить не приходится. Повсюду наиболее уязвимой в условиях рынка и приватизации стала, как и следовало ожидать, сфера интеллектуального и художественного творчества.

Инволюция и регресс государства, считает Бурдьё, провоцируются «неолиберальной доксой», «постмодернистским неолиберальным месседжем», который выдает себя за универсалистское послание всеобщего освобождения. Делается это с помощью продуманных символических технологий, в которых осознанное или невольное участие принимают ведущие интеллектуалы Запада.

Используются определенные лингвистические приемы внушения, якобы свидетельствующие о превосходстве неолиберального воззрения на мир. Так, во Франции вместо слова «патронат» употребляют выражение «живые силы нации». Вместо увольнения работающих и сокращения рабочих мест говорят о «разгрузке» («degraissage»), умышленно используя спортивную терминологию, которая несет на себе печать подсознательного убеждения в том, что сильное тело должно быть худым. Одно французское предприятие, объявляя об увольнении 2000 человек, назвало это действие «смелым и мужественным планом», сознательно вуалируя антигуманные действия и создавая иллюзию позитивности своих намерений. Широко распространена также игра смыслов и коннотаций, основанных на ассоциативных интерпретациях таких слов, как гибкость, урегулирование, налаживание связей и т.п.

В то же время, П.Бурдьё констатирует возникновение *нового феномена современности*, который, без сомнения, становится сегодня важным подкреплением в борьбе с неолиберальной атакой на государство. Бурдьё определяет его как *«онтологическое»* существование государства в двух формах: в *объективной реальности* (в виде совокупности институтов, министерств, управлений, офисов и т.п.) и *в головах людей*. Во всех странах, где роль государства в социальной жизни была традиционно велика, государство оставило существенный ментальный след своих социальных завоеваний. Сегодня этот феномен принимает форму реального и неоспоримого субъективного права, отражением которого становятся твердые и безапелляционные сентенции: «это мое право», «так нельзя поступать по отношению ко мне». Такие суждения превращаются в реальную материальную силу, с которой нельзя не считаться. При этом социологи отмечают разницу менталитетов в странах, где государство исторически имело слабые социальные позиции, и там, где оно было традиционно сильно. Так, у англичан отсутствует идея о *праве* на труд, которая отчетливо проявляется у французов, ибо в Великобритании трудовые соглашения входили в состав общего права, в отличие от Франции, где эти соглашения гарантировались государством. Процессу регресса и отступления государства с социальных позиций оказывается сильное сопротивление в странах, где этактистские традиции были наиболее мощными.

Таким образом, в настоящее время государство — это главная территория социального конфликта. Дилемма здесь такова — либо отстаивание его позитивных функций, либо регресс и инволюция государства к карательному государству, главными механизмами которого

го являются подавление и репрессии, которые в лучшем случае, могут выражаться через принесение в жертву социальных областей деятельности — образования, здравоохранения, социальной помощи.

В годы либерального лихолетья в России демократическая пресса настойчиво внедряла идею о неразрывной связи значимости государства и коммунистической парадигмы существования. Распространилось убеждение, что этатистские наклонности присущи преимущественно российскому менталитету и являют собой признак слабости и малой цивилизованности. Такие рассуждения не только ошибочны, но и противоречат логике современных западных идей о роли государства в обществе.

Современная ситуация в России благоприятствует развитию института государства и распространению идеи государства в обществе. Картина желаемого социального порядка вырисовывается в ходе социальной борьбы различных партий и социальных групп. Идея государства возрождается, когда происходит девалоризация идеи политической борьбы, и энергия общества направляется на развитие общего блага. Точкой перехода от борьбы за власть к управлению является установление в обществе в целом состояния консенсуса относительно направления цели движения общества вперед и определения базовых положений общего проекта такого движения. И смысл государства как (в конечном счете) воплощенной идеи права состоит в том, чтобы победитель этой борьбы не стал «собственником» государства, который мог бы использовать его как орудие для выражения своих частных целей и частных интересов. И выполнить эту миссию может только государство. Только государство может реализовать *проект от имени всего общества*, проект, который складывается на основе глубинных сущностных ценностей, бесспорно принимаемых всеми участниками общественной дискуссии. Как иронически пишет Карл Шмитт, «...если в государстве проявляются противоречия, то каждая партия, конечно, хочет только всеобщего блага — в этом и состоит bellum omnium contra omnes (война всех против всех) — но суверенитет, а значит, и само государство, состоит в том, чтобы этот спор разрешить, то есть определить окончательно, в чем состоит общественный порядок и безопасность, когда возникают им помехи...»³¹.

Следует, однако, подчеркнуть, что необходимость выработки объединительного общенационального проекта не означает введения единомыслия. Да это и невозможно. События последнего пятнадцатилетия привели к новым глубоким расколам в нашем обществе, и уже не на два антагонистических класса с двумя идеологиями — буржуазной и пролетарской, — а на несколько идеологических силовых центров, которые в ближайшем будущем будут формировать новое политико-иде-

ологическое поле. И в этой ситуации роль государства неизмеримо возрастает, ибо только оно одно может встать *над* партиями и плодотворно разрешить спор в рамках нового российского плюрализма.

Примечания

- 1 *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 507.
- 2 *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 2002. С. 132.
- 3 *Устрялов Н.В.* Понятие государства // Политическая наука. М., 2000. № 2. С. 61.
- 4 См.: *Janovitz M.* The Reconstruction of Patriotism: Education for Civil Consciousness. Chicago, 1983.
- 5 *Розанваллон П.* Новый социальный вопрос. М., 1997. С. 13.
- 6 *Мысливченко А.Г.* Перспективы европейской модели социального государства // Вопр. философии. 2004. № 6. С. 3–12.
- 7 Там же. С. 22.
- 8 *Розанваллон П.* Указ. соч. С. 30–31.
- 9 Там же. С. 58.
- 10 Там же. С. 59.
- 11 См.: *Steele Sh.* The Content of our Character. A New Vision of Race in America. N. Y., 1990.
- 12 *Rawls J.* Political Liberalism. N. Y., 1993.
- 13 *Ibid.* P. XXV.
- 14 *Мишустина Л.* Предисловие // *Розанваллон П.* Новый социальный вопрос. М., 1997. С. 5–9.
- 15 *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 249.
- 16 Там же. С. 250.
- 17 *Burdeau G.* Traité de science politique. P., 1967. Т. 2. P. 264.
- 18 *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага, 1927. С. 106–109.
- 19 *Очирова Т.Н.* Евразийская модель культуры // Цивилизация и культура. М., 1994. Вып. 1. С. 191–207; *Она же.* Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней истории Московского государства // Там же. С. 131–152.
- 20 *Розанваллон П.* Указ. соч. С. 188.
- 21 *Crozier M.* Etat moderne? Strategie pour un autre changement. P., 1987. P. 9.
- 22 *Ibid.* P. 27.
- 23 *Ibid.* P. 123.
- 24 См.: *Спиридонова В.И.* Бюрократия и реформа (анализ концепции М.Крозье). М., 1997.
- 25 *Crozier M.* Op. cit. P. 129–130.
- 26 *Chandler A.* The Visible Hand. Harvard, 1978.
- 27 *Crozier M.* Op. cit. P. 130.
- 28 См.: *Михайлов Б.В.* Современный американский либерализм: идеология и политика. М., 1983. С. 18–19.
- 29 *Bourdieu P.* Le mythe de la «mondialisation» et l'état social européen. P., 1996. P. 7.
- 30 *Ibid.* P. 12.
- 31 *Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000. С. 21.

Жизнеспособность государства (на примере современной истории Китая и России)

Жизнеспособность любого государства зависит от многих факторов:

- географического (месторасположения, размера территории, климата, характера природной среды и т.п.);
- сырьевых ресурсов (наличие или отсутствие полезных ископаемых, количества их запасов, условий их разработки и т.п.);
- национального и этнического состава населения (имеется в виду мононациональный или многонациональный состав);
- конфессионального состава (наличие одной государственной религии или многих конфессий);
- исторических традиций (длительность существования государства) и, соответственно, национального или национальных менталитетов;
- материального и культурного уровня населения.

Однако для нашего рассмотрения главными являются политические факторы, ибо история дает немало примеров, когда государства, имевшие благоприятные географические, природные условия, обладавшие богатыми сырьевыми ресурсами и т.п., тем не менее, оказывались в кризисном состоянии. И в то же время другие государства, не имевшие таких условий, добивались успехов в своем развитии.

Если говорить о политических факторах, то здесь следует иметь в виду:

- состав политической элиты, ее общеобразовательный и профессиональный уровень, ее численность;
- характер политического режима;
- уровень политической культуры и политического участия населения;
- наличие или отсутствие программ социально-экономического развития страны.

Жизнеспособность государства в немалой степени зависит от политической элиты. В Китае она состоит из квалифицированных специалистов в различных областях государственного и муниципального управления, партийного строительства, народного хозяйства. Можно сказать без преувеличения, что таких специалистов миллионы, все они подготовлены в годы так называемой политики реформ и открытости, имеют, как правило, высшее образование, причем зачастую политехническое, и немалый опыт работы в партийных и государственных органах, государственных предприятиях, финансовых учреждениях. Конечно, как и в любой другой стране, — независимо от ее социально-политической ориентации — большую роль играют земляческие, родственные, дружеские связи, однако в Китае в отличие, скажем, от России, как это ни парадоксально, они имеют *меньшее значение*. На среднем и высшем уровне кадровые работники подбираются, как правило, не по признаку личной преданности, а по деловым качествам. В составе центральных партийных и государственных органов — представители не одной-двух провинций, а многих регионов страны. В партийно-государственном аппарате практически нет выскочек, «чиновников-однодневок» или, как их называют в Китае, «чиновников-ракет», т.е. функционеров, стремительно продвигающихся по служебной лестнице. Это обеспечивает стабильность в проведении политического курса и эффективность в осуществлении конкретных практических мероприятий.

Иначе обстоит дело в России. В период 1990-х гг. в стране доминировали функционеры «митингового плана», которые красиво выступали на собраниях, но были никудышными организаторами реформ. (Достаточно назвать имена Заславского, Шелова-Коведяева, Станкевича, Полторанина, Севастьянова и многих других). Теперь все они находятся в политическом небытии, а тогда они блистали на многочисленных реформаторских тусовках. Многие важные аппаратные должности представлялись по принципу личной преданности Ельцину¹.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. не было ни одного печатного издания, которое бы не писало о «деле Чурбанова», бывшего зятя Брежнева, который благодаря своему родству сделал быструю карьеру в МВД. По этому поводу было произнесено много осуждающих слов. Но все российские средства массовой информации обошли молчанием факт более стремительного, чем у Чурбанова (у того десять лет) продвижения зятя Ельцина Окулова от простого бортинженера до генерального директора «Аэрофлота» (всего пять лет). Подобные случаи в Китае *в настоящее время исключены*. (Они были возможны лишь в период так называемой «культурной революции».²)

В Китае существует разветвленная система партийно-административных институтов и школ, на которые возложена задача по подготовке кадровых работников различного уровня. В Пекине уже в течение многих десятилетий функционирует Центральная партийная школа, в которой проходят подготовку и переподготовку партийно-государственные кадры высшего звена. Партийные школы есть также в каждом провинциальном центре, городах центрального подчинения – Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Чунцине, уездных и волостных городах, районах крупных городов, к примеру, в Пекине. С начала 1990-х гг. стали создаваться административные институты для подготовки и переподготовки государственных кадров. Они, как правило, совмещены с партийными школами, другими словами – это одно учреждение с одним и тем же руководством, но с двумя вывесками. В редких случаях административные институты существуют отдельно от партийных школ. Примерно десять лет назад в Пекине был создан отдельно от Центральной партийной школы (ЦПШ) Центральный институт повышения квалификации государственных служащих. Политическое руководство Китая придает большое значение партийным школам и административным институтам, его члены регулярно посещают их и выступают с докладами, точно так же поступают руководители провинциального и городского уровней. Ректором Центральной партийной школы является обычно заместитель председателя КНР, до 2002 г. им был Ху Цзиньтао, в настоящее время Цэн Цинхун, ректором Центрального института повышения квалификации государственных служащих – член Государственного Совета КНР.

Переподготовка кадров проводится с определенной периодичностью, причем она охватывает кадровых работников самой высшей квалификации. К примеру, в момент написания данной статьи (апрель-май 2006 г.) в ЦПШ на специальных трехмесячных курсах занимались ректоры крупнейших вузов и директора академических институтов. Благодаря подобной системе учебы китайские кадровые работники всегда в курсе важнейших событий международной и внутренней жизни своей страны, стратегических и тактических целей политики национального руководства. Следует подчеркнуть, что и само высшее руководство Китая постоянно занимается самообразованием. За последние три года вошли в практику встречи членов Политбюро ЦК КПК с ведущими учеными – экономистами, историками, философами, политологами, во время которых обсуждаются актуальные теоретические проблемы, связанные с внутренним и международным развитием Китая. К настоящему времени состоялось уже более тридцати таких встреч.

В последние десять лет вошла в практику также конкурсная система отбора кадров. Хотя последнее слово все равно остается за вышестоящим партийным руководством, тем не менее, конкурс позволяет подбирать кадровых работников из более широкого круга претендентов, чем раньше, что, несомненно, позволяет повысить профессиональный уровень партийных и государственных служащих.

Следует добавить, что многие кадровые работники различных уровней теперь имеют возможность бывать за границей, благодаря чему они имеют возможность знакомиться с мировым опытом функционирования государственной службы.

В отношении кадровых работников осуществляется курс «профессионализация, революционизация, омоложение». Однако «омоложение» не означает тотальной замены старых кадров молодыми, а курс на постоянное обновление кадрового корпуса. В период 1980-х гг. многих заслуженных работников переводили на т.н. «вторую линию» — они становились членами специально созданных комиссий советников. Искусственного омоложения кадров, как это имело и имеет место в современной России, в Китае нет. Вместе с тем существует постоянная ротация кадров, в составе китайского кадрового корпуса равномерно представлены представители различных поколений: возраст членов центральных органов власти колеблется примерно в пределах 45–60 лет, провинциальных, городских — в пределах 40–55 лет, низовых — в пределах 35–50. Высшие руководители КПК имеют возраст 60 лет и выше, причем у всех них длительный опыт работы в провинциях и городах страны, министерствах и ведомствах. Поэтому их нельзя презрительно называть партократами, как это делают некоторые русские авторы. Один из наиболее показательных примеров — карьера премьер-министра Вэнь Цзябао. В течение 18 лет он работал в центральных партийных и государственных органах, а до этого в течение 25 лет был геологом, большую часть этого времени провел, как он сам говорит, в необычайно трудных и вредных условиях, что дало ему знание тяжелой жизни народа. Из 2500 уездов Китая, по словам Вэнь Цзябао, он посетил 1800³. Поскольку за годы реформ в Китае появилось большое количество профессиональных компетентных руководителей, поэтому идущая ротация руководящих кадров является безболезненным процессом.

Высокий профессиональный уровень нынешнего китайского кадрового корпуса обеспечивает успешное решение экономических, политических и социальных проблем китайского общества, его стабильное развитие.

В современной России подобной системы подготовки кадров практически нет. Старая, существовавшая в Советском Союзе, была разрушена, а новая еще только создается.

Жизнеспособность любого государства во многом зависит от характера политического режима. Именно за последние двадцать лет последний определил неравномерное, своего рода циклическое развитие России и успешный прогресс во всех областях Китая.

Специфика Советского Союза в отличие от многих европейских стран заключалась в том, что это было государство, фактически состоявшее из нескольких разнородных, не похожих друг на друга частей, территорий, образований: собственно славянской части (России, Украины, Белоруссии, северной части Казахстана), прибалтийской части, мусульманского региона, включавшего не только Среднюю Азию и южные районы Казахстана, Азербайджана, но и национальные республики Северного Кавказа, а также Грузию и Армению. Каждая из этих частей, территорий, в свою очередь, делилась на несколько районов, регионов, в чем-то отличавшихся друг от друга. Естественно, что в силу подобной специфики существовали различные политические, экономические, национальные, конфессиональные и т.п. проблемы. Иногда эти проблемы приводили к социальным противоречиям и конфликтам.

Однако **системного** кризиса советской политической системы удавалось избегать благодаря существованию КПСС, которая выступала гарантом жизнеспособности, стабильного развития СССР. Как только в силу целого ряда причин – объективных и субъективных – КПСС утратила свою руководящую роль, советское государство распалось.

Современная Россия является многонациональной, многоконфессиональной страной, расположенной в девяти часовых поясах, почти каждый регион, в том числе с преобладающим русским населением, не говоря уже о национальных, имеет свою собственную историю, в них резко разнятся природно-сырьевые и климатические условия. В связи с этим необходима устойчивая, пользующаяся авторитетом центральная власть.

Между тем на рубеже 1990-х гг. в России была провозглашена своего рода «демократия без берегов», в результате был нарушен баланс власти между Центром и регионами в пользу последних, появились серьезные сепаратистские тенденции (яркий тому пример – Чечня), что, в конечном счете, привело к хаосу в политической и экономической областях, было поставлено под угрозу само существование российской государственности.

Путину приходилось и приходится прилагать немало усилий, чтобы восстановить нормальное функционирование органов государственной власти и обеспечить рост экономики. В этом ряду, в частности, стоит создание федеральных округов, которые в период 2000–2004 гг. сыграли позитивную роль в укреплении конституционных основ российской государственности.

В настоящее время представители т.н. демократической оппозиции обвиняют Путина в том, что он устанавливает в стране авторитарный режим. Цинизм подобных утверждений состоит в том, что с ними выступают лица, входившие в ближайшее окружение Ельцина и вместе с ним ответственные за политический и экономический хаос, царивший в России в 90-х гг. прошлого столетия⁴.

Конечно, политический режим, утверждаемый Путиным, нельзя назвать демократией западного образца, однако в условиях России ее и не может быть. Путин пытается создать режим «управляемой демократии», который, на наш взгляд, наиболее соответствует социально-экономическим и национальным условиям нашей страны. Следует иметь в виду, что *демократия — не самоцель, а средство достижения и обеспечения устойчивого развития любой страны, не существует и не может существовать универсальных демократических норм, приемлемых для всех обществ и во все времена*⁵.

Точно так же, как в свое время в Советском Союзе, в Китае гарантом жизнеспособности государства выступает сейчас Коммунистическая партия Китая (мы отвлекаемся сейчас от того, насколько ее политика была всегда адекватна конкретным историческим условиям).

К моменту завоевания КПК в 1949 г. политической власти страна в значительной степени находилась в децентрализованном состоянии. После революции 1911 г. Китай постепенно становится объектом соперничества различных региональных военно-феодалных клик, правительство республики было слабым и не обладало реальной властью. Хотя Гоминьдан пытался ликвидировать раздробленность страны, в условиях конфронтации с КПК ее не удалось окончательно преодолеть.

Только КПК смогла действительно создать единое государство с сильной централизованной властью. Жесткая вертикаль управления обеспечивает в настоящее время реализацию задач модернизации. За прошедшие почти 60 лет стране пришлось столкнуться с немалыми трудностями, особо тяжелыми были годы «культурной революции» (1966–1976), называемые официальной историографией периодом глубоких потрясений, великого хаоса. Политический режим, существующий в Китае, не относится к числу демократических. Он явля-

ется авторитарным. Но в условиях Китая 50–80 гг. прошлого столетия именно такой режим обеспечивал жизнеспособность государства. Мы исходим из конкретно-исторических условий: длительное существование феодальных, патриархальных отношений, невысокий общеобразовательный, культурный и политический уровень населения, узкий круг кадров в различных сферах общественной жизни, неравномерность в степени развития различных регионов, низкий жизненный уровень большинства населения, наличие проблемных национальных районов. Поэтому существование авторитарного политического режима, несущей конструкцией которого является КПК, вполне оправдано. Однако по-прежнему не исключается возможность, опасность перерастания такого режима в тоталитарную систему, систему личной власти. Подобная гипотетическая возможность была реализована в период «культурной революции». В ходе реализации т.н. политики реформ и открытости произошел отказ от тоталитарной системы правления.

Жизнеспособность китайского государства объясняется тем, что в нем в настоящее время создается режим «управляемой демократии». Причем процесс трансформации авторитарного режима приспосабливается к китайской модели модернизации. Сердцевиной этого режима является преобразуемая в ходе реформ КПК. Очевидно, что без ее руководящей роли китайское государство просуществовать долго не сможет. Однако сама компартия должна постоянно находить адекватные ответы на проблемы, кризисные явления, возникающие в процессе модернизации. Их разрешение требует учета мнений компетентных специалистов, привлечения к сотрудничеству и руководству представителей интеллигенции — не членов компартии.

Китайские исследователи подчеркивают, что политический строй их страны обладает особой спецификой, которой нет ни в одной стране мира. Как пишет проф. Гао Минчжэн, специфика эта проявляется в четырех чертах. Первая заключается в «многосоставном характере основы государственной и политической власти; в ее многослойности». Подобное обстоятельство связано с появлением в обществе под влиянием рыночных отношений разных социальных слоев: «Поэтому рамки китайского народа не ограничиваются составляющими большинство населения рабочими, крестьянами, интеллигентами — трудящимися классами и слоями в их традиционном понимании, он включает в себя также всех законопослушных граждан, признающих и соблюдающих Конституцию Китайской Народной Республики и другие законы, т.е. нетрудящиеся классы и слои в их традиционном понимании, в особенности различные классы и слои из Гонконга,

Макао и Тайваня, являющихся неотъемлемой частью Китая»⁶. Гао Минчжэн считает необходимым подчеркнуть, что подобного расширения рамок субъекта политики не было в Советском Союзе и других социалистических странах, где из него исключалась буржуазия (хотя прямо об этом он не говорит).

Второй особенностью китайской политической системы китайские исследователи называют «многосторонний характер форм организации политической власти». В этой связи указывается на специальные административные районы Гонконга и Макао. Со второй особенностью неразрывно связана третья — «многокрасочность форм государственного управления, которую они видят в существовании в Гонконге и Макао своих собственных правительств». Наконец, четвертая особенность заключается в *сотрудничестве* многих партий под руководством Коммунистической партии Китая, что отличает ее от ситуации в других странах, где существует *сотрудничество* двух или многих партий. По мнению китайских авторов, «сотрудничество под руководством КПК многих партий соответствует закономерностям политического развития развивающихся государств и отвечает насущным потребностям китайского народа, надеющегося на политическую стабильность и ускоренное развитие экономики и культуры»⁷. Китайские идеологи и ученые убеждены в том, что западная политическая система (к примеру, наличие двух или многих партий) не пригодна для их страны, ибо ее внедрение неизбежно приведет к развалу государства.

По справедливому мнению видного российского китаевода Я.Бергера, «торможение реформ в общественно-политической сфере было связано в немалой степени с долгосрочным воздействием того шока, который пережило коммунистическое руководство Китая в конце 80-х годов. Именно политические реформы (или их обещание) считались главной причиной распада Советского Союза и крушения аналогичных реформ в Восточной Европе, с одной стороны, и активизации демократического движения в самом Китае — с другой»⁸. В целях извлечения уроков из поражения социализма в Советском Союзе тема его распада была включена в перечень важнейших общегосударственных исследований. В результате в кругах китайских обществоведов все больше росло понимание того, что дело не только и не столько в политических реформах, а в более глубинных причинах. Среди них называются следующие — игнорирование требований развития производительных сил, невнимание к коренным интересам широких народных масс, к улучшению их материального положения, амбициозные планы советского руководства в мировой политике,

требовавших больших расходов на военно-промышленный комплекс и т.д. В настоящее время в Китае идут политические реформы, но, как и в области экономики, они осуществляются постепенно, шаг за шагом.

В последние десять лет китайское руководство предпринимает серьезные усилия по расширению социальной базы политического развития КПК. Как считает российский исследователь М.Л. Титаренко, «нет необходимости доказывать, что существует непосредственная связь между социальными изменениями в китайском обществе и выдвиганием руководством КПК концепции «трех представительств», направленной на то, чтобы еще больше сплотить китайское общество, мобилизовать его наиболее активные силы на дальнейшее углубление реформы и модернизацию страны. Установка на прием в партию лиц с высокими доходами, в том числе частных предпринимателей новых профессий направлена на то, чтобы расширить социальную основу партии, не оставить за воротами партии большие группы молодежи, обладавшей современной техникой, новыми «свободными» профессиями, стабилизировать настроение новых предпринимателей — выходцев из ганьбу и членов КПК»⁹.

В отличие от России, в Китае 95% населения являются ханьцами, т.е. собственно китайцами, но 5% — это примерно 60–65 млн человек; в стране два проблемных региона — Тибет и Синьцзян, что связано с историей их отношений с Китаем. Стремясь локализовать возникающие конфликты, китайское руководство проводит рассчитанную на длительную перспективу политику социально-экономического и культурного развития этих двух регионов. Прежде всего, осуществляется курс на индустриализацию и урбанизацию, результатом которого является увеличение числа представителей китайской нации в этих рамках. Курс «развитие большого Запада» является стратегическим курсом в их освоении. В отличие от России, где количество русских и русскоязычных в национальных республиках Северного Кавказа неуклонно уменьшается, в Синьцзяне имеет место обратная картина — здесь численность китайцев все время увеличивается. Только в Тибете, где особые природные условия, численность китайцев растет очень медленно, однако окончание в 2006 г. строительства железной дороги Цинхай-Тибет рано или поздно приведет к включению Тибетского региона в единый народнохозяйственный комплекс Китая. Это, очевидно, вызовет принципиальные изменения в социально-политической ситуации в Тибете в плане уменьшения опасности сепаратизма. Естественно, что от китайских руководителей невозможно услышать слова, подобные тем, которые произнес Ельцин в 1991 г.: «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить».

Следует заметить, что в китайской конституции вообще отсутствует пункт о возможности выхода из состава государства национальных автономий, которых в стране четыре. (Во Вьетнаме, несмотря на наличие национальных меньшинств, вообще нет национальных районов, они были ликвидированы еще в 60-х гг. прошлого столетия.) В годы идеологической полемики между КПСС и КПК отсутствие подобного пункта являлось основанием для обвинения Мао Цзэдуна в великоханьском шовинизме. Между тем в отличие от некоторых большевистских руководителей, грезивших мечтами о мировой революции, Мао Цзэдун был более мудрым и дальновидным руководителем. Руководствуясь национальными интересами Китая, он стремился не допустить появления сепаратизма.

Жизнеспособность государства во многом определяется программой социально-экономического развития страны. В этой связи опыт современного Китая весьма поучителен. Т.н. «культурная революция» нанесла громадный ущерб всем областям жизни китайского общества — экономике, культуре, идеологии, морали и т.п. Недаром она была официально названа «периодом больших потрясений», «годами великого хаоса». Перед послемаоцзедуновским руководством встали принципиальные вопросы о том, как преодолеть последствия «культурной революции» и в каком направлении развивать страну.

С этой целью в 1977–78 гг. была осуществлена своего рода инвентаризация прошлого идеологического наследия. Она проходила в форме кампании «практика — единственный критерий истины». Старт этой кампании был дан Дэн Сяопином, вернувшимся в то время в руководство. Он не был ни философом, ни теоретиком в подлинном смысле этого слова, но обладал громадным жизненным опытом¹⁰. Дэн Сяопин отлично понимал, что формулирование нового курса невозможно без ревизии прежних идеологических стереотипов. Поэтому в мае 1977 г. в беседе с рядом своих ближайших соратников он напомнил всем о существовании тривиальной марксистской идеи — единственным критерием истины является практика. Тем самым Дэн Сяопин хотел подчеркнуть, что любая истина, т.е. любое теоретическое положение, высказанное даже руководителем, в том числе и высшего ранга, должно подтверждаться практикой, проверяться ей. Если последняя не доказывает истинности какого-либо теоретического положения, директивы, указания, то оно должно быть отброшено, независимо от того, кому оно принадлежит. По существу, речь шла о несоответствии реальным условиям китайского общества установок периода «культурной революции», выдвинутых самим Мао Цзэдуном, хотя имя его прямо почти не называлось. Тем самым

подчеркивалось, что нельзя слепо верить указаниям самых высших руководителей, превращать их в своего рода «священные писания», а необходимо проверять, насколько они жизнеспособны и эффективны, действительно ли они способствуют развитию экономики, повышению благосостояния общества. Имплицитно проводилась мысль, что отстаивание старых положений означает догматизм, что новые реалии требуют новых подходов и что именно практика является основой новых теоретических положений.

Кампания «практика — единственный критерий истины» продолжалась *более полутора лет*, в нее были вовлечены *десятки миллионов людей*: партийные и государственные кадры, ученые, преподаватели вузов, студенты, работники государственных учреждений, предприятий, компаний и т.п. Были опубликованы тысячи статей, в которых буквально пережевывалась одна и та же мысль — только то теоретическое положение, которое проверено практикой, имеет право на существование. В случае его противоречия практике оно должно быть отброшено. Для обоснования данного постулата использовались примеры не только из истории общественного развития, но и из истории различных областей научного знания.

Вместе с тем в ходе кампании сам Мао Цзэдун не становился объектом критики, что можно, по-видимому, объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, желанием избежать критики всего руководства Коммунистической партии; во-вторых, стремлением не допустить негативистского отношения к деятельности партии вообще, ибо в этом случае неизбежно встал бы вопрос о пересмотре всей истории революционного движения в Китае.

Для воссоздания подлинной картины деятельности Коммунистической партии во избежание ее искажения справа и слева начиная с 1977 г. готовится специальное постановление. Оно было опубликовано в июне 1981 г. под названием «О некоторых вопросах истории Коммунистической партии Китая». Этот пространственный документ объемом почти 100 страниц содержал анализ различных этапов деятельности КПК, начиная с момента ее образования в 1921 г. и кончая периодом «культурной революции». В постановлении давалась оценка роли Мао Цзэдуна, отмечался его вклад в победу народно-демократической революции в 1949 г., его заслуги в создании народной власти в 1950-е гг. Особо подчеркивалась его борьба с догматизмом в 1930—1940-е гг., что позволило КПК свергнуть власть Гоминьдана. Вместе с тем в Постановлении говорилось и о политических и теоретических ошибках, допущенных Мао Цзэдуном в ходе социалистического строительства, особенно в период «культурной революции». Эти

ошибки связывались не только и не столько с самим Мао Цзэдуном, они объяснялись сложностью и новизной задач, стоявших перед КПК после 1949 г. Одновременно ошибки первых десятилетий объяснялись следованием «советской модели строительства социализма»¹¹. Давая общую оценку постановлению «О некоторых вопросах истории Коммунистической партии Китая», следует подчеркнуть, что это взвешенный, хорошо продуманный документ. В нем отсутствует огульная критика и пустое словословие. После появления постановления начинается объективное изучение истории КПК, прочтение как бы заново многих ее страниц, возвращение из политического небытия видных в прошлом ее деятелей.

Для сравнения укажем, что в Советском Союзе подлинно научной оценки деятельности И.В.Сталина после его смерти, а стало быть, и истории КПСС, поскольку он был ее руководителем, дано не было. Речь не идет о реабилитации И.В.Сталина, прямо виновного в репрессиях против партийных и государственных кадров, деятелей науки и культуры, крестьян, рядовых граждан. Мы имеем в виду действительно научную оценку деятельности И.В.Сталина в различные периоды истории КПСС, а следовательно, и истории Советского Союза. Нельзя же считать такой оценкой эмоциональный во многом доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, поверхностное постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. Многие видные деятели партии, включая Бухарина¹², Каменева, Зиновьева, Троцкого¹³ и других продолжали исключаться из истории КПСС вплоть до 1987 г. — доклада М.С.Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-й годовщине Октябрьской революции.

После проведения кампании «практика — единственный критерий истины» в декабре 1978 г. был проведен 3-й пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва, на котором был принят стратегический курс, получивший название «политика реформ и открытости». Впоследствии этот пленум получил название «исторический», поскольку с него ведет отсчет история современного Китая. Естественно, что он не мог предложить сразу политику *конкретных действий*, рассчитанных на длительную перспективу. На нем была одобрена тактика реформ в сельском хозяйстве, а затем на последующих пленумах ЦК вырабатывалась тактика реформ в промышленности, сфере науки и техники, культуре и т.п. Тем самым политика реформ и открытости постепенно набирала обороты, развиваясь «внутри и вглубь».

В результате тридцатилетнего процесса осуществления реформ Китая добился громадных достижений во всех сферах общественной жизни, прежде всего в экономической области, которые общеизвестны.

Следует подчеркнуть, что для китайской модели модернизации характерна постепенность, не одновременное решение всех проблем, а решение их одна за другой, поэтому в годы реформ здесь не произошло таких крупных социально-политических потрясений, какие имели место в России.

Как пишет российский исследователь В. Михеев, «в России, когда российским реформам ставят в пример успехи китайской модернизации, чаще всего обращают внимание на такие компоненты китайской экономической модели, как постепенность ломки командно-распределительной системы, сбалансированность реформ в разных секторах экономики, творческое применение иностранного опыта, ставка на интеграцию в мировую экономику при соблюдении национальных интересов, развитие научно-технического прогресса, а не форсирование политической реформы и т.п. В принципе – это рекомендации весьма тривиальные и естественные. И, видимо, как раз в том, что Китай следовал тривиальным идеям и естественному пониманию собственных реалий и заложены успехи китайской реформы»¹⁴.

Российские исследователи отмечают такие сильные стороны модели социально-экономического развития Китая, как сориентированность на решение стратегических долгосрочных целей, высокую степень учета объективных условий страны и умение адаптироваться к внутренним и внешним условиям ее функционирования¹⁵.

Общая стратегия экономического развития Китая состоит из трех этапов: первый – удвоить ВВП по сравнению с 1980 г., обеспечить население продуктами питания и предметами первой необходимости, эта цель в основном осуществлена в конце 80-х гг. XX в.; второй – к концу XX в. увеличить ВВП в четыре раза, эта цель досрочно осуществлена к 1995 г.; третья – к середине XXI в. в основном осуществить модернизацию, по ВВП на душу населения достичь уровня среднеразвитых стран¹⁶.

Согласно программным установкам КПК предполагается, что к 2020 г. Китай достигнет уровня «среднего достатка», а к 2050 г. станет первой страной мира по уровню ВВП.

При формулировании программных задач руководство КПК руководствуется принципом «идти в ногу со временем», но это не использование вневременных и внеисторических инноваций, а использование экономических и политических методов с учетом национальной специфики своей страны. Здесь налицо преемственность с традицией Мао Цзэдуна, который в 40-е гг. провозгласил лозунг «соединение общих принципов китайской революции с конкретной практикой китайской революции».

Китайские ученые подчеркивают, что, согласно марксизму модернизация не имеет универсальных принципов, на Востоке, включая Китай, она должна иметь свои особенности: «Марксистские философы выдвинули два важных положения: *первое* – национальная культура, национальное развитие являются исторической основой модернизации; *второе* – деятельность людей по созиданию истории есть единство производства и существования рациональности и ценностей»¹⁷. Хотя модернизация является продуктом западной культуры, она может быть осуществлена и на Востоке, в том числе и в Китае, но, в отличие от Запада, она возможна здесь лишь на основе самообновления национальной культуры, национальных традиций, она не может быть принесена извне.

Одновременно китайские теоретики постоянно подчеркивают глубинный характер социально-экономических изменений, происшедших в мире в XX столетии: «Мы видим в современном мире «три неодинаково» – сегодняшний капитализм уже не тот, каким он был 150 лет назад во времена “Манифеста Коммунистической партии”, социализм уже не тот, каким он был во времена Октябрьской революции, китайский социализм уже не тот, каким он был до начала периода реформ и открытости. Разве можно в такой ситуации придерживаться нескольких сложившихся догм», «подходить к изменениям с неизменных позиций? Конечно, нет. Мы должны действовать в соответствии со временем, в соответствии с существующими принципом “три неодинаково” искать объективные законы и овладеть ими»¹⁸, – пишет видный китайский ученый Инь Цицзо.

В частности, китайские руководители понимали, что одновременное введение рыночных отношений и демократии западного образца их страна не выдержит, поскольку это неизбежно приведет к ее дезинтеграции. В то же время в Китае не отказываются от идеи демократизации политического режима. Задача политической демократизации в настоящее время поставлена во главу угла. Она проводится под лозунгом «действовать, опираясь не на людей, а на закон». Теперь именно в судах, а не в партийных органах и учреждениях, как это было раньше, решаются имущественные, хозяйственные, семейные споры¹⁹. Введено в практику прямое тайное голосование по выборам руководителей деревень и волостей, премьер-министр страны ежегодно отчитывается перед депутатами Всекитайского собрания народных представителей, причем правительству приходится нередко выслушивать неллицеприятную критику. Все более расширяется доступ населения к разнообразной политической, экономической и культурной информации – не только через Интернет, но и через телевидение и печатные органы.

В противоположность китайскому руководству руководители Советского Союза, а затем и России *никогда* не имели сколько-нибудь продуманной программы действий на длительную перспективу, не говоря уже о стратегии развития на 30–50 лет. 1970-е гг. справедливо названы годами застоя, поскольку именно тогда началось отставание нашей страны в техническом и технологическом отношениях. Поэтому было очевидно, что перестройка общественных отношений, прежде всего экономической системы, была необходима. Однако Горбачев начал перестройку с реформы политической системы, а точнее, с реформирования партии. Партия действительно нуждалась в реформировании, однако не подкрепленное реальными, конкретными реформами в экономике, оно привело к ослаблению роли партии в обществе и, в конечном счете, к ее разрушению. В период т.н. перестройки, а точнее «катастрофы», выражаясь словами Александра Зиновьева, уже имелся шести-семилетний успешный опыт реформ в Китае. Однако Горбачев и его окружение предпочли не заметить его, хотя общественно-политические системы обеих стран были тогда во многом похожи. Помешал провинциализм мышления Горбачева и непрофессионализм его советников²⁰. Именно отсутствие конкретных практических дел в области экономики в период перестройки и привело к появлению в партии и вне ее «митинговых деятелей» популистского толка.

После распада Советского Союза и прихода к власти в России Ельцина положение не изменилось. У нового российского руководства не оказалось ни стратегии развития страны, ни программы действий на ближайшую перспективу, ни плана тактических действий. Аналогичной была ситуация в первый период президентства Путина. Предпринятые им шаги по укреплению вертикали власти были половинчатыми, они не сопровождались возвращением в государственную собственность природных ресурсов. Только после событий в Беслане начинается возвращение центральным органам власти их реальных полномочий. Однако по-прежнему делаются неоправданные уступки этнической элите Татарстана, Башкортостана и республик Северного Кавказа. Пропагандируемые в последнее время четыре национальных проекта носят популистский характер, кроме того, продолжающиеся в сфере образования, жилищно-коммунального хозяйства и т.д. реформы носят на себе явно либеральный характер, во многом напоминают ультралиберальные реформы 1990-х гг.

Как известно, Россия всегда являлась страной с сильными научными традициями. Между тем среди национальных проектов нет специального проекта, посвященного науке. В отличие от России, в Ки-

тае расходы на научные исследования занимают приоритетное значение в бюджете страны. В настоящее время социальный статус китайской интеллигенции очень высок, значительно улучшилось материальное положение научных работников, преподавателей вузов, учителей, врачей. Если еще двадцать лет назад ежемесячный доход рядового китайского интеллигента любой профессии уступал аналогичному доходу его российского собрата, то теперь положение изменилось принципиальным образом — рядовой китайский интеллигент живет намного лучше, чем простой представитель российской интеллигенции.

Учитывая вышесказанное, нельзя не сделать вывод, что жизнеспособность Российского государства не гарантирована.

Для жизнеспособности государства важное значение имеет модель модернизационного развития. Как известно, в 1990-е гг. Россия избрала модель догоняющего развития, сделав упор на западные образцы экономики, политики, идеологии, культуры и даже морали. Идти по пути Запада — таков был выбор, предложенный российскому народу реформаторами во главе с Ельциным—Гайдаром. Подобная модель развития априори не отвечала российским условиям, однако была насильственно навязана сверху. Результаты ее внедрения очевидны — массовое обнищание населения, криминализация общества, коррупция государственного аппарата, нравственная деградация людей и другие не менее опасные.

В Китае модернизация осуществляется уже тридцать лет, там также существуют многие серьезные проблемы, однако они не носят такого масштабного характера, как в России. Это обусловлено характером политического руководства, его адекватной реакцией на возникающие проблемы. В Китае действительно ведется борьба с коррупцией, о чем свидетельствуют громкие процессы последних лет над представителями среднего и явления высшего звена политической элиты.

Принципиальное отличие китайской модели модернизации от российской заключается в том, что здесь реформы осуществляются не ради реформ, как это имеет место в России, а ради действительно развития экономики и повышения материального и культурного уровня населения страны. В Китае раньше, чем в России, начали использовать рыночные отношения. Однако здесь не исповедовали принцип «рынок автоматически расставит все по своим местам», как это делали российские реформаторы. В Китае применяется принцип «государство регулирует рынок», тем самым ограничивается возможность применения неконтролируемых экономических механизмов.

В Китае до сих пор не была проведена приватизация, само это понятие не используется в китайском политико-экономическом лексиконе, в Китае говорят «акционирование». Это не значит, что в стране нет крупных собственников. Они есть. Это — представители гонконгских деловых кругов, предприниматели, добившиеся хозяйственных успехов благодаря своим интеллектуальным способностям, а также родственным, земляческим или дружеским связям. Представители последней группы как раз и являются питательной базой для коррупционных явлений.

Процесс принятия решений по политическим и экономическим вопросам — процесс длительный, он проходит через множество этапов и согласований, тем самым уменьшается возможность появления непродуманных решений. В отличие от России, к решению принципиальных вопросов привлекаются специальные мозговые центры, крупные ученые, им предоставляют право высказывать любую точку зрения, даже противоречащую официальной или имеющей хождение в обществе. При Госсовете (правительстве) существует специальное Министерство стратегического анализа под скромным названием Центр изучения развития, которое имеет прямой выход на премьер-министра. Одновременно следует подчеркнуть, что при определении путей экономического развития своей страны в Китае широко используется зарубежный опыт, как практический, так и теоретический. Однако «последнее слово» при принятии макроэкономических решений остается за китайскими национальными условиями. Китайские политики отлично понимают, что одно дело рынок, биржа, акции и т.п., которые являются чисто техническими средствами, и другое дело планомерное развитие экономики на 5–10 лет вперед. Принятые в этом случае неверные решения могут привести к социально-экономическому кризису.

По мнению китайских ученых, опыт модернизации их страны имеет международное значение. Он заключается в следующем: «Во-первых, при осуществлении всесторонней реформы необходимо брать за основу реформу экономической системы, реформа должна быть всесторонней, а не частичной... Она должна сочетаться со строительством, всесторонняя реформа и всестороннее строительство должны идти вместе, одновременно в реформе должен быть главный пункт, что касается развивающихся государств, этот главный пункт заключается в реформе экономической системы, следует брать за основу экономическое строительство, непрерывно решать задачу повышения материальных и культурных потребностей народа. Во-вторых, все реформы должны проводиться методом постепенного движения впе-

ред. Перед развивающимися государствами стоят грандиозные проблемы и задачи, которые даже трудно сосчитать, и для того, чтобы избежать крупных социальных потрясений и конфликтов, можно действовать лишь по принципу “вначале обдумать, а потом применять на практике”. Нельзя прибегать к резким реформам типа “шоковой терапии”. В-третьих, реформы внутри страны необходимо сочетать с открытостью по отношению к внешнему миру. Именно в сочетании реформы и открытости заключается очевидный успех китайских реформ. Они взаимно стимулировали друг друга. Развивающиеся государства начинают строительство на базе отсталой экономики и культуры, поэтому им особенно необходимо осуществлять открытость в отношениях с внешним миром, энергично впитывать достижения мировой цивилизации. Необходимо не только реформировать старую систему и создавать новую, но и впитывать и практиковать все передовые методы хозяйствования и методы управления, отражающие законы современного общественного производства, принятые во всех государствах мира...»²¹.

Подлинная демократия предполагает высокий уровень политической культуры и политического участия населения. Однако при современном состоянии Российского государства об этом говорить невозможно, поскольку в последние годы в избирательном процессе принимают участие не более 30% граждан, имеющих право голоса. В результате, учитывая разброс голосов, в законодательных органах в центре и на местах в лучшем случае оказываются лица, представляющие не более 20% избирателей. Подобная политическая апатия объясняется тяжелыми социально-экономическими условиями жизни электората. Его интересуют не общегосударственные проблемы, а вопросы личного физического выживания. При таком положении возникновение серьезных угроз для российской государственности не затронет большинство населения России, и оно будет равнодушно взирать на уничтожение своей страны. Поэтому от российского руководства требуется воспитание в жителях страны активной гражданской позиции. В противоположность этому продолжают использоваться методы, характерные для советского периода – популистские лозунги, эфемерные обещания и т.п. Одновременно широко применяются заимствованные на Западе всевозможные пиар-средства, способствующие оглушению населения. В Китае предпочитают не прибегать к подобным методам, поскольку они зачастую оказываются неэффективными. Лучшим средством считается «наглядная агитация» – посещение руководителями различного уровня предприятий, учреждений и т.п. и подробное освещение данного события.

Нынешнее китайское общество стоит перед серьезной проблемой – как согласовать рыночные отношения с «социалистической моралью». Еще в период «культурной революции» нравственные ценности китайцев подверглись серьезной эрозии. Дело в том, что во всю пропагандировался лозунг «борьба со старой моралью», который означал ниспровержение авторитетов, неуважение к старшим, культивирование вражды и ненависти. Хотя подобные явления после 1976 г. были подвергнуты критике, их влияние не могло исчезнуть. Рыночные отношения привели к появлению стремления к наживе, накопительству, обогащению за счет других и т.п.

Как известно, в классическом марксизме не было собственного этического учения. В Советском Союзе данную проблему пытались решить путем создания «Морального кодекса строителя коммунизма», который в чем-то напоминал общеизвестные христианские заповеди. В Китае основополагающим моральным принципом долгие годы являлся принцип самопожертвования²².

После «культурной революции» в Китае была выдвинута установка на строительство наряду с «социалистической материальной цивилизацией» «социалистической духовной цивилизации», которая включает в себя воспитание не только любви к Родине, Коммунистической партии и социализму, но и лучших нравственных качеств²³. Время от времени в стране проводятся специальные кампании, в той или иной степени затрагивающие проблемы нравственного воспитания.

Актуализация нравственных проблем для китайского общества в значительной степени была связана с появлением в последние десять лет такой организации, как «Фалуныгун». В официальной пропаганде она называется сектой, ее основатель и бессменный руководитель Ли Хунчжи называет ее новым религиозно-философским учением. По своему содержанию «Фалуныгун» представляет собой эклектическую смесь буддизма и китайской дыхательной гимнастики цигун. Ли Хунчжи обещает своим последователям если не бессмертие, то длительную жизнь, освобождение от всевозможных жизненных невзгод. Человек, имеющий лишь среднее образование, с помощью ряда университетских профессоров сумел создать организацию, имевшую ячейки по всей стране²⁴. Популярность «Фалуныгун» объясняется, прежде всего, тяжелыми социально-экономическими условиями, в которых до сих пор живут многие миллионы китайцев. Хотя реформы принесли значительное улучшение материального уровня большинства населения страны, однако это не значит, что в стране не осталось бедных и обездоленных людей. Поэтому основную массу последователей учения Ли Хунчжи составили представи-

тели беднейших слоев китайского населения — крестьяне, безработные, лица с неудавшейся личной судьбой и т.д. Другая причина популярности «Фалуньгун», в том, что оно обещает легкий путь избавления от трудностей и болезней. Данными обстоятельствами, по-видимому, можно объяснить тот факт, что среди его последователей оказались работники партийного и государственного аппарата (в основном находящиеся на пенсии), представители вузовской интеллигенции. Первоначально китайское руководство терпимо относилось к деятельности «Фалуньгун», хотя ряд видных деятелей науки, в частности директор Института теоретической физики Академии наук Китая академик Хэ Цзосю, говорили, что это учение является сектой, оказывает пагубное воздействие на психическое и физическое здоровье людей. Однако их предупреждения не были приняты во внимание. Политизация деятельности «Фалуньгун» произошла после появления статьи Хэ Цзосю в одном из журналов, где она была подвергнута резкой критике с научных позиций. Вскоре после этого 25 апреля 1998 г. около 10 тыс. последователей учения собрались в центре Пекина возле резиденции высших органов партии и потребовали встречи с премьер-министром. Они заявили о необходимости прекратить критику их организации и разрешить ее свободное существование. Это был открытый вызов руководящей роли КПК. После апрельского события против «Фалуньгун» были предприняты репрессивные меры, ряд ее членов были приговорены к длительным срокам заключения, пребывание в ней было признано несовместимым с членством в партии, по всей стране началась специальная кампания по «разоблачению преступной деятельности «Фалуньгун». В настоящее время она находится в стране в глубоком подполье, в основном действует за пределами Китая, штаб-квартира ее находится в США, где живет сам Ли Хунчжи. Организация имеет своих последователей во многих странах мира, в том числе в России. В последнее время ее деятельность приобрела явную антикоммунистическую направленность, в распространяемых последователями Ли Хунчжи материалах Коммунистическая партия Китая обвиняется во многих «страшных преступлениях», в том числе в геноциде против собственного народа. Поскольку в материалах, направляемых от имени «Фалуньгун» рассматривается вся новейшая история, очевидно, что они написаны не самим Ли Хунчжи, а его иностранными покровителями и советниками.

В настоящее время в Китае пропагандируется тезис о необходимости мирного сосуществования различных национальных культур и общественных систем, непредвзятого отношения к противоположным идеологическим убеждениям, желательности заимствования

положительного опыта других государств. По словам президента Шанхайской Академии общественных наук Инь Цзицзо: «С теоретической точки зрения в русле исторического развития различные культуры взаимно обмениваются друг с другом и взаимно влияют друг на друга, являясь тем самым движущей силой развития общечеловеческой цивилизации; по отношению к потокам времени сделан новый вывод о том, что миру нужен мир, народам нужно сотрудничество, государства должны развиваться, общество должно прогрессировать; постоянное повышение уровня стимулирующего человека всестороннего развития, никогда не останавливающийся исторический процесс стал новым боевым общественным требованием наших марксистов»²⁵.

Пропагандируя стратегию мирного развития Китая, китайское руководство обращается к духовному наследию Китая. Находясь с визитом в США в октябре 2002 г. тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь сказал следующее: «Более двух тысяч лет назад китайский доциньский мыслитель Конфуций выдвинул идею о том, что благородные мужи находятся в согласии, но они неодинаковы. Гармония не исключает множества принципов, неодинаковость не означает взаимных столкновений. Гармония — это совместная жизнь и совместное существование, неодинаковость требует взаимной поддержки. Согласие, но неодинаковость есть важный закон, присущий общественным явлениям и общественным отношениям, а также принцип, которым руководствуются люди при решении дел, и основа согласованного развития различных цивилизаций... Мир разнообразен и многокрасочен, то, что между различными явлениями, государствами, нациями, районами существуют те или иные неодинаковости и различия — это нормально и, можно сказать, что неизбежно. Мы провозглашаем, что существующие в мире различные цивилизации, общественные системы и модели развития должны взаимно обмениваться и взаимно обогащаться в процессе мирного конкурса, заимствовать друг у друга положительное, находя общее несмотря на существующие различия, взаимно развиваться»²⁶.

Изменившаяся в последние годы идейно-политическая ситуация внутри и вне страны вынуждает китайское руководство изменить свое отношение к культурному наследию, нравственным ценностям прошлого. Это выражается, в частности, в том, что имплицитно взят курс на возрождение нравственных принципов конфуцианства, которые в своей основе являются гуманистическими. Конфуцианству уже посвящены десятки конференций и симпозиумов, сотни книг, тысячи

статей. Их лейтмотив – конфуцианская этика есть величайшее наследие китайской нации, имеет непреходящее значение, поэтому оно может быть использовано в XXI в.

По мнению многих исследователей, особенности общественных и интеллектуальных отношений, норм поведения, сформировавшихся под влиянием конфуцианства, можно свести к следующим основным характеристикам. Во-первых, упор делается на долге, обязанностях, а не на правах человека. Существует при этом целый комплекс взаимосвязанных друг с другом традиций, которые обеспечивают деятельность всех членов сообщества (общины) в рамках определенных обязанностей и разделяющих в связи с этим в равной степени как ответственность, так и вознаграждение.

Во-вторых, акцент делается на управление посредством человеческого фактора или добродетели, нежели закона, что позволяет увеличить гармонию и сплоченность внутри общества; одновременно подчеркивается роль ритуала или этикета; существует тенденция обеспечивать состязание, конкуренцию между людьми в рамках установленных церемоний и правил этикета, что позволяет сохранять социальное согласие.

В-третьих, сильный акцент делается на строгих, даже жестких состязательных принципах образования, которые обеспечивают на всю жизнь высокие качества во всем, позволяют представителям бюрократии всегда оказываться победителями в любом интеллектуальном соревновании.

В-четвертых, сильное ощущение связи между прошлым и настоящим, что помогает глубокому пониманию исторического времени и долгосрочных обязательств, необходимых для достижения успехов в институциональных и аналогичных областях. Это сильно контрастирует с бытующим в западной традиции акцентом на краткосрочный эффект, связанный с денежными отношениями между людьми.

В-пятых, более важное значение в иерархии ценностей имеет принадлежность к человеческому сообществу (общине), чем обладание собственностью или имуществом. Поэтому экономическая власть находится в руках людей, следующих нравственным нормам, но вместе с тем хорошо понимающих экономическую реальность.

В-шестых, значительный удельный вес логических и рационалистических элементов в китайском мышлении уравнивается интуитивными и эмоциональными моментами.

В-седьмых, сильное осознание того, что реальность имеет изменяющуюся сущность, причем характеризующие ее полярные противоположности находятся скорее в отношениях взаимодействия, чем конфликта.

В-восьмых, свое понимание роли торговли, технологии и науки в осознании проблем, существующих между инновациями, обусловленными развитием экономики, и состоянием окружающей среды. В связи с этим большой интерес проявляется не к «прорывам» в области науки, а к возможности «слияния» разных технологий, что больше отвечает интересам сообщества (общины).

В-девятых, сильная потребность и влечение к институциональному прагматизму и инновациям в ответ на возникающие проблемы. Это находит свое отражение в полномочиях и ответственности чиновников, управляющих обществом в манере, немислимой для неконфуцианских обществ.

В-десятых, глубокое беспокойство по поводу «духовного загрязнения», ассоциируемого с вестернизацией и индивидуализмом. Стремление избежать этого зла, отождествляемого с преступлением, поскольку оно способно ослабить, нанести ущерб сообществу (общине).

В публикациях многих современных китайских авторов отстаиваются следующие идеи. В узком, собственном смысле этого слова культура представляет собой духовное производство. Если говорить о традиционной культуре, то это накопленное государством, нацией в течение длительного периода времени культурное наследие, духовное выражение свойственного нации способа мышления. Поэтому ее нельзя тотально отвергать в процессе модернизации общества, поскольку сама она осуществляется на определенной экономической, политической и культурной основе. Китайские ученые подчеркивают, что отрицание традиционной культуры есть отрицание истории, отрицание национального духа, «искусственное лишение себя своего корня». Не страшны страдания, выпадающие на долю какой-либо нации в определенный период ее истории, страшно утратить свой национальный дух, пишут они. Вопрос о сохранении традиционной культуры связывается напрямую с судьбой нации, олицетворением которой является национальный дух. Вот почему возрождение любой нации, ее движение по пути модернизации в любом случае начинается с развития национального духа. Естественно поэтому, что отрицание традиционной культуры неизбежно ведет к утрате национального духа, создает хаос в общественном сознании, лишает правильных идеалов и ориентиров. В таких условиях становится невозможным и заимствование инонациональной культуры.

Китайские ученые указывают на целый ряд причин, по которым точка зрения «западников» является ошибочной. Главная из них заключается в том, что в традиционной китайской культуре имеется «богатое содержание», которое может быть заимствовано.

Во-первых, дух настойчивости, готовность к напряженной борьбе при достижении каких-либо целей. В Китае всегда на первом месте была повседневная жизнь с ее заботами и трудностями. Как говорил Конфуций, «благородный настойчив, не уставая», ему же принадлежат слова: «Если не знаешь жизни, то как ты можешь знать смерть». Другими словами, конфуцианская философия призывала опираться на собственные силы, не верить в предрассудки. Она воспитывала в китайцах стремление вести решительную, непреклонную борьбу со всеми опасностями, угрожающими природе и обществу.

Во-вторых, конфуцианство всегда придавало первостепенное значение практике, действиям, а не отвлеченным абстрактным размышлениям.

В-третьих, уважение к духовной жизни человека, его внутреннему миру. Нравственное самосовершенствование всегда имело важное значение для китайских мыслителей. Мэн-цзы говорил, что «духовное совершенство прекрасно». Поэтому осуждались всякого рода «низменные наклонности», например, стяжательство, жажда обогащения и т.п.

В-четвертых, патриотизм. В древности существовало изречение: «Процветание и гибель Поднебесной зависит от людей».

В-пятых, стремление к правде, истине, справедливости. В китайском социуме лживые, нечестные люди подвергались осуждению, они считались «низменными людьми». Девизом были слова «достаточно утром узнать правду, и тогда вечером можно умереть». Ради достижения истины «благородный муж» готов пожертвовать своей жизнью.

В-шестых, дух единства и взаимопомощи, уважение к старым и забота о детях.

В-седьмых, гуманистический подход к отношениям между людьми. Поэтому принципы конфуцианства применимы и для управления обществом, и для урегулирования международных вопросов.

Ошибка т.н. «западников», по мнению китайских авторов, состоит в том, что они противопоставляют традиционную культуру и модернизацию. Образно говоря, традиционная культура — не мертвая, а живая вода. Культура постепенно подвержена изменениям, в результате чего происходит обновление ее отдельных элементов. В традиционной культуре заложена связь времен — прошлого, настоящего и будущего. Рассматривать развитие как антитрадиционализм неверно, поскольку любая модернизация начинается с наличной, традиционной культуры, в противном случае это равносильно тому, как если бы у воды не было источника, а у дерева корня. Об опасности такого подхода, пишет один из китайских авторов, предупреждал К.Поппер, по мнению которого уничтожение традиций влечет за собой исчез-

новение самой цивилизации, к которой они принадлежат. Вместе с тем, китайские духовные традиции не препятствуют заимствованию элементов инонациональной культуры. Об этом свидетельствует вся история Китая в XX в., когда китайское общество оказалось восприимчиво к идеям демократии и науки.

Наконец, еще одна ошибка «западников» заключается в том, что у них отсутствует понимание диалектической взаимосвязи между национальной и мировой культурой. Дело в том, что западная культура не обязательно является синонимом всего передового, а китайская — всего отсталого. Поэтому нельзя оценивать продукты культуры как достижения или нет в зависимости от места их производства. В связи с этим в статьях китайских авторов говорится о том, что западной культуре свойственен дух наживы, культ золотого тельца. В то же время благодаря Китаю мировая цивилизация познакомилась с компасом, бумагой, порохом, искусством печатания, каменным углем (вместе с тем, видимо для «баланса», упоминается о заслугах европейских миссионеров, принесших в Китай достижения европейской науки).

Наряду с «западниками» в современных китайских научных публикациях подвергается критике и точка зрения т.н. традиционалистов, которые вновь появились в Китае на волне увлечения «современным новым конфуцианством». В отличие от национального нигилизма «западников» они занимают позицию абсолютизации культурного наследия, считая все его элементы культурным достоянием, не подлежащим пересмотру.

В настоящее время фактически идет *процесс соединения китайского марксизма с конфуцианством*²⁷. Интересный факт. Во время визита премьера Вэнь Цзябао в Западную Европу в 2006 г. его сопровождал известный китайский ученый, профессор Чжан Ливэнь, который читал лекции о конфуцианском принципе «хэ се» — согласие, гармония. Данное понятие объявляется ныне одним из центральных понятий этико-политической доктрины конфуцианства. Согласно его новейшей интерпретации, он означает толерантность, терпимость, миролюбие. Отсюда вне страны — пропаганда тезиса о мирном характере развития Китая, не угрожающем никакому другому государству, а внутри страны — проповедь лозунга дружеского отношения людей друг к другу. Подобное использование этических принципов лишний раз свидетельствует о серьезности отношения китайского руководства к обеспечению стабильности в обществе.

Российские специалисты по Китаю обращают внимание на то, что новое китайское руководство во главе с Ху Цзинтао-Вэнь Цзябао делает подчеркнутый акцент на человеке, в новой трактовке «тройного представительства» на первое место с третьего передвинуто по-

ложение «компартия выражает интересы широких народных масс» (раньше первым было положение «компартия выражает интересы передовых производительных сил).

В последние годы китайское руководство значительно усилило социальную направленность реформ, особенно в деревне. Аналогичные изменения происходят и в политической ротации лидеров. Российский исследователь А.Б.Ломанов говорит о том, что в своих выступлениях Ху Цзиньтао зачастую прибегает к традиционной терминологии конфуцианства. По его словам, «знаковым представляется использование Ху Цзиньтао в выступлении на конференции по теории важных идей “тройного представительства” в июле 2003 г. цитаты из Мэн-цзы – древнекитайского мыслителя, разработавшего концепцию о человеколюбивом правлении. Ху Цзиньтао процитировал следующие слова Мэн-цзы: “Если (некто) радуется радостями народа, народ радуется его радостями. Если (некто) скорбит скорбями народа, народ скорбит его скорбями”. В контексте речи эта древняя мудрость означала призыв к КПК добиваться народной поддержки (букв. “сердце народа”), потеря которой является коренной причиной заката любой политической партии, политической власти»²⁸.

Примечания

- ¹ Дело доходило до курьеза. Например, более двух лет начальником московской милиции был некто Мурашов, являвшийся до этого научным сотрудником одного из технических институтов. Именно ему принадлежит печальная «заслуга» в кризисе московской милиции 1991–93 гг., от которого она, в сущности, не может оправиться до сих пор.
- ² В составе ЦК КПК лишь один человек связан родственными узами с крупным партийным деятелем. Речь идет о министре коммерции Бо Силае, сыне Бо Ибо – одного из старейших китайских коммунистов, бывшего долгие годы членом Политбюро ЦК КПК. Однако Бо Силай, можно сказать, «выстрадал» свой нынешний пост длительной работой на низовом и среднем уровне.
- ³ Бергер Я. Политика реформ и структурно-функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 20.
- ⁴ Достаточно назвать только две фамилии – Владимир Рыжков, бывший в свое время одним из лидеров руководящей партии ельцинского режима «Наш дом – Россия», и Георгий Сатаров – бывший помощником Ельцина.
- ⁵ Достаточно указать на права т.н. сексуальных меньшинств.
- ⁶ Гао Минчжэн. Великое достижение политической цивилизации человечества // Дайджест Синьхуа. 2002. № 6. С. 3.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Бергер Я. Политика реформ и структурно-функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва). С. 20.

- ⁹ Социальные изменения в КНР в годы реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 106.
- ¹⁰ В Китае изданы три небольших тома «Избранных сочинений» Дэн Сяопина. Это не собрание специально написанных статей, в них включены его выступления на совещаниях, а также высказывания по различным вопросам, изложенные в редакции его секретарей.
- ¹¹ Данный тезис вошел с тех пор во все официальные документы, учебные материалы, публицистические статьи, публикуемые в современном Китае.
- ¹² В начале 1980-х гг. в Китае происходит пересмотр роли Бухарина в истории марксизма, КПСС и Советского Союза, организуются специальные семинары, посвященные его деятельности.
- ¹³ После 1981 г. в Китае происходит восстановление заслуг в возникновении и развитии коммунистического движения в 1910–1920-е гг. Чэнь Дусю, бывшего несколько лет генеральным секретарем ЦК КПК в 1928 г., исключенного из ее рядов за троцкизм.
- ¹⁴ Михеев В. О новой пятилетке Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 61–62.
- ¹⁵ См. статью главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» О перспективах развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 44–61.
- ¹⁶ О стратегии социально-экономического развития Китая, перспективах его экономики см. статьи Хэ Чжэньвэя и Лун Гоцяня в книге «Реформы переходного периода». М., 2005. С. 95–103, 143–154.
- ¹⁷ Хэ Нин. Марксистская философия и проблемы современности // Дайджест Синьхуа. 2002. № 5. С. 27.
- ¹⁸ Инь Цицзо. Новое прочувствование, новое осознание, новая высота // Реально осуществлять дух XVI съезда по всестороннему строительству общества малого благополучия. Шанхай, 2003. С. 1.
- ¹⁹ Автору статьи довелось лично читать на стенде, вывешенном около здания одного из шанхайских судов, его решения по бракоразводным процессам.
- ²⁰ Автору данной статьи пришлось уже в 1990-е гг. беседовать с двумя ближайшими советниками Горбачева. Оба они ссылались на невозможность использования китайских реформ из-за отсутствия в этой стране демократии. Возникает вопрос: кто мешал нашим «реформаторам» использовать методологию китайских реформ в экономике. Кстати, аналогичный путь прошли Южная Корея, Сингапур, Тайвань.
- ²¹ См.: Фан Лэй. Международное значение теории Дэн Сяопина // Изучение теории Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина. 2003. № 4. С. 98.
- ²² Вплоть до настоящего времени образцом для подражания объявляется солдат Лэй Фын, пожертвовавший собой ради спасения общественного имущества. Согласно китайской пропаганде поступок Лэй Фына относится к 1963 г.
- ²³ В Центре и на местах существуют специальные канцелярии по «социалистической духовной цивилизации».
- ²⁴ По разным данным количество ее членов составляло от 3 до 30 млн человек.
- ²⁵ Инь Цицзо. Новое прочувствование, новое осознание, новая высота. Реально осуществлять дух XVI съезда по всестороннему строительству общества малого благополучия. Шанхай, 2003. С. 6.
- ²⁶ Цит. по: Реально осуществлять дух XVI съезда по всестороннему строительству общества малого благополучия. С. 7.
- ²⁷ Автор данной статьи говорил об этом еще в 1994 г.
- ²⁸ Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы (окончание) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 20.

И.И. Кравченко

Через тернии к звездам (per aspera ad astra)

Коль скоро возникает вопрос о живучести Российского государства, оправдан ли этот вопрос или нет? — проблема существует и требует исследования. Исследования объективного, честного и на современном уровне, с применением новых методов анализа, разработанных социально-политической философией и общественными науками нашего времени. Давно уже пора отказаться от сетований, жалоб, разоблачений, деклараций и заменить все это единственно плодотворным принципом: «Познай самого себя». Не будем при этом забывать, что, теоретически, и без всяких конкретных предположений история государств, как и история отдельных людей и народов, всегда знала начало, расцвет и нередко летальный финал. Знанием такого рода историй не следует пренебрегать.

Краткий экскурс в недавнее прошлое. Экзогенные факторы выживания государства

Проблема государства приводит к вопросу о самом предмете: идет ли речь о государственном строе, политическом режиме, политической системе и центрах власти или о стране в целом, т.е. о власти и обществе и их взаимоотношениях. И все же, при всей сложности и многоаспектности этой проблемы, отвлекаясь от них, можно задаться вопросом, который оказался исключительно актуальным в современную эпоху для всего мирового сообщества — вопросом о жизнеспособности государства во всех его ипостасях и о его выживании в критических ситуациях.

Угроза выживанию государства, одной или нескольким составляющим той целостности, которую мы так именуем, может исходить, как известно, из двух источников: от внешнего воздействия и от внутренней слабости самого государства. Массовое изменение границ государств, трансформация самого принципа государственности — не новое, как мы знаем, явление в истории и, в частности или даже в особенности, в истории Европы. Предыдущая перестройка большого масштаба имела место, например, после Утрехтского мира в 1648 г., когда из более чем тысячи европейских государств осталась лишь половина. Впоследствии число их неуклонно продолжало сокращаться и дошло до нескольких десятков. Государства не выживали, государственность же как принцип политической организации общества трансформировалась. Подобная ломка совпала с появлением специфического государства Нового времени. Оно стало возникать в XIII и в XVI—XVIII столетиях закончилось его формирование. Суть новой государственности состояла в переходе политической системы и структур власти от отношений личной преданности — *affessio*, обычно закрепленной клятвами, за неимением иной документации, в переходе, повторим, к отношениям служения долгу — *officium*, обусловленном статусным положением служащего или служителя. Правда, оба этих типа отношений могли сочетаться, и служение могло оказаться служением некой находящейся во власти личности. Служение может стать услужением. Сочетание этих двух начал играет немалую роль и в наши дни, и существенно влияет на жизнеспособность государства. Кумовство, землячество, протекционизм, угодничество, сервильность неизменно подтачивают его политическое и нравственное здоровье. Неслучайно тоталитарные и авторитарные государства, в которых личное служение играет первостепенную роль, неизменно оказывались недолговечными, хотя, естественно, не эта причина, в первую очередь, определяла живучесть подобных режимов.

XX в. стал новой эпохой грандиозных исторических кризисов и катастроф, которые привели, как мы знаем, к крушению многих могущественных государственных образований. После Первой мировой войны начался распад системы принудительной интеграции, т.е. колониальных и союзных империй, который завершился после Второй мировой войны их почти полным исчезновением. Остался пока загадкой дальнейший исторический путь Китая, не вполне ясны и перспективы панисламизма и той террористической войны, которую развязали его боевые авангарды против пресловутого «Запада». Империализм экспансивен по самой его природе, и какой-либо новый глобальный империализм в этом отношении не будет исключением.

Геополитические и военные катастрофы современной эпохи нанесли существенный урон многим странам мира, но прежде всего наиболее развитым империалистическим государствам, которые их и породили. С лица земли исчезли, как известно, главные агрессивные государства, развязавшие войну. Глубокое потрясение пережили и державы-победительницы. Исчезли эфемерные государства-коллаборационисты, государственность освобожденных стран пришлось восстанавливать заново, а в некоторых из них неоднократно сменялись режимы и формы государственного строя. Послевоенный период ознаменовался в то же время бурным развитием производительных сил, научно-технической революцией, сулившей не только прогресс и новые свершения человеческого разума, но и ожидание ее негативных последствий. Новые опасности, угрожающие существованию человека и человечества и, конечно, государству — глобальные проблемы — все более тревожили современный мир.

После Второй мировой войны в середине XX в. западный мир переживал ощущение глубочайшего кризиса, наступление периода новых кризисов и катастроф¹. Алармизм на время стал господствующей тенденцией общественно-политической, философской и социологической мысли и общественных настроений. Для этого оказалось более чем достаточно весьма веских причин, в том числе касающихся и государства.

В новейшей истории активизировался процесс преобразования самого принципа государственности. Это политическое начало общественной жизни становилось все более динамичным, допускающим исчезновение государств одного типа (имеются в виду политический строй, политический режим, структуры и формы власти) и появление на их месте государств иного типа, их развитие, трансформацию и обновление. В исходе Второй мировой войны крушение тоталитарных государств и появление на их месте новых демократических режимов — наиболее яркий и известный пример подобных преобразований. Трансформировалась и государственность стран, выдержавших военные испытания. Они вступили, как мы знаем, в период новых испытаний, противостояния двух мировых систем и «холодной» войны между ведущими мировыми державами. Проблема выживания этих государств осталась актуальной. «Холодная» война, по сути дела, всегда была достаточно горячей. Она была соткана из напряженных международных и межгосударственных отношений, лихорадочной гонки вооружений и сотен гражданских войн и вооруженных конфликтов между новыми, возникшими из разрушенных империй государствами третьего мира. Для этих новых государств,

создававших и осваивавших свою недавно обретенную государственность, проблема выживания оказалась не менее серьезной. Ряд таких государств испытания на право существования, как известно, не выдержали — режим Пол-Пота в Камбодже, например, или Сиди Амина в Уганде и др. В 70-е гг. прошлого века в Африке, Азии, а также в Латинской Америке насчитывалось не менее семи диктаторских режимов, получивших официальное наименование «особо жестоких», большая часть которых ныне уже не существует. Они не выжили в условиях современного мира. Сложный процесс сохранения и развития государственности при летальном исходе эволюции того или иного конкретного государства, однако, не завершен и по сей день. Он обостряется странами, генерирующими терроризм, вооружающимися ракетно-ядерным и другими видами оружия массового уничтожения и порождающими стремление их потенциальных жертв прибегнуть к самому древнему способу борьбы с такими государствами: их принуждению к соблюдению норм международного общежития или их устранению.

Есть основание остановиться несколько подробнее на распаде империй, который весьма болезненно переживали и продолжают переживать многие ведущие страны мира. Процесс этот непосредственно касается и судеб советского государства. Принудительная интеграция государств или предгосударственных структур в одно унитарное государственное образование столкнулась, как это бывало и в отдаленном прошлом, с другой тенденцией — формированием простых политических структур, получивших наименование государства-нации². Такое государство моноструктурно. Оно объединено одной общей политической системой, общей экономической структурой, одним общим языком, общей культурой и общей исторической судьбой. Эта простейшая общность легче управляется, проще идентифицируется и решает свои проблемы.

Отсюда и стремление составных частей имперской периферии к обособлению и самоопределению. С другой стороны, сохранение и содержание империй становилось все более обременительным, поскольку оно требовало их охраны, администрирования, осуществления неизбежных мер по поддержанию порядка, экономическому развитию, содержанию государственного аппарата и, что еще важнее, могло вызывать притязания других претендентов на владения подвластными территориями. Управление обширными и разнородными владениями оказывалось чрезмерно сложным. Интернационализация общения, производства, разделения международного труда и его кооперации делала границы империй слишком

прозрачными, особенно с возникновением всемирной сети транснациональных корпораций. Что же касается поиска ресурсов и рынков сбыта, ради которых метрополии захватывали и содержали колонии, то во второй половине прошлого века стало ясно, что торговля, обмен деятельностью полностью обеспечивают потребности самых развитых стран. Отпала необходимость кого-то завоевывать, покорять, порабощать и колонизировать.

Распад имперских государств, конечно, не привел их к летальному исходу, но изменил тип государственности бывших метрополий. Исчезла диспропорция между одной высокоразвитой и демократической центральной частью империи и другой, слаборазвитой, зависимой ее частью.

Избавление от колониального империализма значительно облегчило политическое, экономическое и всякое иное бремя, которое отягощало государства-метрополии, но значительно усложнило структуру мирового сообщества и международные отношения из-за появления десятков новых, неустойчивых, нередко агрессивных и беспокойных государств. Возникли новые отношения между бывшими колониями и метрополиями, создававшие новые проблемы для развитых стран, в том числе эффект бумеранга, «реколонизации» бывших метрополий, в которые устремились обитатели прежних и порой не вполне благополучных стран.

XX в. оказался разрушительным для государств и государственности разных типов не только из-за кульминации вооруженного насилия и неслыханной в истории жестокости. Такой же разрушительной кульминацией стали политические предательства, стремление выжить за счет измены и политическая безнравственность, превосходившая нравы самого глухого средневековья. Первым шагом на этом бесславном пути стала уступка Рейнской зоны нацистскому милитаризму. Затем последовало предательство республиканской Испании, за ним — Чехословакии и Австрии и, наконец, фактическое попустительство агрессии нацистской Германии против Польши. Все это закончилось, как известно, разгромом Европы и созданием эфемерных марионеточных государств на ее территории, которые впоследствии были ликвидированы вместе с их создателями. Не приходится и говорить о вероломстве нацистов. Гитлер легко подписывал соглашения, договоры, пакты, которые и не думал соблюдать, внезапно громил то одну страну, то другую и предал свой собственный народ, покрыв его неслыханным позором. Он и сам стал жертвой самообмана, подняв руку на добычу, с которой он заведомо не был в состоянии справиться. Эти события, кстати говоря, лишний

раз показали имманентную связь политики и морали. Ретроспективный анализ упомянутых здесь событий свидетельствует о неизбежности отношений деяния и воздаяния. В этом отношении нет мистики, божественной кары, есть лишь необходимая связь двух больших общественных систем — политической и моральной. Урок истории в этом смысле поучителен, но он не гарантирует от его повторений. Безопасность и выживание государства потенциально остаются уязвимыми для новых рецидивов политического коварства. Избежать его опасностей государство может, прежде всего, преодолев собственное искушение политического вероломства.

Если принудительное интегрирование развитых стран с их слабо развитой периферией в одно имперское целое стало анахронизмом, то добровольная интеграция государств представляется ныне действенным средством поддержания их жизнеспособности. Переходным этапом к такой интеграции остается группировка государств, образование союзов государств, а следовательно, становится чрезвычайно ответственным выбор партнеров и союзников. Мир в наше время остается исключительно разнородным. Он разделен, как известно, на развитые, развивающиеся, слабо развитые страны, и выбор союзников, друзей и партнеров становится особенно ответственным. Государство, делающее такой выбор, может оказаться либо в обществе отсталых, а порой даже и агрессивных стран, либо в сообществе развитых государств, способных ускорить его собственное развитие. Это обстоятельство сейчас особенно важно в связи с обострением реакции «мировой деревни» на всемирный цивилизационный процесс и модернизацию, которая приводит к новому размежеванию планетарного сообщества, а также в связи с перспективой глобальных техногенных катастроф. Весьма существенна также организация дружественного и благожелательного ближайшего государственного окружения страны. Не следует забывать, например, что катастрофический ход первого этапа Великой Отечественной войны был во многом обусловлен неблагоприятным отношением к Советскому Союзу соседних стран по всей периферии фронта с севера до юга.

Жизнеспособность государства в высшей степени зависит от соответствия или несоответствия общественного строя, политического режима, государственных целей с общим направлением и конкретным состоянием исторического процесса, поэтому, например, попытка гитлеровской Германии создать новую континентальную империю с дальнейшим расчетом на мировое господство, сочетать феодальную дикость с изощренным индустриализмом оказалась чудовищным ана-

хронизмом и потерпела крушение. Государство, заботящееся о своей жизнеспособности, не должно ни отставать от хода мировой истории, ни опережать его.

Так или иначе в настоящее время и в ближайшем обозримом будущем экзотические воздействия на государства нашей эпохи не кажутся разрушительными и наиболее опасными. Более существенными и даже летальными представляются ныне эндогенные факторы выживания государства.

Бурные события истекшего века породили сомнения в возможностях политики и способности государства справляться с вызовами истории. Они совместились с традиционным скепсисом по отношению к прекрасным иллюзиям о безграничных возможностях человека и могуществе его разума. Особенно глубокие сомнения вызвали перспективы развития созидательных и разрушительных сил, порожденных человеком, и существование необходимых и разумных границ их развития. Эти сомнения привели к появлению теории пределов, объясняющей возникновение кризисов и катастроф, включая и пределы политики, власти и самого государства, его возможностей и специфику политического процесса.

Механизм смены политики и власти. Эндогенные факторы выживания государства

Политика должна быть продуктивной, как и любой другой вид деятельности. Рационально организованный политический процесс включает предсказуемые и управляемые зависимые переменные (идеи, ресурсы, средства и пр.), которые ведут к желаемому результату. Тем не менее любой политический процесс может столкнуться с появлением независимых переменных, непредвиденных и случайных обстоятельств, он всегда остается вероятностным процессом. Если политика динамична, она без задержек переходит на новую траекторию и движется к желаемой цели. Если же она не обладает названными только что свойствами, столкновение с неожиданными для нее препятствиями кладет предел ее движению. Это обстоятельство в XX в. вынудило исследователей разработать теорию таких дискретных процессов.

Проблема пределов в принципе вечна, даже если ее совершенно отделить от проблемы отдельности вещи или явления, их границ, пространственно-временной локализации (что, по-видимому, необходимо). Проблема пределов относится к процессам (сознания, дея-

тельности, общественным и природным явлениям), которые характеризуются определенной динамикой (началом, темпом, ускорением и замедлением, кульминацией, завершением), количественными и качественными изменениями развивающейся системы.

Идея предела всегда занимала человека. Она принимала форму представлений о пределах доступного пространства (облика мира, пределов страны, местности), пределах общественных отношений («свои» и «чужие», господствующие и подчиненные и т.п.), пределах дозволенного, пределах власти, пределах знания и др. Она известна как спор о конечности и бесконечности мира, познания, материи и т.п.

Идея предела играла и продолжает играть двоякую роль. Она служит доводом за ограничение какого-либо действия или представления и может оказывать негативное влияние на деятельность и сознание, сковывая их и останавливая их поступательное движение. Это, впрочем, не единственный результат осознания предельности. Предел может быть положен и антипрогрессивной, антисоциальной, антигуманной и т.п. негативной деятельности, нежелательным процессам и явлениям. Другая функция этой идеи — распознавание истинных, реальных возможностей и перспектив какого-либо развития, что чрезвычайно важно для всех процессов жизнедеятельности, социального проектирования, научного исследования.

Идея предела не означает предельности в абсолютном смысле понятия — это скорее понятие границы (жизни, протяженности, размеров и других свойств вещи, социальных явлений, например, сроков деятельности выборного органа власти, и т.п.). Предел ограничивает возникающее и исчезающее, изменяющееся и заменяемое явление (процесс) в рамках данной системы, данного развития, но не саму систему и не само развитие. Так, предел экспоненциального роста населения прекращает рост по принципу удвоения через сокращающиеся в геометрической прогрессии сроки, но не останавливает его вообще, лишь переводя его в другой тип роста — арифметический, логистический рост. Количественный предел роста не означает предела качественного развития (того же населения).

Понятие предельности может быть осмыслено как мера конечного, которая, с одной стороны, не позволяет выйти за границы возможного для данного объекта (данной системы), с другой — обозначают грань, за которой возможен выход за эти границы, переход в другую систему, возникновение другого объекта, что и обеспечивает бесконечность развития, процесс преодоления пределов. Этот переход может совершаться в результате экзогенных взаимодействий с другими конечными объектами, ограниченными им присущим пре-

делами, как экстенсивная бесконечность (иначе говоря, во взаимодействии объекта со средой). Он может происходить как взаимодействие внутренне присущего объекту конечного с бесконечностью его характеристик (интенсивной бесконечностью), в ходе происходящих в нем эндогенных процессов.

Естественно, постановка проблемы пределов не может быть самоцелью. Она обретает подлинный смысл лишь как первый момент решения более общей и содержательной задачи – выяснения условий, возможностей и результатов их преодоления. Проблема политики и ее будущего как раз и возникает как решение именно этой задачи. В конструктивных теориях о пределах можно говорить только как о невыраженной явно теме модернизации, роста, достижения новых рубежей, стадий и т.п. В теориях кризиса, напротив, концепция пределов выступает как аргумент в пользу его останова, развития, возможности перевода его в другие области или процессы.

Пределы представляют собой экстремальные состояния или точки траектории, в границах которых процесс данного типа может осуществляться, приближаясь или удаляясь от нормы (оптимума). Пределы также являются точками или границами перехода от одного состояния объекта к другому или от одного объекта (системы) к другому. Это своего рода грани, на которых и происходят переходы от одного качества к другому, скачки. Неслучайно к пределам ведут количественные изменения. Такого рода представление о пределах (лимитах) давно существует в естественных науках, оно является классическим для математики.

Общественные причины, социальное содержание и значение пределов могут в той или иной степени скрываться за специфическими конкретными факторами и формами соответствующих процессов, но они остаются имманентными им.

С пределами, с самим принципом предельности всегда приходится иметь дело в любом процессе целеполагания и не просто считаться с неизбежностью пределов, но и использовать свойство предельности в интересах целесообразной деятельности. Неизбежно включение представления о предельности в теорию и практику политического, экономического и любого другого рационально организованного общественного планирования. Лимиты ресурсов, в том числе времени, пространства – неперенные слагаемые плана, и планирующая деятельность в этом смысле состоит в оптимизации этих лимитов и их взаимном согласовании.

Пределами оперирует социальное, политическое, правовое, моральное регулирование в обществе. Основной смысл осознания пределов – познать необходимость изменений, дальнейшего развития с

тем, чтобы произвести революционные изменения, перейти на новый уровень развития, к новому типу развития, которое, в свою очередь, также придет к своим пределам, но позволит преодолеть пределы преемствующего типа развития.

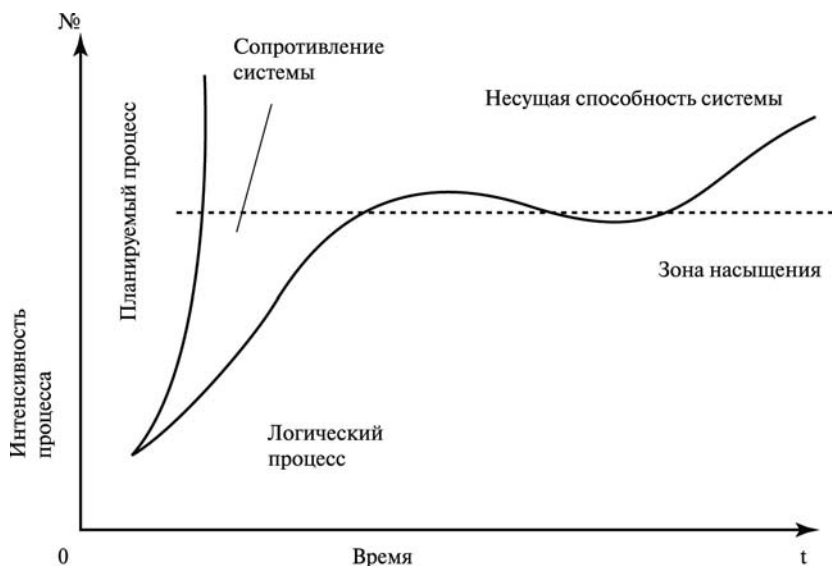
Конкретное представление о возникновении пределов можно получить при анализе какого-либо процесса, в нашем случае — *политического процесса*, который начинается, по всем правилам, с его замысла, проектирования, собирания ресурсов, планирования с указанием промежуточных и конечных целей и т.д. Протекание этого *вероятностного*, по самой своей сути, процесса и может привести к пределу его возможностей.

В сложившейся ныне теории предельных процессов (первоначально в области экологических, в частности, демографических) разработана методология их исследования³. Она позволяет показать в принципе любой процесс развития в пределах трех возможных альтернатив: соответственно приращению постоянной величины роста (арифметической закономерности), которое геометрически изображается в границах двух осей координат наклонной прямой; восходящей кривой реального процесса и волнообразной кривой угасающего логистического роста, который соответствует возникновению предельных явлений.

Проектируемый процесс рано или поздно изменяется под действием совокупности факторов, обозначаемых как «сопротивление системы» или «сопротивление окружения» (по всей видимости, того и другого вместе). Этот тип роста начинается плавно, ускоряется, прекращается на некоторой асимптоте, переходя тем самым в иной — логистический — рост. Обозначающая его графически кривая и есть логистическая или сигмоидная (подобная знаку S). Эта асимптота, которой стабилизируется логистический рост, именуется несущей способностью системы. Графически возникновение предела описывается следующей схемой логистического процесса.

Пределы обнаруживаются при приближении тех или иных показателей к критическим значениям, при которых происходит объективное изменение данной системы: она перестраивается, разрушается, изменяет поведение и т.п.

Ограничения политических процессов (равно как и любых других общественных процессов) и их воздействие на жизнеспособность государства и общества примечательно отражены в современной философской и общественной мысли. Достаточно вспомнить красноречивые названия многих известных работ на эту тему. Они говорят

за себя и свидетельствуют о драматическом видении ситуации: «Изменяющиеся ценности в нестабильном обществе», «Может ли мир выжить?», «Будущий шок», «Пределы роста», «Планета в опасности: Перспективы и предложения для выживания человека», «Закат власти» и др.⁴.

Следует признать, что интенсивная работа, направленная на исследование пределов западной политической и социальной философией и наукой дала свои плоды и способствовала стабилизации, пусть хотя бы частичной, западных государственных, политико-экономических систем.

Ныне настала наша очередь заняться такой же работой. Вернемся поэтому к проблеме возникновения пределов, вызванных сопротивлением системы. В ней сосредоточены многочисленные информационные источники отклонения политического проекта от его первоначального замысла: запаздывание информации, достоверность ее интерпретации, ошибочная или фальсифицированная интерпретация, спорность критериев отбора информации; особенности политической памяти участников политического процесса — ослабление исторической памяти, ведущее к повторению ошибок, избыточная

историческая память, тормозящая усвоение новых данных и пр.; способность моделировать общественные процессы, в том числе политические, которая предусматривает владение инструментарием социального прогнозирования, сценарии будущего, последствия принятия решений и их исполнения, само владение техникой принятия решений, умение осуществлять политический выбор и др. факторы⁵.

Переход процесса в зону, где исчерпывается несущая способность системы, означает прекращение развития, намеченного политическим процессом. Это либо застойная стабилизация незавершенных проектов, незаконченных реформ, плохо продуманных законов и т.д. и т.п., либо кризис процесса, требующий разрешения. Вместе с переходом процесса в волнообразную сигмоидную кривую, означающую смену подъемов и спадов, возникает проблема выбора: незавершенный процесс (развитие, реформа и т.п.), который необходимо возобновить на новом этапе с новыми исходными данными, новыми задачами и средствами, либо примириться с остановкой процесса, что в политике чревато утопическими искушениями представить его как успех. Иллюзии достижений, непризнанные или непонятые властью и обществом остановки развития, скрытые от общества и самой власти неудачи означают возникновение политических утопий особого типа. Это *конкретная* форма утопии, специфическая для каждого конкретного процесса и события, отличающаяся от привычных представлений о социальной утопии большого исторического масштаба, т.н. *актуальная* утопия, способная возникнуть в любом обществе и в любой конкретной ситуации⁶.

Успех политики, а следовательно, и жизнеспособность государств, естественно, зависят от изживания утопических явлений в сознании и деятельности, избавления от ложных расчетов и неоправданных ожиданий. Какую опасность представляют собой утопические иллюзии, мы уже видели в сфере внешней политики и экзогенных факторов выживания государства. Если, однако, внешние опасности существования — явления относительно редкие и непостоянные, то возникновение внутренних противоречий в политике, ее пределов и их негативных последствий — явления хронические и не менее опасные. Учение о пределах позволяет практической и теоретической политике во всех областях деятельности уходить от интуитивных решений, догадок и гипотез к рациональному, хорошо продуманному управлению. Обратимся теперь к некоторым моделям такого перехода.

Объективная ситуация современной России

Все предельные критические ситуации, которые пришлось пережить государствам XX в., выпали и на долю России, но в удвоенном числе и с несравненно большими потерями. Они хорошо известны: крах самодержавного государства, крушение буржуазно-демократического государства во главе с Временным правительством, распад страны после Октябрьской революции, Гражданская война, коллективизация, репрессии, Вторая мировая война, распад Советского Союза и новая смена государственного строя. Каждая пороговая ситуация в этом каскаде исторических событий сопровождалась, как мы теперь можем сказать, достижением и преодолением несущей способности соответствующего процесса и его переходом на новую траекторию.

Движение по этому историческому пути не могло не сказаться на состоянии страны, человека и общества. Это хорошо известно, что, однако, не исключает необходимости суммирования некоторых итогов. Замечу при этом, что жизнеспособность государства (страны, общества и человека) определяется не только всеохватывающими предельными ситуациями и кризисными процессами, но и исходом отдельных составляющих такого всеобщего процесса. К ним относится и проблема того человеческого потенциала, который определяет положение страны.

Проблемы человека. Первая проблема, о которой идет речь при анализе населения страны, — это, как известно, его количественное измерение. В дореволюционной России рождаемость достигала 29 человек *pro mille*, т.е. на тысячу человек населения. Правда, 50% рожденных детей не доживали до пятилетнего возраста. Тем не менее темпы роста населения были весьма высокими. По подсчетам Д.И. Менделеева, ряда русских и иностранных историков, население России должно было бы возрасти к 30-м гг. XX в. до 300–360 млн человек. Однако в предвоенной переписи населения, по не вполне достоверным данным, насчитали лишь половину этого числа (170 млн человек). После распада СССР в России осталось 148 млн человек, но и это число не возрастает, а постепенно сокращается. Государству, т.е. власти и обществу, приходится иметь дело с уменьшающимся по численности человеческим потенциалом. За сравнительно короткое историческое время Россия перешла от традиционного, архаического типа демографического процесса — высокая рождаемость при высокой смертности — к современному типу — низкой рождаемости при низкой смертности и к новому, деградирующему типу низкой рождаемости при высокой смертности.

Еще более существенны качественные изменения человеческого потенциала. Они многообразны и неоднозначны. Страна утратила свой прежний крестьянский облик. В ходе ускоренной индустриализации и форсированной урбанизации соотношение сельского населения (80%) и городского (20%) изменилось на прямо противоположное — 20 и 80%. Это означает переквалификацию населения, освоение им новых массовых рабочих и интеллектуальных профессий, значительный культурный подъем (30% грамотных в канун революции до почти полной грамотности), появление феномена массовой высокой квалификации населения, занятого в науке и промышленности на уровне производительных сил 1930–1940-х гг.

В то же время крестьянство, за счет которого и силами которого производилась индустриализация, существенно сократилось. Далеко не полная механизация сельскохозяйственного труда не восполнила утраты человеческих сил, понесенные по разным причинам сельским населением. Только за последнее время деревня потеряла еще один миллион человек, жители деревни уходят в города, население села стареет.

Рабочий класс, пополненный выходцами из крестьянской среды, на протяжении нескольких десятилетий обеспечивал промышленное развитие страны, в его среде сформировалась рабочая элита очень высокой квалификации. Это несомненный и общеизвестный факт. Однако очевиден и другой факт: массовое вливание новых сил в состав молодого рабочего класса оказалось тем явлением, которое было описано выше как сопротивление системы, ведущее к пределу ее несущей способности. Этим пределом оказалось столкновение созидательного потенциала страны с научно-технической революцией второй половины прошлого века, потребовавшей принципиально новой подготовки ее участников к освоению высоких технологий. В этом — не единственная и, конечно, преодолимая, но тем не менее существенная причина наметившегося уже во второй половине минувшего столетия отставания. Переход от индустриального общества к постиндустриальному, от экстенсивного развития экономики к интенсивному развитию не исключает, как известно, сохранения человеко-машинных систем, т.е. рабочего-станочника всех возможных профессий, с применением ручного труда, значительных физиологических усилий. Однако автоматизация производства, применение принципиально новых технологий, таких как биотехнологии, нанотехнологии и др. нуждаются в работнике качественно нового типа. Предел наличных возможностей в этом смысле сигнализирует о необходимости существенной модернизации не

одних только материальных средств производства (обновление станочного парка, создание новых производственных мощностей и т.п.), но и человека непосредственно производительного труда, а также фундаментальной и прикладной науки и ее кадров. И здесь мы сталкиваемся с другими пороговыми пределами, которые еще предстоит перешагнуть.

Речь идет о судьбе отечественной интеллигенции. Вместе с ликвидацией эксплуататорских классов и т.н. «чуждых элементов» оказалась утраченной и заметная часть дореволюционной интеллигенции. И без того малочисленная, составлявшая в эпоху Александра II и Александра III всего 0,02% населения (примерно двести тысяч человек), она заметно поубавилась в первые годы после революции и превратилась в ту самую «прослойку», о которой никто не мог никогда сказать, где она расположена в социальной стратификации страны, что, собственно, она «прослаивает». Но за время советской власти она неизмеримо разрослась и превратилась в социальный класс достаточно высокой квалификации, достигающий 30% от численности населения страны. При этом, как ни парадоксально, никакие самые жаркие споры, начавшиеся еще в 1960–1970-е гг., так и не прояснили вопрос, относятся ли к интеллигенции служащие или интеллигенция является классом служащих, притом еще, что сами понятия интеллигент, интеллигенция никогда не были анкетными, официальными и вольно или невольно по отношению к интеллигенции не исчезало враждебное простонародное отношение.

Современная интеллигенция сохранила свою традиционную общественную функцию – создавать идеальные социальные ориентиры и активно участвовать в движении общества к ним. Ей, однако, уже не свойственны те высокие нравственные и социальные качества – чувства долга, чести, достоинства, ответственности, сопереживания, которые отличали русскую интеллигенцию в прошлом. Такие качества не утрачены полностью, но они скорее единичны, а не коллективны. Т.н. «образованные классы» дореволюционной России формировались начиная с XVIII в. Их утрата не была и не могла быть восполнена в кратчайшие сроки. Они были заменены новой интеллигенцией, и эта интеллигенция в первом или даже во втором поколении неизбежно сохраняла и продолжает сохранять родовые связи со своей прежней социальной основой. В этих связях нет ничего плохого, но есть и своя специфика. К усталости от многочисленных идеологических и политических мобилизаций добавились традиционная и благоприобретенная социальная пассивность, слабо развитое критическое самосознание и незрелое правосознание, долготерпение,

чинопочитание, тяга к вождизму, склонность к коррупции, недостаточная способность маневрировать и адаптироваться к новым, весьма трудным условиям существования.

Социальное, культурное и нравственное выравнивание, которое характерно для современного общества, шло, таким образом, в двух противоположных направлениях: вверх, к знаниям и совершенствованию, и к снижению на более упрощенный, непритязательный уровень. Так или иначе, в стране сформировалась сильная производственная сфера труда, позволяющая обществу развиваться и вместе с тем наполняющая зону сопротивления общественной системе, направляя ее к пределу и новому этапу развития.

Непроизводственная сфера труда включает самые разнообразные, как мы раньше говорили, «отряды» и «кадры». Их составляют кадры управления, партийные кадры, командные кадры вооруженных сил, кадры управления материальным производством (инженерно-технические кадры), научные кадры, численность которых превышала в лучшие годы 400 тысяч человек, кадры просвещения и образования, учащихся и т.д. С появлением рыночной экономики в эту разнородную совокупность включился также «отряд» предпринимателей разных уровней. Между производственной и непроизводственной сферами оказывается растущая сфера третичной экономики, экономики обслуживания, которая соединяет обе эти сферы, а производство соединяет с населением.

Структурная сложность непроизводственной сферы усиливается ее внутренними противоречиями и возникающими предельными ситуациями. В ней сочетаются интеллектуальный потенциал страны, потенциал развития и совершенствования и прямо противоположное этому потенциалу явление коррупции, присущей многим структурам сферы, о которой здесь идет речь. Эта ситуация уже явно достигла пределов несущей способности систем и, очевидно, угрожает ее жизнеспособности.

Но проблемы ментального качества населения отступают на второй план или, по крайней мере, кажутся не столь существенными в сравнении с физическим состоянием значительной части общества: алкоголизмом, наркоманией, наследственными и прочими заболеваниями, высокой смертностью, низкой рождаемостью и снижением продолжительности жизни, которая составляет у мужчин 59 лет и 7–8 месяцев.

Особый качественный смысл приобрела люмпенизация, деклассирование части населения, вызванная деградацией отдельных его слоев. Она вызывается, как известно, трудностями жизни, утратой

профессиональной и социальной ориентации, упадком нравственности, безверием и равнодушием к себе и к окружающим. В итоге люмпенизация и маргинализация населения — открытые ворота для его физической и генетической деградации.

Явно предельной представляется ситуация, в которой оказались молодые поколения страны. Естественные трудности роста, социализации, адаптации к современным условиям и формам жизни усугубляются для подростковой и молодежной среды практическим отсутствием молодежной политики, систематизированного воспитания и заметным ослаблением привычного динамического стереотипа: учеба — профессия, образование — работа. Поэтому подростковая и молодежная среда легко криминализируется, становится добычей авантюристов, пропагандистов расизма и шовинизма и может оказаться горючим материалом вероятных национально-этнических и социальных конфликтов.

Общество. Пресловутое стирание классовых граней с перспективой построения бесклассового общества будущего, деградация крестьянства, за счет которого и силами которого производилась индустриализация, — далеко не полный перечень факторов, позволяющих говорить о фрагментарности современного общества. Оно остается классовым, и даже более классовым в связи с появлением частной собственности и все таким же перемешанным: рабочий, интеллигент, предприниматель, маргинал все также могут быть объединены условиями и местом жительства, личными и деловыми связями и даже идеологическими предпочтениями. Однако кризис конца прошлого века раздробил эту разнородную смесь на группы населения, одна из которых постаралась приспособиться к новым условиям существования, другая группа занялась обслуживанием преуспевающей части населения, третья осталась на прежних позициях, пытаясь выжить, четвертая принялась грабить всех остальных и пятая, наконец, — охранять общество от этих грабителей или делать вид, что она действительно этим занимается.

В результате произошло еще одно размежевание, которое хорошо известно и не нуждается в описании, — на чрезвычайно богатых, просто обеспеченных, мало обеспеченных и совсем обездоленных.

В этом многоосевом членении общества некоторые теоретики пытаются обнаружить т.н. «средний класс» как опору государственности. В самом деле, это не шуточный вопрос: может ли государство опираться на пеструю социальную смесь, которую составляет современное российское общество, и питаться ее идеями? Поскольку средний класс стремится выделить по признаку обла-

дания собственностью, поэтому в него легко можно зачислять и лавочников, и взяточников, и торговцев, и всякого рода криминальных персонажей.

Идея среднего класса возникла в американской социологии в середине прошлого века. В этот период, стоит напомнить, возникли теории «распыления собственности» и «народного капитализма». Рост материального благосостояния общества и серьезный удельный вес среднего и малого бизнеса в экономике развитых стран, казалось бы, давали основание для такого рода теоретизирования. Оно, однако, столкнулось с несомненными проблемами. Пресловутый средний класс, носитель народного капитализма, оказался крайне неравномерным, а его границы — весьма неопределенными. Поэтому его пришлось разделить на «верхний» и «нижний» средние классы. Но гораздо важнее оказался ничем не устранный рубеж между обладателями частной собственности и классами наемных работников. Формировать демократическое общество на такой разобщенной основе было довольно сомнительным предприятием. Демократия не становилась демократией большинства и, как показал опыт Германии 1920—1930-х гг., легко могла превратиться в «демократию лавочников». Поэтому такие известные мыслители, как Дениел Белл, социальные философы, группировавшиеся вокруг американского журнала «Нью Репаблик», и другие, пересмотрели понятие среднего класса.

Они сформировали средний класс из квалифицированных профессионалов в различных областях деятельности, которая и приносит им доход. Это социально активные люди, политически и нравственно вышколенные, ответственные граждане. Не случайно в современной социально-философской литературе понятие «средний класс» вытесняется понятием «новый класс», состоящий из профессионалов — рабочих, фермеров, ученых, медиков, преподавателей, инженеров, деятелей искусства и пр.⁷. Теперь вместо владения собственностью критерием отнесения к этому классу становится наличие имущества. Оно так же ответственно обязывает владельца к соблюдению норм общежития, закона, определенного образа жизни, связывает людей между собой, как и частная собственность.

Суть этого переосмысления общественной основы государственности в том, что из классовой (попросту говоря, мелкобуржуазной) она становится многоклассовой или межклассовой, открытой для притока в нее с двух сторон: со стороны обладателей собственности и со стороны остальной части общества. Таким образом, центральная общественная основа государственности расширяется и содержательно обогащается.

В 1976 г. Д. Белл предложил в книге «Культурные противоречия капитализма»⁸ понятие меритократии — власти «достойных». Меритократия должна составить ядро нового среднего класса, интеллектуальный резерв государства⁹.

Образованный подобным образом новый средний класс составляет центр гражданского общества, в максимальной степени наделенного положительными характеристиками такого класса. Подобная общественная конструкция и становится опорой жизнеспособного государства. Для России создание такой опоры — это шаг за пределы той несущей способности политической системы, которой она располагает в настоящее время. Формирование гражданского общества в нашей стране — это еще дело будущего.

Называть гражданским обществом вообще всех граждан — это по меньшей мере недоразумение, как если бы речь шла об объявлении: «Граждане пассажиры, пройдите на посадку». Гражданин и, соответственно, общество граждан — это еще не гражданское общество, а обозначение подданства. Гражданское общество — это не все общество, а лишь его наиболее развитая часть, наиболее продуктивная, социально и политически активная, нравственная и ответственная часть.

Гражданское общество занимает публичную сферу политики, оно в высокой мере ассоциативно. Это — *политическая* ассоциативность. Публичная ассоциативность обеспечивает формирование партийной системы во всем ее многообразии и по выработанным историей канонам: плюрализмом взглядов, конкурсом идеологий и образованием конструктивной оппозиции, как называли ее в XVII в. в Англии — лояльной оппозиции. Разнообразие и вариативность партийной системы существенно повышает динамику политического процесса, его способность преодолевать сопротивление среды и проходить пределы несущей способности системы.

Конечно, в той или иной степени ассоциативно любое общество. Крестьяне объединяются в общину, средневековое городское общество группируется в слободы, цеха, гильдии, коммуны, сословия и т.д. Однако все это — не политические виды ассоциативности. Возникает вопрос: как расценивать общество, в котором не развита эта политическая активность. Не раз уже прозвучало мнение, что в России вообще нет общества по этой причине, т.е. общества, способного обнаруживать солидарность реакций на значительные события, деятельно участвовать в политике и выступать равнозначным партнером в отношениях с государством, а значит, и воспитывать политический класс и его руководителей. Если иметь в виду дореформенную Россию с крепостным крестьянством и политически бесправными по-

датными сословиями и, более того, с отстраненными от политики дворянством, купечеством и чиновничеством, то в той России общества действительно не было¹⁰.

Во всех исторических обстоятельствах какое-то общество всегда существует. Понятие общества, как известно, крайне многообразно: это может быть и первобытное, и феодальное, и современное общество, общество Викторианской эпохи в Англии, самодержавной России XIX в. и т.д. Может быть, поэтому и не столь удивительно отсутствие канонического определения общества. Оно объясняется преимущественно принципом совместной жизнедеятельности. Но эта жизнедеятельность совместна и у пчел, и у муравьев, и вообще у всех стадных и стайных животных. Объяснение этого недоразумения, однако, известно. Его дал Т.Гоббс еще в XVII в. (в его знаменитых трудах «О гражданине» и «Левиафан»). Он показал, что между обществом и государством должны существовать договорные отношения: общество доверяет государству право устанавливать порядок. В этой форме общество и государство ведут диалог, это, собственно, и есть политика, т.е. взаимодействие двух ее субъектов по кибернетическому принципу прямой и обратной связи. Иначе говоря, общество выступает в роли равнозначного с государством политического партнера. Поэтому такое общество Гоббс и назвал политическим. Мысль Гоббса, собственно говоря, происходит от античной, аристотелевской традиции: человек политичен по самой его природе, как член общества, он занимается делами государства. Это аристотелевское «политическое существо» («политическое животное» – «*Zoon politikon*»). Идея участия человека и общества в политике многократно воспроизводилась в средние века: в Комментариях к Кодексу Юстиниана 529 г. (тексты Ульпина), в сочинениях средневековых легистов, Фомы Аквинского, Марсилия Падуанского и др. Власть и право в этой традиции принадлежат народу, и они лишь доверялись правителю на время правления, и то при соблюдении им закона. Гоббс показал еще одну сторону политической ассоциативности. Для того, чтобы договариваться с властью, люди прежде всего должны договориться друг с другом и лишь после этого договариваться с государством. У Гоббса они заключают пакт о прекращении «войны всех против всех», т.е. об отказе от безграничного и необузданного взаимного насилия, в пользу заданного взаимного насилия, а затем и о передаче права на *законное* насилие государству. Собственно говоря, и в этом решении Гоббс продолжал возникшую еще в средние века концепцию ассоциативности: способность людей вступать друг с другом в согласительные договорные отношения. Они получили наименование «*tractum subiectionis*», соглашения между людьми, первичной основой ассоциативности.

Надо полагать, что многовековой опыт социальных конфликтов, классовых битв и противоречий между обществом и государством (при отделении государства от общества) не оставляет сомнений в политических функциях общества. Если эти функции вытесняются государством, неизбежно возникает та многократно описанная выше коллизия, названная сопротивлением системы. Эта коллизия обостряется избыточной централизацией власти государством, которую не смягчают его попытки организовать в обществе политические институты, которые само общество не сумело или еще не успело выработать.

Осуществление обществом политических функций означает публичную политику, открытую для обсуждения, социального взаимодействия, общественного контроля и, главное, — децентрализации власти. Речь идет о разделении власти на макроуровень государственной ответственности и уровень общественного самоуправления, начиная с самого близкого к человеку уровня населенного пункта, квартала, района, предприятия и т.д. и т.п. Доверие государства к самоуправлению на всех уровнях — неременное условие мобильности политического процесса, его возможности проходить несущую способность системы и переходить с этапа на этап общественного развития. Другое условие политического участия общества — его экономическое развитие. Скучное общество не сможет заниматься политикой, формировать какой-либо средний класс и превратиться в гражданское общество. Материально обеспеченное общество, со своей стороны, политически более ориентировано. Благосостояние и политика в нормально развивающемся обществе — два взаимосвязанных начала.

Государство. Стремление государства централизовать общественные процессы, сконцентрировать власть и управление, естественно, неблагоприятно сказывается на оптимизации политического процесса и его переходе из предельных ситуаций на новую траекторию. Альтернативными такому движению могут оказаться утопические иллюзии относительно смысла государственной политики. Скрытая, кабинетная, кулуарная этика политического руководства особенно рискованна в этом отношении. Она ведет в тайники так называемого криптоправления (от греч. *kripta* — пещера). Она складывается из негласных действий и документов официальных и законных органов власти, из скрытых действий и намерений не причастных к власти организаций и, наконец, из действий тайных неправовых и противоправных формирований. Подобная сакрализация политики вынуждает общество либо безропотно ее принимать, либо уходить от нее, что, несомненно, неблагоприятно сказывается на жизнеспособности государства.

Централизованное государство несет в себе противоречия самой централизации: специфические пределы, ограничивающие возможности управления и самопонимания институтов власти в условиях разрастающихся функций аппаратов управления, втягивания государства в управление экономикой при непосредственном участии его в экономической деятельности. В этих условиях возникают характерные для современного государства пределы его организации, сложности общества, способности управлять своим государственным аппаратом.

Сложность внутреннего устройства и внешнего окружения является жестким ограничением способности организации понимать свое положение. Пределы возникают вследствие появления внутренних проблем руководства в сложных системах. «Взросшие объемы и сложности управления порождают внутренне присущие государству пределы второго порядка — пределы допустимого соперничества между бюрократическими учреждениями. ...Правительственная политика не становится продуктом рационального выбора, гораздо чаще она отражает соотношение сил бюрократического соперничества»¹¹.

Пирамидальная структура организации ограничивает ее объем и требует иерархически организованного контроля ее собственного роста. Считается, что «пирамидально» сформированная организация порождает некомпетентность, низкую нравственность, что наносит в результате ущерб ее эффективности¹². Организации такого строения, как считают многие исследователи, имеют тенденцию замыкаться в самой себе по отношению к окружению и в результате становятся неспособными «обучаться».

Концентрация, централизация и усложнение государственного управления объясняются стремлением уподобить управляющую систему управляемой, т.е. обществу. Задача эта в принципе невыполнима, но централизация власти делает ее неотразимо притягательной. В результате возникает то беспорядочное разрастание государственного аппарата, которое получило наименование «инкрементализма» (от англ. *increment* — возрастание, увеличение). Инкрементальное правление не предвидит проблем; оно реагирует на них с опозданием, лишь когда они обостряются. Такое правление — «чаще всего консервативная сила», неспособная направлять движение общества¹³.

Выход из возникающей организационной коллизии, которая обусловлена стремлением государства к концентрации власти, очевиден: разделение власти между государством и обществом, ее децентрализация, объединение усилий государства и общества в партнерском согласии.

Цели общества и государства. Как бы ни была организована политическая система страны, неизбежно возникает вопрос, есть ли у нее значительные общественные цели и каковы они. Поскольку мы приучены всегда что-то строить, вопрос этот может звучать так: не строим ли мы в самом деле что-то новое или, напротив, что-то старое? Ответ на этот вопрос известен: мы строим рыночную экономику. Но рыночная экономика — это капитализм. И вот по этому поводу в обществе и, вероятно, в государстве нет согласия. Проблема и в самом деле крайне сложна. Как сказал однажды известный польский экономист Лешек Бальцерович, чтобы из капитализма построить социализм, надо разбить аквариум, вылить из него воду и сварить рыбок. Затем, продолжал Бальцерович, чтобы из социализма построить капитализм, надо склеить прежний аквариум, снова налить в него воду и напустить новых рыбок. Судя по многим признакам, работа эта еще далека от завершения. Аквариум более или менее восстановлен, хотя некоторые его детали утрачены, а другие не совсем к нему подходят. Живительная влага, которой надлежит его наполнить, т.е. идеология нового общества и государства, все еще под вопросом. То ли это будет интегральная демократия, то ли какая-либо иная демократия, то ли либерализм (от которого теперь все шарахаются), приправленный и подкрашенный какими-либо идеологическими примесями, то ли каким-то образом переоформленный авторитаризм, то ли что-нибудь еще совсем неведомое — все это пока лишь предположения. Что касается рыбок, то они налицо и были только что кратко описаны.

Естественно, что неопределенность, разногласия и противоречия государственного строительства и общественного процесса можно рассматривать как эпизод политического и исторического развития, который может быть описан в виде логистической кривой на грани несущей способности системы. Вопрос выживания этой системы решается, как мы уже знаем, ее способностью выйти за пределы присутствующих ей ограничений.

Выход из кризиса

Стремление общества и руководства страной преодолеть критическую ситуацию нашего времени не вызывает сомнения. Некоторые из этих ситуаций отмечены в предлагаемой статье, другие и без того хорошо известны, какая-то их часть, может быть, еще не распознана. Одним из исходных условий разрешения кризисных проблем, надо полагать, должно стать наиболее полное знание реального по-

ложения страны в настоящее время и ее перспектив в будущем. Следующим шагом, естественно, должно быть объективное критическое истолкование сложившегося положения вещей и затем — это уже третий шаг — эффективные действия общества и государственной власти для решения если и не всех, то, по крайней мере, основных, жизненно важных проблем. Все эти прописные истины, может быть, не стоило бы и напоминать, если бы можно было и в самом деле рассчитывать на их реальное исследование.

Об эффективности власти обществу чаще всего приходится судить по ее собственным заявлениям, докладам, речам и обещаниям. Между тем, возможно более точное и объективное определение ее эффективности. В мировой и советской науке еще недавно высоко ценились т.н. точные методы исчисления исчисляемых и неисчисляемых величин, позволяющие повысить объективность оценок самых субъективных и скрытых общественных процессов, в том числе и таких, как политика. Эмпирический и прагматический хаос бурных политических событий последних десятилетий вынудил оставить заботы об объективности и точности и ограничиться общими рассуждениями о целесообразности и истинности. По-видимому, наступило все же время вернуться к более ответственным оценкам политики.

Совокупность измерений политического процесса достаточно обширна. Это:

- проверка соответствия этой совокупности операциональным возможностям субъекта политического процесса, свойствам власти, ее возможностям и средствам;

- построение модели процесса для его исследования, направления и корректирования;

- определение связей среды и процесса, т.е. входных воздействий на него (переменных управления и возмущения) и выходных (положительных и отрицательных обратных связей, идущих от объекта, возникающих в самом процессе возмущений и его воздействий на среду). В этих выходных воздействиях обнаруживаются свойства процесса. Все эти связи, в свою очередь, подлежат измерению и оценкам;

- определение поведения объекта (состояния процесса) в разных, прежде всего, начальных и конечных фазах и прогноз его дальнейшего развития.

Условиями и ограничениями исследования политического процесса будут знание причинно-следственных связей всех измеряемых параметров, учет бесконечности его свойств и признаков, неизбежность их редукции к ограниченному множеству свойств, вероятностный стохастический характер многих (особенно субъективных) аспектов политического процесса и др.

Будучи массовым явлением, политический процесс подвержен действию многих факторов, одни из которых, как уже отмечалось, способствуют его развитию, другие его тормозят, отклоняют от заданной траектории и даже могут остановить. Чем дальше заходит процесс, тем значительнее тормозящее действие на него извне и в самом процессе (последействие). Вспомним, что, начавшись ускоренно, экспоненциально, процесс замедляется и далее если не прекращается полностью (что обычно для политических процессов), то стремится к некоторому установившемуся значению. Этот переход свидетельствует, как уже выше отмечалось, об исчерпании потенций данного процесса, достижении им пределов возможностей процесса (несущей способности системы), за которыми он должен перестраиваться, чтобы продолжать двигаться к новым пределам. Подобным же образом и еще очевиднее изменяются и приходят к своим пределам отдельные составляющие процесса. Соответственно значительно проще определяются и их параметры.

Параметрическое исследование политического процесса (будем считать его частично параметрическим) может быть описательным, может формализоваться, особенно относительно некоторых его параметров, которым могут быть даны численные, количественные значения.

Разумеется, для политического процесса и для большинства его параметров не могут быть указаны какие-либо числовые, формализуемые значения (как и для большинства других общественных процессов). Возможно, однако, их косвенное измерение — через материальные затраты и результаты или другие возможные выражения. Такие косвенные измерения вообще могут быть широко применимы в измерении социальных объектов, и тогда формализованное представление о них перестает быть простой иллюстрацией, хотя и эвристически содержательной и важной. Что касается, например, демографической и экологической политики, экономической, любой иной, имеющей дело с количественными показателями, то реальность исчисления пределов очень высока. Для демографических процессов крупного масштаба, она, по-видимому, уже подтверждается (речь идет о расчетах мирового населения и относительной стабилизации темпов его роста в недалеком будущем). Примеров уже выявленных пределов только в политике можно насчитать сотни. Назовем, в частности, исчерпание возможностей политики экстенсивного развития экономики. Ее предел был, например, достигнут в Советском Союзе и в ряде других стран. За ним начинается политика интенсификации развития. Более сложный пример — гонка вооружений. Не все пара-

метры политики вооружений достигли предела. Одни из них — реальные возможности уничтожения человечества (технический параметр — 20 третила на человека) уже давно вошли в зону насыщения, другие — испытания атомного оружия в трех средах — остановлены и сокращены ниже этой зоны, третьи — политические решения, направленные на продолжение гонки — давно миновали зону насыщения других параметров и продолжают развиваться по экспоненте (расходы на вооружение и накопление оружия). Этот пример показывает, кстати, возможность неравномерного прихода к пределу разных параметров политического процесса и свидетельствует о возможности политическими средствами преодолевать или обходить пределы материальных или каких-либо иных параметров системы.

Существует и такой давно опробованный метод оценок, позволяющий рассматривать политику в четких объективных рамках, как широко распространенный еще недавно анализ социальных индикаторов. Они представляют собой, как известно, подборку конкретных данных, характеризующих какое-либо общественное состояние: уровни зарплат, цены на товары и услуги, заболеваемость различных категорий населения, уровень образования и т.д. и т.п. и затем пользоваться этими данными с помощью определенного математического аппарата.

В политическом языке наших дней популярно понятие стабилизации, как завершения всевозможных пертурбаций. Однако стабилизация может быть статичной в форме волнообразной сигмоидной кривой с некоторыми частными конструктивными перестановками акторов и декораций. Она может быть динамичной, представленной восходящей кривой политического и общественного процесса. Это стабилизация общественного развития во всем его объеме — социальном, политическом, культурном, моральном, экономическом. Она и станет залогом жизнеспособности государства. Остается надеяться, что, завершив, наконец, вертикальное государственное строительство, а еще лучше, не дожидаясь конца этого бесконечного процесса, государство перейдет к горизонтальному общественному строительству — демократическому воспитанию населения, обучению его навыкам самоуправления. В итоге может возникнуть важнейший фактор развития, позволяющий государству не просто выживать, но жить все более благополучно: строительство, так сказать, по диагонали, объединяющей государство и общество.

Примечания

- 1 См. в качестве примера работы: *Кравченко И.И.* Экологическая проблема в современных теориях общественного развития. М., 1982; *Кравченко И.И.* Модернизация мира и сегодняшней России // *Вопр. философии.* 2002. № 9. *Triedman G.* La crise du progrès. P., 1936; *Sorokin P.* The crisis of our age. N. Y., 1942; *Aron R.* Le temps du malaise // *Express.* 1979. № 1435. *Barnie.* À la crise n'est pas queb'on croit. P., 1981; *Dalor Y.-P.* De la logique du desastre à la intcessite des crises. P., 1978; *Quelle crite 8 Quelles societe?* /R.Aron, F.Chatelet, R.Dumont e.a. Grenoble, 1974; *Farrester.* Nored dynames. Cambridge, 1974; *Yager W.* Katastrophe und Gesellshaft: Grundlegungen und Kritik von Modellen der Katastrophensoziologie. Darmstadt; 1977; *Rousseas S.* Capitalism and catastrophe: The critical appraisal of the limits to capitalism. Cambridge, ets., 1979 и др.
- 2 Но не «национального государства», т.е. государства с одной титульной, как говорят, нацией, составленной из достаточно разнородных (разноплеменных) частей и с инонациональными включениями, например англичане или американцы либо немцы как нация.
- 3 *Boughy A.S.* Strategy for survival. An exploration of the limits to farther populations and economic growth. Menlo Park (Cal.) etc., 1976; *Daly H.E.* Steady-state economics. San Francisco, 1977.
- 4 См., в частности: Wenk Ed. Margins for survival // *Overcoming political limits in steering technology.* Oxford, 1979.
- 5 См: *Неуймин Я.Г.* Модели в науке и технике. Л., 1984; *Кравченко И.И.* Политика и сознание. М., 2004.
- 6 См., кроме упомянутой выше работы И.И.Кравченко «Политика и сознание», его же работу «Бытие политики». М., 2001.
- 7 The new class? /Ed. by V.Bruce-Briggas., R.L.Bartley, D.Bell, P.L.Berger etal. N. Y., 1979; см. обзор западной литературы о «новом классе» в статье: *Новый класс: леворадикалистские и неоконсервативные решения проблемы* // *Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций.* М., 1986. С. 225—236.
- 8 *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. N. Y., 1976. Другие издания 1978 и 1996 гг.
- 9 Белл не ссылается в своей работе на теорию государственности Платона, но эта его идея весьма напоминает классификацию политических режимов, разработанную Платоном, в которой он выделяет правление лучших (аристократию), правление многих или всех (демократию) и правление худших (тимократию).
- 10 См.: *Кравченко И.И.* Слагаемые либерализма и демократии на Западе и в России. М., 1996.
- 11 The global predicament: Ecological perspectives on world order /Ed. by D.W.Orr, M.S.Soroos. Chapel Hill, 1979. P. 313.
- 12 *Argyris Chr.* Management and organizational development. The path from XA to YB. N. Y., etc., 1971; *Blau P.M., Meyer M.W.* Bureaucracy in modern society. N. Y., 1971; *Systems theory for organizations development* /Ed. by Th.G.Cummings. Chichester etc., 1980.
- 13 The global predicament. P. 315.

Содержание

Предисловие	3
<i>В.Н. Шевченко</i>	
Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема	5
<i>Р.И. Соколова</i>	
Духовность как основа жизнеспособности государства	41
<i>В.И. Спиридонова</i>	
Современное государство: опыт Запада и современные проблемы России	73
<i>В.Г. Буров</i>	
Жизнеспособность государства (на примере современной истории Китая и России)	98
<i>И.И. Кравченко</i>	
Через тернии к звездам (per aspera ad astra)	125

Научное издание

**Жизнеспособность Российского государства
как философско-политическая проблема**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *А.В. Сафонова*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 14.09.06.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 9,56. Уч.-изд. л. 8,99. Тираж 500 экз. Заказ № 021.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119992, Москва, Волхонка, 14